

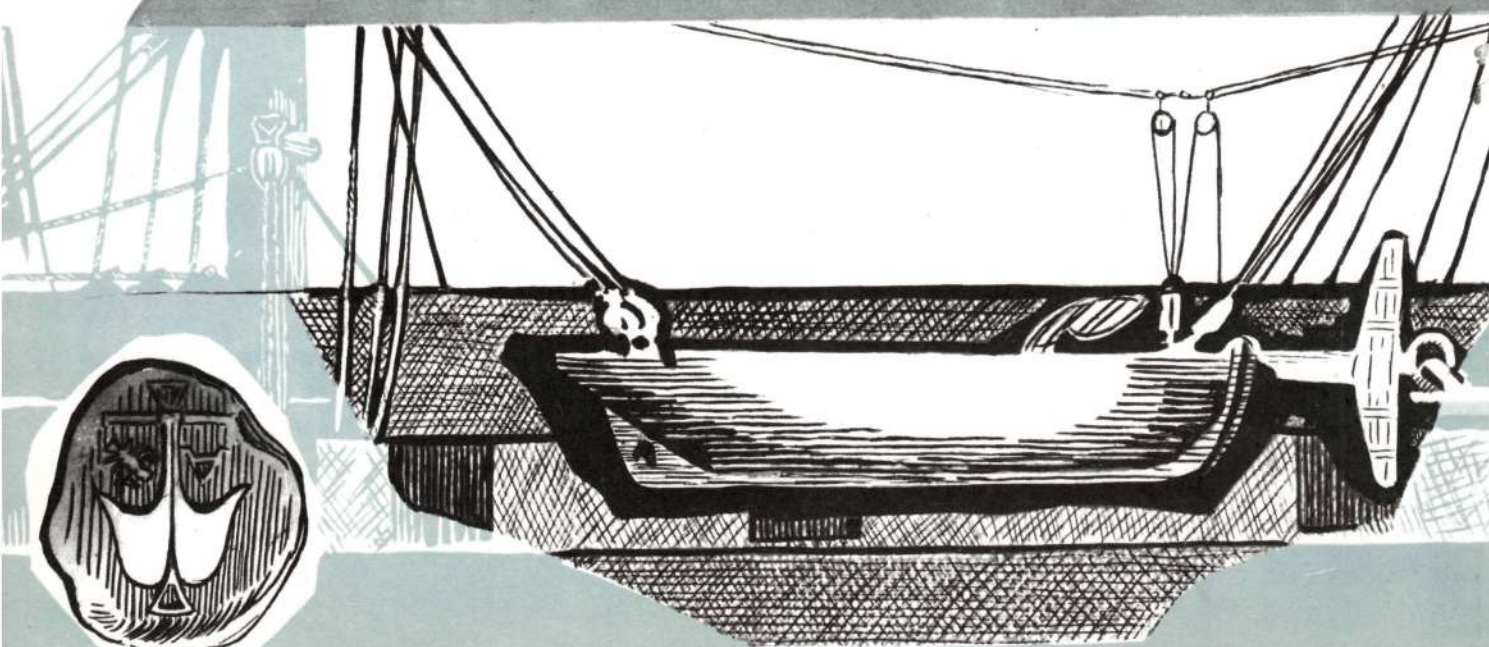

ВОКРУГ СВЕТА

1 1968
ЯНВАРЬ

КЛЮТ-КОМПАНИЯ
„Вокруг света“

...В каждом фонаре Ленинграда — отблеск бессмертной красоты одного из красивейших городов Земли.

...Любой изъеденный морской солью якорь хранит память о борьбе человека с морем.

...И даже в обыкновенном поясе можно увидеть частицу истории.

Сегодня в нашей «Кают-компании» капитан второго ранга Алексей Михайлович ИВАНОВ, журналист Лев Николаевич СКРЯГИН и писатель-фантаст Григорий Юрьевич ФИЛАНОВСКИЙ. Ведет встречу доктор исторических наук Георгий Борисович ФЕДОРОВ.

1968

ВОКРУГ СВЕТА

№ 1

ЯНВАРЬ

Журнал основан в 1861 году

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ

НАВСТРЕЧУ 50-ЛЕТИЮ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

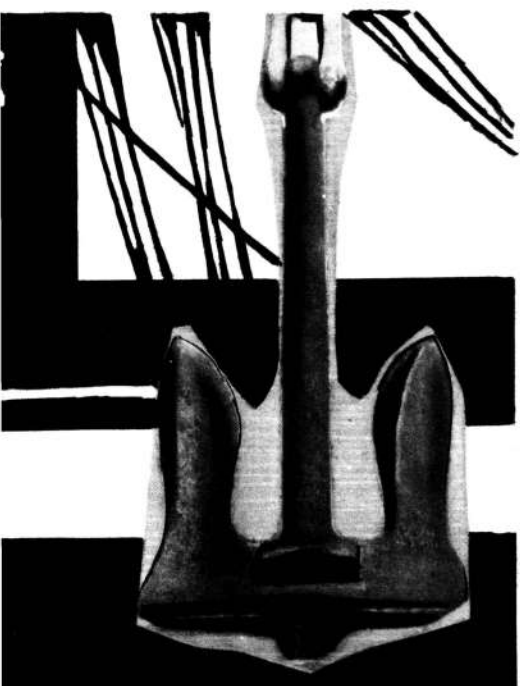
РЕПОРТАЖИ НАШИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ С БОРТА ЛЕТАЮЩЕЙ ЛАБОРАТОРИИ, ИЗ ЗОНЫ ОГНЯ, С ВЫСОТНОЙ РАДИОРЕЛЕЙНОЙ СТАНЦИИ И ПОГРАНИЧНОЙ ВЫШКИ.

ПЕРВЫЕ ШАГИ УДАРНОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ СТРОЙКИ.

«ИСТОРИЯ РОТЫ М» — ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ ДЖ. СЭКА О СУДЬБЕ АМЕРИКАНСКОЙ РОТЫ ВО ВЬЕТНАМЕ.

ЗАГАДКА СВИСТЯЩИХ ЛЮДЕЙ.

КАДЬЯК НА ЧУКОТКЕ — МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ!

вдруг зловеще зазвенел сигнал тревоги. Взыли сирены.
— Пожар на четвертом промысле!
«На четвертом», — эхом отозвалось в сознании командира отделения Василия Королева — он уже был в машине...

Четвертый! Василий вспомнил жирную землю, опутанную нефтепроводами, белые цистерны, обширные озера, куда на время спускают нефтяные отходы. Четвертый дает много нефти. Одни скважины там фонтанируют, другие не спеша тянут день и ночь с глубин девица черную и тяжелую жидкость.

Встречные грузовики, оглушенные воем сирен, топчливо жмутся к обочине. Пожарные машины с визгом берут повороты. Пронесится мимо желтая гора Нарыш-Тау, и на дороге, огибающей ее, Василий видит еще две красные машины — и они мчатся к пожару...

Василий давно воюет с огнем и знает: если к пожару спешат машины всего отряда, значит дело нешуточное, будет много работы.

Подпрыгнув на крутом повороте, вперед вырывается красный «газик» начальника отряда Владимира Александровича Лошинина. Рядом с Лошининым, напряженно наклонившись к ветровому стеклу, сидит его заместитель Виктор Сергеевич Бормотов.

Василия Королева считают природным пожарным. Кажется, его сухошащее тело всегда в напряжении, как сжатая пружина. В стремительные минуты боя он чувствует себя спринтером, который в секунды вкладывает всю волю, силу и выносливость. Но в сравнении с этими асами пожарного ремесла, что сидели в кабине «газика», он считал себя мальчишкой.

Много лет воюют Лошинин и Бормотов с огненными бурями, много раз смерть подстерегала их в бешеном пламени, много раз выносили они людей из пожара, угоревших, задохнувшихся в дыму. Пожарный боец всегда рискует. А командир рискует вдвойне — собой и своими бойцами. Потому так ответственны те инженерные, технические решения, которые он принимает в короткие минуты опасности. А ведь ни один пожар не походит на другой — у каждого свой норов и свое упрямство, и к каждому надо подобрать свой ключ...

Василий провожает глазами командирский «газик» и косится на своих бойцов. Они сосредоточены и чуть взволнованны. Ближе к нему сидит совсем молодой пожарный в каске, туго перетянутый ремнем. На носу его поблескивают капельки пота. «Волнуется, мало бывал в переделках, — думает Королев, — ну да ничего, обомнется».

Василию вспоминается, как лет четырнадцать назад поздней осенью на одной из скважин тугой нефтяной напор пробил прокладку во фланцевом соединении. Нефть попала в электромотор. Фазы замкнулись...

И было мало воды. Маленький ручей мог дать воды лишь на три ствола. А надо было пустить в работу не меньше тридцати стволов, ударить по огненному фонтану в одну точку, оторвать пламя от нефти. Больше сотни пожарных ждали приказа. И командир Федор Андреевич Серкунов, чувствуя это, искал единственно верное решение. Он знал, что такой пожар можно потушить и направленным взрывом. Но тогда скважина надолго выйдет из строя, тысячи тонн нефти промысел недополучит.

Возить воду из других источников тоже исключалось — долго, а потому бесполезно. Огонь уже угрожал соседним скважинам и хранилищам, работающим там людям. Серкунов несколько минут словно безучастно смотрел на огненный вихрь, взлетающий к низким осенним тучам, смотрел до тех пор, пока его брезентовая куртка не начала раскаляться и сухо потрескивать.

И все-таки он нашел выход.

— Всем рыть траншею!

Сотня лопат врезалась в мерзлую землю, сотня бойцов поняла своего командира. Три часа перекачивали воду из ручья, а когда в траншее скопилось вода, машины опустили в нее хоботы водозаборников, и тридцать яростных струй вонзились в пламя...

А что будет теперь?

Над лесом вышек рядом с серебристыми нефтя-

Е. ФЕДОРОВСКИЙ,
наш спец. корр.

ТОЛЬКО ЧТО

ными цистернами дым тянет огромную полосу. Рыжий жирный огонь плещется по нефтяному озеру. Порывистый ветер жгутом вкручивает в небо вихри.

Машина сворачивает с магистрали и трясется по изрытому полю. Потом пробивается сквозь сплошной дым и, вырвавшись, подкатывает к очагу. «Газик» Лошинина уже здесь. Разворачиваясь, останавливаются рядом другие машины. Из кабин выскакивают бойцы, разматывают серые пеньковые рукава. Готовы аппараты тушения. Только вместо

привычных стволов бойцы держат в руках странные приспособления, напоминающие ведра с пробитыми днищами и стенками.

Эти аппараты — новинка на промыслах Башкирии. В них из специального раствора образуется обильная пена. Попадая на горящую нефть, пена отбивает пламя от воздуха и тушит огонь.

Пламя тупо и грозно гудит. Ветер наддает, как мехи в гигантском горне кузнеца. Нефть кипит, протуберанцами выбрасывая багрово-красный огонь. Дым — чернее сажи. Он настолько плотный, что даже ветер не в силах растащить его космы. Лицо и руки обжигает жар. «Почему они медлят? — думает Василий про Лошинина и Бормотова. — Слово хотят, чтобы молодые узнали, что такое настоящий пожар...»

Виктор Сергеевич Бормотов в синей ватной курт-

РЕПОРТАЖ ИЗ ОГНЯ

БЫЛА ТИШИНА...

ке, с мегафоном на груди отдает приказания. Бойцы стремительно соединяют рукава и бегут к огню, как к окопам врага. Командиры отделений докладывают о готовности. Василий тоже готов. У него лучшее отделение — на пять секунд раньше остальных замерло оно перед огнем, нацелив на него свои аппараты. Лошинин смотрит на часы — прошла всего минута, пока машины развернулись, оценив пожар, и пожарные приготовились для схватки.

— Начали! — говорит Бормотов.

Шоферы включают насосы. Раствор из цистерн устремляется в рукава и закипает в аппаратах. Белой лавой плещется на огонь пена. Она быстро заполняет нефтяное озеро и своей мохнатой, похожей на свежий снег, шапкой забивает пламя.

Огонь шарахается от берега, уходит на середину озера. Но следом, прямо в нефть, только что горевшую, шагают бойцы.

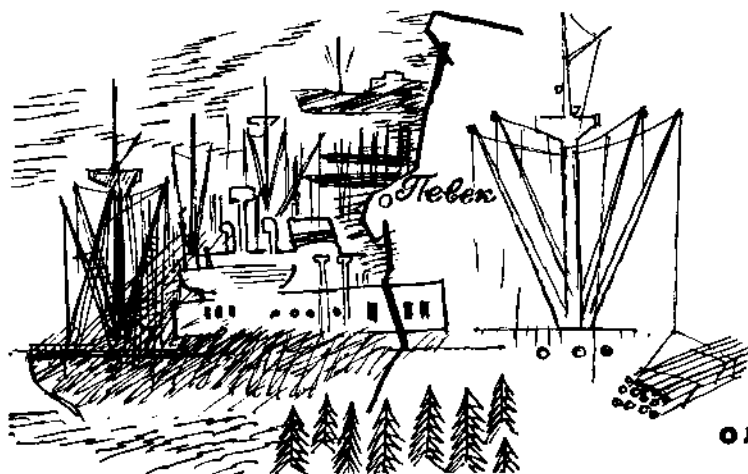
Еще с минуту по нефти мечутся пламя и дым. Еще с минуту во всю мощь своих металлических легких работают насосы. Еще с минуту клбкочет в едкой круговерти пена. И пожар сникает. Лишь пена да тоненькие струйки пара. Только что охваченная жутким, испепеляющим пламенем нефть отдает тепло морозному дню.

Бойцы вытерли закопченные потные лица и закурили. Лошинин тоже вытащил пачку сигарет и удовлетворенно затянулся...

Это огромное зло — пожары на нефтепромыслах, как ураганы, землетрясения, паводки и наводнения. В нефти всегда присутствуют взрывоопасные газы, в том числе метан. Вырываясь с глубин на поверхность с огромной скоростью, они несут с собой пыль и мелкие камни; стремительное соприкосновение с металлом — искра — и скважина взрывается гигантским фонтаном пламени. А сегодня...

Сегодня, как выяснилось потом, проходили обычные учения. Озеро было подожжено специально. В остальном все было так, как при настоящем пожаре. Пожарные бойцы должны быть всегда готовы к схватке с огнем.

ОЛЕГ КУВАЕВ,
наш спец. корр.

Очень большой

МЕДВЕДЬ

Рис. В. НЕМУХИНА

Встановка-то в общем была не из лучших. Жестяная печь отчаянно дымилась, несмотря на все наши фокусы. Мы мастерили ее два дня, используя половину ящика из-под хороших галет «Арктика» и проволоку. Из второй половины галетного ящика согнули трубы. Печь мы топили ягелем. Сухой ягель вспыхивал минутным счастьем тепла, превращаясь в дым и нежаркий пепел. Кассиопея горит лучше, но кассиопея здесь не росла. Она не могла здесь расти, потому что сегодня, двадцать девятого июля, ветер хлестал по палатке снежной крупой. Такое сложилось лето. Этого никто не предвидел и даже не мог предвидеть, как выяснилось позднее.

Коля сидел у печки и отмахивался от дыма корявой рукой рыбака. Он торчал из громадных меховых штанов эдаким бородатым цветочком. Слезы скатывались по щекам и застревали в бороде мутным жемчугом.

Я взял бинокль, натянул кухлянку и отстегнул тугие застежки палатки. У входа намело ослепительную снежную косу. За палаткой хлестала о берег пенная вода озера Эльгыгтыгын. Был пропащий для поисков день. Полосы снежных зарядов вроде паникующих волчьих стай металась над озерной котловиной. На юг, к долине, вытекающей из озера реки Энмываам, видимость держалась с километр, не больше. Гора Чувэриной на восточном берегу со своим великолепным, на десятки километров заметным цирком проглядывала лишь смутным силуэтом остроконечной вершины. Все это поминутно менялось. Когда я повернулся к кражу Академика Обручева, увидел его весь. Десять минут назад его не было видно. Снег завалил вершины, облака приплюснули их, и горы сравнялись; они напоминали пологий заснеженный зимний перевал, когда он уже близок, ясно видны ложбины и краешек неба за перевалом.

Я не стал расстегивать палаточный вход, лег на живот, поднырнул и вполз в дымное, пропахшее шкурами и рыбой логово. Коля мучительно шарил в глубинах необъятных штанов, искал спички, чтобы разжечь потухший примус. На мгновение я забыл, что сейчас: конец июля. Щемящая тоска зим-

По следам гипотезы

него нартового пути — от нее не избавиться тому, кто хоть раз бывал в нартовой дальней дороге, — сияла тяга заснеженных перевалов дружеской ладошкой сжали мне сердце. Может быть, на зимней дороге и началось то, что привело меня сейчас в горы центральной Чукотки, на озеро Эльгытыгын.

Я поверил, что медведь-кадьк существует. Да, я занимался в чукотских горах поисками зверя, которого у нас никто не видал, и поверил в этот день, что он есть.

«...В 1898 ГОДУ ВПЕРВЫЕ СТАЛО ИЗВЕСТНО О СУЩЕСТВОВАНИИ САМОГО КРУПНОГО В МИРЕ ХИЩНИКА — ОГРОМНОГО БУРОГО МЕДВЕДЯ, ОБИТАЮЩЕГО НА КАМЧАТКЕ...»

Бернар Эйвельманс,
бельгийский зоолог

«...ОН ВЗГЛЯНУЛ ТУДА, И КРОВЬ ЗАСТЫЛА В ЕГО ЖИЛАХ — ТАМ, НА ГРЕБНЕ ХОЛМА, НА РАССТОЯНИИ БРОСКА КАМНЯ ОТ ТОГО МЕСТА, ГДЕ ОН ДОЛЖЕН БЫЛ ВЫЙТИ ИЗ КАНЫОНА, СТОЯЛ АКУ, ОГРОМНЫЙ МЕДВЕДЬ СЕВЕРНЫХ ПУСТЫНЬ»

Фарли Моут, канадский писатель

«БЫВАЕТ. ВСТРЕЧАЕТСЯ. РЕДКО».

Иван Ульвелькот, чукотский охотник

В этой вере было много интуиции и мало фактов. Но ведь интуиция — это один из путей к конечному логическому познанию. Когда Амундсен отправлялся открывать Северо-Западный проход, где потерпели неудачу десятки экспедиций, он почти интуитивно выбрал шхуну «Йоа» с мелкой осадкой и плохими вследствие этого мореходными качествами, но мелкая осадка предопределила успех экспедиции, и с той поры использование таких шхун стало правилом в водах Канадского архипелага. Великий Нансен обосновал свой знаменитый дрейф с востока на запад на худых фактах, эдаких слабо паспортизованных деревяшках, выкинутых на берег Гренландии. Много писалось о феноменальном даре академика Колюмбова, который может указать конечное решение проблемы за многие месяцы до того, как будет найден логический ход решения. Не стоит много рассуждать об интуиции, но она родная сестра уверенности в правоте, и она поддерживает и в тех случаях, когда твоя уверенность

для большинства — едва ли не абсурд.

Когда родилась моя интуиция? Может быть, на одном из перевалов Западного плато острова Врангеля, когда мой хитроватый друг Иван Ульвелькот, каюр экспедиционной упряжки, произнес во время перекура: «Я двадцать раз проходил этот перевал на нартах. И каждый раз встречал новое. Еще двадцать раз поеду и опять увижу другое. Умру я, умрут все будущие люди, и все равно останется неизвестное...»

Впервые я услышал об «очень большом буром медведе» в 1959 году на реке Угаткин, в верховьях Чаунской долины, от пастухов-чукчей. База нашей партии и стойбище пастухов находилась рядом. У нас быстро установились добрососедские отношения. Имел место высший тундровый этикет. Вечерний блеск огня под чайником, слабый треск горящей полярной березки, запах кирпичного чая, запах шкур яранги, тишина ночной тундры.

Как дети, мы любили ночью толковать об интересных и страшноватых вещах. Я слушал про озеро, которое иногда вздувается страшным бугром и бугор тот лопается, распространяя зловоннейший запах, и «о большом, как яранга», буром медведе, который ходит в горах. Я точно помню, что медведя я объяснил горным чукотским туманом, в котором можно зайца принять за лошадь.

Гораздо позднее мне попала в руки книга бельгийского ученого Бернара Эйвельманса «По следам неизвестных животных».

«В Западной Европе, — пишет он, — лишь в 1898 году впервые стало известно о существовании самого крупного в мире хищника — огромного бурого медведя, обитающего на Камчатке, в Северо-Восточном Китае и на Сахалине. Родич его, медведь-кадьк, живет по другую сторону Берингова пролива, на Аляске. Этот медведь — настоящее чудовище. Длина его более 3 метров и вес более 700 килограммов...»

В голове у меня с той поры остался маленький пунктик, эда-

кий гвоздик с еле торчащей шляпкой, и я стал собирать материал об «очень большом медведе». Мне не удалось установить, чтобы кто-либо из серьезных людей слышал на Камчатке или на Сахалине о невероятно большом медведе. Точнее, я установил, что никто о нем не слышал. Большие и страшные медведи были и есть, но я искал информацию именно о наводящем ужас чудовище, о котором мне говорили под треск костерка из полярной березки пастухи глухой Чаунской долины. В одной популярной книге попалось сообщение, вероятно, основанное на Эйвельмансе. Но имелось любопытное расхождение. Вместо Камчатки, сведения о медведях которой систематизировал еще академик Крашенинников, упоминалась Корякия — глухая горная страна, расположенная на границе Камчатки с Чукотским полуостровом. Вот это было любопытно!

Следующий слух о загадочном звере чукотских долин дошел до меня через два года. Началось все с... белых медведей. В апреле 1963 года на двух грузовых нартах с лаборантом Сергеем Скворцовым и каюрами Куно и Ульвелькотом двинулись по южному побережью острова Врангеля от бухты Сомнительной к мысу Блоссом. Примерно на второй половине пути, после лагуны Предательской, вдоль берега моря здесь идет узкая коса. На этой косе и на отмелях мыса Блоссом, где находится моржовое лежбище, частенько остаются трупы погибших от разных причин моржей. Белые медведи знают это и в голодные весенние месяцы выходят на косу. Они там обычны, и одного из них мы вспугнули. Вначале он убежал вдоль косы, потом стал уходить во льды, как всегда делают белые медведи, уходя от собачьих упряжек. Это был зверь солидных размеров. Мы хорошо рассмотрели его, пока удерживали взбесившихся собак, которые рвались в погоню. На какое-то мгновение мы, видимо, отвлеклись, потому что вскоре увидели двух медведей. Вот этого, второго, можно было назвать чудовищем. Громадный, застарелого желтого цвета зверь даже не убежал, а просто уходил рядом с первым; лимонная шерсть на задних колыбалась, и первый, ведь тоже матерый зверь, выглядел рядом с

ним как теленок рядом с коровой-маткой. Ульвелькот даже посерел от интереса. Собаки наши совсем озверели, мы с трудом их удерживали, но все-таки я проследил в бинокль, как меньший почтительно отклонил курс в сторону, а большой так и ушел во льды, похожий на потревоженный стог сена... Позднее мы наткнулись на его следы — что-то вроде днища бензиновой бочки. Я-то не был авторитетом, а Ульвелькот, полярный охотник, сказал: «Бывает. Встречается. Редко». И пресек беседу. Не знаю, что он хотел сказать. И не удалось пока узнать... Но не в этом ли следует искать разгадку истории, услышанной мной от пастухов, и того, о чем писал Эйвельманс? Как-то на стоянке на островах Серых Гусей, близ Колючинской губы, капитан нашей байдары в ответ на мой рассказ о «чудище мыса Блоссом» сказал: «Бсть в горах. Другой. Очень страшный. Я не видел. Мало кто видел. Слухи». Должен добавить, что раньше наш капитан был пастухом.

Потом я наткнулся на книгу Фарли Моуэта, полярного исследователя, этнографа, писателя, прожившего годы среди континентальных эскимосов Аляски, — «Люди оленьего края». Здесь не место писать о достоинствах этой прекрасной книги и строгого человеческого документа. Для моего поиска важно, что Фарли Моуэт приводит в ней легенды, слухи и рассказы, услышанные от жителей страны Барренс. Вот что случилось с ихалмютом¹ Белликари, когда он был еще мальчиком.

«...Он взглянул туда, и кровь застыла в его жилах — там, на гребне холма, на расстоянии броска камня от того места, где он должен был выйти из каньона, стоял аклу, огромный медведь северных пустынь!

Аклу — страшный бурый зверь, ростом вдвое выше белого полярного медведя; это таинственное чудовище, о котором мало кто из белых людей слышал; свирепое животное, оставляющее на песке следы длиной в половину руки человека; аклу, чье имя однозначно со словом «ужас» на языке полярных эскимосов!

Встречается он редко, так что многим ихалмютам даже не доводилось видеть его следов, чему они очень рады. И все же он существует, этот гризли Барренс!»

Совпадение с тем, что я слы-

шал семь лет назад от друзей-пастухов, было поразительным!

Кадык, пастухи, переросток среди врангелевских льдов, аклу, Эйвельманс... Слова байдарного капитана. Я чуть не рвал на себе волосы от досады — я даже фамилий пастухов не запомнил. В общем я пришел к убеждению, что если организовать экспедицию на Чукотку, то, может быть, посчастливится разобраться или хотя бы начать разбираться во всей этой чертовщине с медведями непомерной величины, о которых говорят то на Чукотке, то на Камчатке, то на Аляске...

С этим я и пришел в «Вокруг света» — я вспомнил, что еще с давних времен существует благородная традиция проведения поисков, экспедиций под флагом какого-либо журнала.

Общий план в конце концов свелся к следующему. На Чукотке есть горное озеро Эльгыгтыг. Оно расположено в центральной части Анадырского нагорья на водоразделе между реками Чаунской и Анадырской долин, первые из которых впадают в Ледовитый, а вторые — в Тихий океан. На север уходят истоки Угаткына, Пучевсема, Омрелькая, Чауна. На юг — Юрумкувесема и Энмываама; сливаясь, они образуют большую реку Белую, впадающую, в свою очередь, в Анадырь. К востоку начинается царство Большого Анюя, Анадырское нагорье с сотнями больших и малых долин, разделяющих и разрезающих небольшие горные кряжи. Район озера Эльгыгтыг, находящегося в центре этой сумятицы, — один из самых глухих на Чукотке. Даже геологические экспедиции здесь бывали «краем»; по перспективности район не относится к первоочередным. Но с давних пор оно было «Меккой» оленеводов. Летом здесь холодно, в отдельные годы на озере даже не исчезает лед, о чем говорит перевод названия: «Нетающее озеро». Надо сказать, что само озеро числилось у чукотских старожил легендарным. Ходили слухи о невероятных рыбах, обитающих в нем, о «стадах медведей», пасущихся на его берегах. И если где-то бродит канадский аклу, или кадык, то и чукотский аклу запросто мог сохраниться среди сотен глухих горных долин, окружающих озеро Эльгыгтыг.

Итак, мы выбрали за исходную точку озеро Эльгыгтыг.

От Чаунской губы его отделяло триста километров.

Друзья, с которыми я тут же списался, Коля Балаев и Володя К. сами собирались в этом году на озеро Эльгыгтыг. Николай Балаев намеревался вести там промысловый лов рыбы. В районе озера в этом году базировалась партия геологов, и их изредка навещал самолет АН-2, садившийся на галечную террасу реки Энмываама. Балаев со своим рыбацким грузом уже вылетал на зафрахтованном самолете, Володя соглашался подождать меня. Все-таки самолет на озеро Эльгыгтыг летал редко, случайно, предугадать рейс было невозможно, но зато хорошо было известно, что погода, пригодная для полета, «прорезается» на озере лишь иногда.

Оставалось обдумать цель поисков. Прежде всего я намеревался найти доказательства реальности существования неведомого зверя. В случае крайней удачи — увидеть. При невероятной — сфотографировать.

Ну о верхней ступени этих замыслов, по-видимому, лучше умолчать. ...Великий Кювье заявил в самом начале XIX столетия, что надежд на открытие новых видов крупных млекопитающих почти не осталось. Прогноз его не оправдался: именно в конце XIX столетия и в начале XX новые виды крупных млекопитающих сыпались как из рога изобилия. Были открыты дикий верблюд, дикая лошадь Пржевальского, тибетский медведь, карликовый гиппопотам, карликовые водные слоны — всего не перечислить. В своей книге Эйвельманс называет множество крупных животных, открытых в последнее столетие, дотоле неизвестных науке. Поиск продолжается. Известно, что в последнее время много говорится о реликтовых животных, то есть о существах, уцелевших от давних эпох в редких благоприятных для их существования оазисах. Мировой сенсацией явилось открытие целаканта — рыбы, которую называют предком всех живущих на суше. ...Нет, о верхней ступени экспедиционных замыслов лучше все-таки было помалкивать, ибо Кювье, во всяком случае, был прав в том, что открытие нового вида в наше время не шутка, а источник длинной цепи серьезных научных обобщений.

Просмотр научной литературы, которую удалось добыть, не дал ничего существенно нового. Г. Ф. Бромлей в недавно вышедшей книге писал: «Дальневосточ-

¹ Ихалмюты — племя континентальных эскимосов Аляски.

ные, или камчатские, медведи отличаются от медведей прочих подвидов крупными размерами, достигающими максимума среди медведей Старого Света». Вопрос о медведях Анадырского края он считал недостаточно ясным. В книге Л. А. Портенко «Фауна Анадырского края» писалось, что на Чукотке водятся два типа медведей: колименсис — помельче и берингианус — большие.

Последнее как бы примиряло извечные споры среди геологов-охотников, ибо одни считали чукотского медведя очень крупным, другие очень мелким. Наверное, среди медведей Эльгыгытнына встречались оба типа, но меня интересовал третий, особый тип.

Кроме фотоаппарата, я взял восьмикратный бинокль. Для горных охот многие применяют бинокли с большим увеличением, но опять-таки к своему я просто привык, и, кроме того, бинокль с большим увеличением сильно сужает поле зрения. «Своего медведя» я надеялся рассмотреть и в восьмикратный.

В первых числах июля я отбыл в Певек.

Певек возник в начале тридцатых годов, когда в стране был острый оловянный голод. В образцах, доставленных С. В. Обручевым с соседнего мыса Валькумей, нашли касситерит — оловянную руду.

Вскоре на Валькумее был открыт рудник, а Певек стал базой чукотских геологов. К Валькумее прибавились оловянные прииски в тундре. Певек превратился в крупный поселок с солидным морским портом. Однако в 40-х годах на пресном озере возле него можно было стрелять уток в трехстах метрах от домов. В пятидесятых геологи Певека заклаутили многолетнюю историю поисков чукотского золота. Было открыто крупное промышленное месторождение на реке Ичувеем. Утки с озера исчезли — Певек бешено строился, транспорт еле успевал привозить народ. Может быть, поэтому и называли Певек «чукотским Клондайком». Но между ними есть разница, не меньшая, чем разница между игроком в «орлянку» и математиком.

...Клондайк возник как случайная удача, как выигрыш в игре. Игрок уповает на счастье, математик — на логику мира, логику науки. Развитие Певека шло и идет логичным путем, ибо базой его служит логика геологической

науки, которая давно уже выросла из детских штанишек старательского «фарта» и сейчас может прогнозировать свою удачу на десятилетия вперед. Певек сам может служить примером удачных прогнозов. Он далеко не исчерпал свое олово, на котором вырос, только начинает разрабатывать золото, только подступает к ртути, но дальний прогноз уже называет другие металлы, о которых еще рано говорить, но которые неумолимо возникнут на карте названиями поселков...

Многие из бывавших в Певеке утверждают, что поселок страх как непригляден. В общем-то ему некогда и трудно было становиться приглядным. Знаменитые «южаки», несущие тучи песка, снега и даже щебенки, сдирают с домов окраску. Тепловая электростанция, которая дает энергию Певеку и многим приискам на сотни километров вокруг, естественно, коптит. Ну что говорить, Певек — это не образцовый город, это работа, таким он родился. Но тому, кто хочет оценить его красоту, надо просто летом забраться на сопку. И тогда Певек оказывается городом, торчащим из воды. С земли этого не заметно. Но с сопки кажется, что кубики домов, прокинаямая труба электростанции и порталы — все это размещается где-то на сваях. Под сваями море.

...Я мчался к геологическому управлению, как к родному дому. Мне прежде всего хотелось посмотреть на огромный, как башня тяжелого танка, череп быка примигениуса, что из века лежал у входа. У меня с этим черепом связаны мемуары. Задыхаясь, я устремился к входу и черепа не увидел.

Вдоль всего фасада управления был разбит сквер. В сквере покачивались рослые ромашки. Крупные ромашки, не меньше тех, что растут под Москвой, покачивались на мокром ветру, и сверху посыпал ледяной дождик и снег.

Пожалуй, только сейчас я увидел этот снег и то, что стою на бетонном тротуаре, которого раньше не было, и осознал, что Певек-то мой ведь стал четырехэтажным. Город в общем. Я вошел в свой бывший родной дом. Управление было пусто, как бывает пусто геологическое управление в разгар летнего сезона. Где-то в глубине коридора маялась одинокая фигура. Наверху в своих кабинетах были на посту

Лев Константинович Хрузов — главный геолог, и Ларионов Яков Севастьянович — начальник экспедиции. Из этих стен вышли лауреаты Ленинской премии, кандидаты и доктора наук, первооткрыватели уникальных месторождений. Лев Хрузов и Яков Ларионов принадлежат к плеяде старожилов — они тут с незапамятных времен. Сейчас в ход пошла ртуть. На уникальном месторождении киновари, открытом в 50-х годах Виктором Копытиным, вступил в строй уникальный же ртутный комбинат. Клондайк исчез вместе с золотом — канул в мирражи легенд и преданий, остались книги Джека Лондона и статьи «Даусон — мертвый город», «Вымершие небоскребы», в общем все вымершее, вроде как в палеонтологии, откуда явился тот бык примигениуса. Куда они все-таки девали его череп? Я этого не узнал, череп исчез, но Певек, посыпанный дождиком, пылью и снегом, прочно стоял на месте и собирался стоять, как собиралось стоять его прославленное геологическое управление, а мне оставалось только гордиться, что в этом здании, откуда вышли первооткрыватели месторождений, кандидаты наук, лауреаты Ленинской премии, и я «родился» как инженер и отсюда начинал свои первые экспедиции...

Коля Балаев со своим рыбацким снаряжением давно уже был на озере. Мы были вдвоем с Володией К., который сдержал свое слово — дождался меня, и перед нами стояла редкая по сложности задача.

В этом году навигация началась необычно рано. В этом году стояла необычно мерзкий июль. Все в этом году с погодой было необычно, и мы еще не знали, что это серьезно.

На прииски возвращался отпускной люд, на десятках «точек» требовались солерка, бензин, доски, цемент, кислородные баллоны. В отделе перевозок рычащими львами сидели снабженцы и хватали с боем первый подвернувшийся «борт», в крохотной комнатушке ожидания томились крупнокалиберные начальство с грозными бумагами, а над всем этим бушевала чукотская июльская непогода.

Ночевать здесь, на базе, было негде, все-таки это была Чукотка: на крылечке тут не подремлешь, а ставить палатку и разворачивать спальные мешки

считалось неудобным: Певек не дикая тундра.

...О таких перевалочных базах можно писать эпопеи. Великие биографии курили на крыльце, бродили по шлаковым дорожкам и маялись в креслах. Невероятные рассказы о потрясающих событиях запросто висели в воздухе. Немыслимые личности мирно били «козла» на обшарпанных чемоданах.

Среди серых красок чукотского лета возвращается первоначальный смысл к ставшему пошловатым выражению — «дети — цветы жизни». Как всегда на всех перевалочных базах, здесь было много детей, и они оставались детьми среди гула прогревающихся моторов, суеты автобусов и грузовиков. Большинство было одето почему-то в красный цвет, возможно из-за очередных чудес снабжения. Но на севере красный цвет приятен для глаз.

По шлаковым дорожкам нашей базы лихо носился красный автомобиль. Он мчался по лужам, выписывая повороты, давал

задний ход. Педали автомобиля крутил пацан лет четырех, у него были замашки всамделишного лихача, шоферская кепка с козырьком и темные очки. Пожалуй, он был во всем скопище путешественников самым неунывающим человеком.

К середине июля установились погожие дни. Однако погода на озере оставалась задачей с многими неизвестными. Анадырское нагорье возвышалось на юге синой стеной, и над стеной этой клубились облака.

20 июля в семь часов мы перехватили случайный АН-2. Вместе с нами летел Владик Писаренко, инженер-синоптик, долговязый, сухолицый, похожий в своей вязаной шапочке скорее на бродячего матроса с какой-нибудь бродячей хитобойца. Он сказал, что погода над нагорьем «так-сяк», и просветил нас о погоде в этом году вообще.

Владик Писаренко, задумчиво пожывая кончик папиросы, со-

общил, что в этом году мы имеем аномальный метеодод. В Тихом океане взбесились тайфуны. Их уже успело проскочить второе больше годовой нормы. На севере, наоборот, необычайно ранняя весна, ранняя навигация, и все это может кончиться очень ранней зимой.

Погода бродит по одиннадцатилетним циклам, связанным с солнечной активностью, внутри того цикла вроде все идет по канонам, в промежутке же между циклами бывает год, когда все закономерности летят к чертям: ошибаются всеведущие деревенские деды, а грамотные и сильно оснащенные электронной аппаратурой синоптики не решаются дать дальний прогноз, в аномальный метеодод может случиться все что угодно. Я только теперь понял причину возникновения в Певеке странных слухов: в разгар необычайной июльской холодины этого года вдруг пошли разговорчики, что это уже все, что дальше будет зима. Оставалось утешаться, что никакой синоптик не мог дать

МУМИИ — 300 МИЛЛИОНОВ ЛЕТ

Вряд ли была бы рассказана эта история, если бы не шотландские мальчишки. Однажды они забавлялись, кидая в воду плоские камешки и подсчитывая, сколько раз камешек подпрыгнет над поверхностью воды.

Тогда-то им и попалась каменная плитка с вмурированными в нее останками какого-то существа, которое впоследствии заинтересовало всех палеонтологов мира. К счастью, камень оказался слишком неудобным для игры. Слух о находке дошел до специалистов, и плитка очутилась у профессора Уиллса...

Так были найдены окаменевшие останки скорпиона, который жил на земле 300—350 миллионов лет назад.

Скорпион был, видимо, в числе первых морских организмов, которые начали заселять сушу более чем 300 миллионов лет назад. И с тех пор внешне он почти не изменился! Если бы не размеры (современный потомок вдвое мельче своего ископаемого предка), глаз неспециалиста вряд ли сумел бы отличить их друг от друга. Скорпионы начали свой жизненный путь в эпоху, когда не было не только Гималаев и Кавказа, но даже Урала. С тех времен не раз и неузнаваемо обновлялся облик животного мира; и только скорпион оставался верен прошлому.

Но, может быть, сходство лишь внешнее? По остаткам древних существ палеонтологи обычно без особого труда восстанавливают внешний вид вымерших животных, реконструируют скелет. Ткани организма, как правило, не сохраняются, и пред-

ставить себе физиологическую организацию ископаемого существа во многих случаях почти невозможно. Потому легко понять восторг Л. Штрёмера — специалиста, которому была передана на исследование шотландская находка: она сохранилась так хорошо, что уцелели даже осязательные волоски лапок скорпиона.

Штрёмеру удалось сделать из них тончайшие препараты. В срезах осязательных волосков скорпиона он под микроскопом увидел тончайшие внутренние тяжи — нервы. Ископаемые нервы!

После их исследования не осталось сомнений, что и по микроскопическим особенностям внутреннего строения ископаемый скорпион похож на современного. Треть миллиарда лет назад природа создала настолько идеальное существо, что последующие сотни миллионов лет внесли в эту конструкцию совсем немного доделок. Выходит, далекое прошлое нашей Земли отчасти существует и по сей день.

Но сенсации еще только начинались. Три года подряд шаг за шагом Л. Штрёмер восстанавливал и очищал от породы тело скорпиона. Особенно хорошо сохранился хитиновый покров кожи. И вот на поверхности «бедра» последней пары конечностей исследователь обнаружил странный рисунок. Его создавали какие-то палочкообразные тела, иногда близко расположенные друг к другу, иногда расходящиеся причудливыми разводами.

Опять в дело были пущены средства микроанализа. Много месяцев длилось исследование. Результат удивил самих исследователей: палочкооб-

никакого ручательства, раз аномальный метеогод путает карты...

Самолет трудолюбиво гудел над долиной Чауна, по которой я бродил в 1959 году. Она гигантским корытом подходит с севера к Анадырскому нагорью. В дальнейшем воздушным ориентиром по дороге к озеру служит русло той самой реки Угаткын, где я впервые услышал об очень большом медведе.

За холмами Чаанай стали появляться ключья тумана. В предгорьях они стали еще гуще. Тягостное предчувствие охватило нас, ибо самое-то сложное было впереди, а впереди торчала стена облаков, нам еще предстояло одолеть перевал и черт те что там, какие погоды ждали нас за тем перевалом. Владик Писаренко кончил рассказывать про метеогод и уселся в проеме пилотской кабины. Пилоты помалкивали. «Аннушка» все набирала и набирала высоту, капли воды скользили по стеклам, земля исчезла. Она только изредка проносилась в разрывах облаков — черная, не-

уютная, каменистая земля чукотской горной тундры. В разрывах белой полосой извивалось русло реки Угаткын.

В кабине похолодало. Разрывы стали совсем редки, они сомкнулись в плотную пелену. Над этой пеленой серыми стенками висели серые полосы второго этажа облаков, самолет проносился сквозь них на ощупь, как человек, входящий в парную, а выше висел следующий этаж. Казалось невероятным, что мы только что шли над залитой вечерним солнцем долиной Чауна, смотрели на розовые от заката домики перевал-базы и розовые камни вокруг. До озера по времени оставалось тридцать — тридцать пять минут.

...Гряда плоских чукотских сопков плала над крылом, следующая гряда, повыше, надвигалась спереди, и над всем этим великолепием черной пеленки и черного мха не было ни облачка.

Командир оглянулся и крикнул. Мы не расслышали. Тогда он показал десять пальцев. Через десять минут.

Вершины сопков были покрыты снегом. Летний и осенний снег на чукотских горах производит гнетущее впечатление. Черный цвет камня прорывается сквозь него, и оттого снег приобретает серый, даже какой-то трупный оттенок. Это совсем не похоже на сверкающие снежные вершины Тянь-Шаня, Памира или Кавказа. От тех вершин настраиваешься на торжественный, органичный лад, на размышления о красоте, всеобщей гармонии мира. При виде летнего снега на Чукотке мысли крутятся вокруг снаряжения, достояния личного спального мешка, примусных котелков.

Потом горы со своим мертвенно-синим снегом куда-то провалились, и вынырнуло долгожданное озеро. Я не знаю, с чем его сравнить. Пожалуй, если вылить флакон не очень густых чернил на ослепительный лист бумаги — это будет как раз. Круглое озеро лежало в круглой земной чаше. По бокам частоколом торчали конусовидные сопки.

Продолжение следует

разные тела длиной около 250 микрон имели явное сходство с современными червями — нематодами.

Иногда нам кажется, что мы очень хорошо знаем мир вымерших животных. Описаны, изучены, классифицированы многие тысячи видов, восстановлены главные этапы эволюции.

И все же нам известна едва ли сотая часть живых существ, некогда населявших море и сушу. В земле сохранились останки преимущественно тех организмов, которые имели хоть какое-то подобие скелета. Все прочие стерты временем в безмолвную пыль...

Древние нематоды из мумии скорпиона были гостями из того самого мира древних животных, чей след, казалось бы, исчез навеки.

В некоторых нематодах обнаружили какие-то нити — все, что уцелело от древних грибов, развившихся в теле скорпиона после его гибели. На этом находки не кончились. Далее внимательный взгляд ученых открыл и других окаменевших «жильцов» мумии. То были микронного размера тельца, видимо, части древнего организма, родственного теперешним актиномицетам — лучистым грибкам, похожим одновременно и на бактерии и на простейшие грибы.

Наконец, обнаружили какие-то странные кристаллики. Рентгеноструктурный анализ показал, что они образованы пропионовым барием и кальцием. Кристаллы такого состава возникают как конечный продукт сложных реакций, идущих под воздействием особых пропионовых бактерий, живущих и поныне (в наши дни деятельность пропионовых бактерий используется для производства негорючей киноплёнки, особых лаков, искусственного шелка).

Окаменевший скорпион, оказывается, заключил в себе целый палеонтологический «зверинец». Да

еще какой! Там были формы древней жизни, об облике, строении, деятельности которых раньше можно было только гадать. Эти формы ценны еще и тем, что принадлежат они простейшим организмам, ближе стоящим к истокам эволюции, чем те, с которыми палеонтологи обычно имеют дело.

Ученые как бы просмотрели целый кинофильм, отснятый оператором-природой 300—350 миллионов лет назад.

Этот скорпион вел обычную жизнь в морских зарослях у берегов. Он, так же как и все скорпионы Земли, промышлял пищу, исполнял со своей подружкой замысловатый танец любви, сражался с противниками.

Потом пришла смерть. Скончался скорпион на берегу моря. Волны, накатываясь, принесли с собой тонкую глинисто-песчаную муть, которая, как саваном, прикрыла тело гигантского насекомого.

Немедленно собрались у трупа черви-нематоды. Они полностью бы съели скорпиона, но порода замуровала их, и они задохнулись.

Жизнь в теле скорпиона, однако, продолжалась. Там поселились грибы, разедавшие и насекомых и нематод. Их, в свою очередь, уничтожили актиномицеты. Все это пожиралось пропионовыми бактериями. А потом все они окаменели. Некогда живые и активные организмы замерли на сотни миллионов лет.

И вот прошлое ожило. То невообразимо далеков прошлое, когда жизнь еще только-только овладевала сушей и когда до появления человека должна была пройти треть миллиарда лет.

А. МАЛАХОВ,

доктор геолого-минералогических наук

МОЕ МЕТРО

Есть вещи, превосходящие свое первоначальное назначение. Не таково ли московское метро?!

Оно переплелось с городом и жизнью его людей так тесно, что стало свидетелем его истории — его дней и ночей...

Разноцветные полосы линий, сплетенные в середине кольца, бегут далеко за его пределы во все концы. Это схема и самой Москвы. Она повторяет радиально-кольцевую структуру города, обозначает магистрали людских передвижений... И еще, быть может, это и образ?

Образ города, в котором все тяготеет к центру, к уложенной веером голубой брусчатке Красной площади, где все сплетается в один узел, к площади, которая и исток и устье, как сердце...

Линиям трудно оставаться параллельными в Москве. Они или схватываются, или расходятся без оглядки. Улицы бегут путями, извилистыми и прихотливыми, огибая или взбираясь на холмы. Рельсы, сокращая расстояния, стелются под землей прямее.

Я не могу помнить то раннее майское утро 1935 года, когда сине-морские вагончики прокатили первых восхищенных пассажиров от «Сокольников» до «Коминтерна», но я помню это. Старые фотографии крепко врезались в память. Я вижу эту довоенную Москву — трамвайно-звонкую, юношески угловатую. Москвичей в спортивных кепках с большими козырьками, вузовок в полосатых майках, парусиновых старичков, рабочих, курсантов и, наконец, героев дня — метростроителей.

Трудно было строить на первых порах. Это были наши первые дороги под землей. Плыли непослушные водоносные грунты, выбегали подземные ручьи и речки. Горняки Урала и Донбасса — вся страна пришла на помощь столице. Метро было объявлено ударной комсомольской стройкой.

Уже в сентябре 38-го включается вторая, Горьковская, линия. И тогда, как и сегодня, люди, поражаюсь, разглядывали неожиданные дворцовые залы вестибюлей, а там, на моей «Маяковской», будто небо глядело в овальные проемы потолка. Разриси-

ванное Дейнекой довоенное небо — стратостаты, планеры, парашютисты и глядящие в синеву поддейнековский нескладные физкультурники. А колон-

ны розовато-голубого зала станции были армированы сталью, уходящей вверх дугами, вызывая в памяти цельнометаллические АНТы тех лет: машины времен покорения полюса и легендарных беспосадочных перелетов.

Мне не забудется метро и тех дней, когда в черном морозном небе качались дымные прожекторные столбы, а окна домов были заколочены досками и ослеплены мешками песка. Метро стало домом для всех. Не слыша воздушных тревог и грохота зениток, на «Маяковской» спали дети. Они поворачивались и раскрывались во сне, а матери укрывали их теплыми домашними одеялами. И дети, проснувшись, видели на мозаиках довоенное небо — планеры, парашютисты...

Потом кончилась война.

Отправляясь в детсад, малыши стучали деревянными подошвами ботинок по мраморному метровскому полу, а матери шли в рабочих телогрейках, остроплечих пальто и беретках, проколотых булавками — для красоты. Шли на заводы, к станкам —

восстанавливать разрушенное и строить новое. И для каждого в ночи светилась красная буква «М» — знак тепла, доброты и постоянства.

Метро глубоко пустило корни своих линий и еще больше скрепило ими Москву, как скрепляет дерево землю. И сегодня машущие ладони его дверей пропускают нас в добрый и надежный дом, в котором свой неизменный ритм — ритм точного часового механизма, своя атмосфера и погода. Летом она спасает от асфальтового удушья и липкой городской жары, а в зимнюю стужу теплое дыхание метро, белым облаком повисшее у дверей, согревает вас, пропуская в мир, полный до нечувствительности привычных чудес...

Здесь на одной дороге встречаются внешне неприметный московский старожил; он строил метро; выиграл эту войну и хранит бледные фото, на которых он в шинели, рядом с погибшими; колхозница в плетеной черной жакетке и щеголеватый студент с очень солидным желтым портфелем; нетерпеливо взбегает по ступенькам девушка (как бы не защемило каблучок!); и рядом старуха, для которой подъем и по обычной-то лестнице почти подвиг, а капсула с валидолом лежит в кармашке рядом с платком и ключами.

Смотрите! Вы можете не встретиться больше. Эскалатор унесет эти фигуры вниз или поднимет в город. Эти цепочки ненаписанных портретов, невыдуманных персонажей, плывущие навстречу друг другу неповторимые варианты человека... Кстати, можно думать, что в стародавнем выражении «вереница образов» уже жила идея эскалатора, а патент не был получен из-за технических неясностей. Двигается лестница, масляными пятнами расплываются отражения погонных фонарей, и люди плывут протяжно, как кодированные характеристики на экране осциллографа. Тут и равномерные плавные участки и «пики» — резкие скачки уровня. Это может быть новогодняя елка, или лыжи, или крест, замотанный в холстину...

А как едут на эскалаторе дети? Они обязательно что-нибудь считают. Считают фонари, скользят пальцем по боковым щитам облицовки — считают соединительные металлические полоски. Или скатывают вниз бумажные шарики, поражаясь собственной отвагой.

Взрослые же, если не увлечены газетами или книгами, смотрят по сторонам привычно равнодушно, стараясь казаться абсолютно незаинтересованными, — таков уж этикет большого города, хотя нет ничего интереснее, чем эти случайно встретившиеся люди.

Впрочем, могут возразить, что для вечно спешащего москвича все эти чудесные мраморные станционные залы — лишь потерянное время. Какие уж тут размышления и любования в толкотне часов «пик»? В это время москвич если и размышляет, то скорее о том, что эти двое впереди могли бы идти побыстрее, о том, в какой части перрона тактически выгоднее ждать свободного вагона; или, если поезд ушел перед носом, о том, что тебе вообще никогда не везет, хотя следующий состав появится скорее, чем успеешь почувствовать себя неудачником.

И все-таки! Несмотря на дела и беготню. настоя-

Мир моих открытий

щий москвич успеет отметить знакомые приметы станций. Отметить и внутренне порадоваться ярким цветным витражам «Новослободской», парашютным стروпам вдоль стены «Аэропорта», бронзовым фигурам «Площади Революции».

Но чтобы рассмотреть залы по-настоящему, лучше всего выйти «из игры» и устроиться, скажем, на мраморной скамейке одной из станций или просто

У каждого, наверное, есть в метро что-то особенно любимое. Может быть, это красноклеточный, словно вышитый, узор пола «Белорусской», или фантастически подсвеченные «райские» ворота на «Октябрьской», или строгий мраморный орнамент вестибюля на старой «Киевской». А у кого-то уже есть любимый уголок и на новых, совсем новых станциях.

так походить взад-вперед по залитому светом вестибюлю. С непривычки москвичу трудно просто так пропускать поезда, будто что-то теряешь. И все же стоит сделать это, чтобы почувствовать пульс станционных залов, то темнеющих от сотен пассажиров, нетерпеливо переминающихся в плотной толпе, то вдруг пустеющих и похожих тогда на покои античных дворцов. Тогда редкие пассажиры испытывают то сдержанно приподнятое чувство исключительности, которое не может не испытывать человек, находясь один на один с огромным пространством...

Новые линии... Еще недавно они были в проекте и рисовались на схеме обещающим пунктиром. Теперь по их еще не раскатанным рельсам с шумом бегут поезда. Линии нового, выходящего на поверхность метро смыкаются с пригородными железнодорожными путями, и, выйдя из московского метро на «Филих» или «Ждановской», можно увидеть электричку, бегущую рядом. Москвичи быстро жили с этой удобной новинкой и уже забыли, что Речной вокзал недавно казался далеким пригородом. Сейчас даже вообразить Москву без метро невоз-

можно. «Далеко ли от метро?» — так нередко спрашивают в Москве о квартире. Совсем как на курортном побережье: «Далеко ли от моря?» Метро — наше море, мы так же привязаны к нему, и по нему можно доплыть до самых дальних берегов нашего огромного города.

А внешний вид новых станций? Спросите у архитекторов или дизайнеров, художников-конструкторов, какое слово приходится произносить им чаще всего, в чем узел тревог проектировщика. Знаменитая **ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ**. Максимальная целесообразность и красота, достигнутая минимальными средствами. Характерный вид новой станции, удобной и просторной, как правило, создается скупыми деталями — цветом облицовки, связующей полоской вдоль стен, особым, своим, освещением.

Метро и сегодня не перестает быть домом...

Поздно вечером, когда усталая дежурная, проводив состав, не спеша идет по перрону, начинают мигать световые табло, покачиваются люстры, тихо переговариваются в станционном зале парочки.

Громяхающая «нитка» поезда спешит через шумящий ветер к следующей станции, а в канареечного цвета салонах, на шоколадных диванчиках незаметно для себя пересекают столицу пассажиры. Они сидят трогательно-сосредоточенные и серьезные, соединив руки кольцом, как модели Модильяни, изучают отражения в стекле — свое и попадающих в поле зрения попутчиков. Отражаются не только лица, но и маленькие московские новости — идет ли наверху дождь, листопад или экзаменационная сессия, международная выставка или большой футбол — все вы узнаете тут же. Любопытная малышня становится коленками на сиденья и смотрит в черные стекла на загадочно подсвеченные провода и трассирующие вспышки фонарей... И тогда мне так радостно находиться здесь, вместе со всеми в нашем метро, что хочется говорить еще и еще о любимых станциях, о машинистах, о пенсионерах, предлагающих в вестибюлях «лотерейное счастье», о том, как в сумках провозят кошек, как дети, играя «в метро», в котором утром уехали на работу родители, лепят его из песка и мокрого снега, — обо всем, что связано с московским метро, потому что и в нем — история и образ дорожного города.

САНДОМЕЖ НЕ ПОГИБНЕТ

Разные ассоциации вызывает название этого города, расположенного при впадении Сана в Вислу. Историк заметит, что Сандомеж — это бывшая столица княжества, важный торговый центр на древнем тракте восток — запад. Экономист — что это тот самый Сандомеж, где находится один из крупнейших в Европе стекольных комбинатов. А туристы знают Сандомеж как город-музей, историческую достопримечательность мирового масштаба.

И вдруг короткое сообщение, повторенное мировыми агентствами печати: «Сандомежу грозит гибель! Город уходит под землю, «сползает» в Вислу!»

Сигнал тревоги прозвучал в Сандомеже после проливных весенних дождей прошлого года. Необычайно обильные дожди, причинившие немало хлопот Центральной Европе, могли оказаться роковыми для Сандомежа.

Под городом, а точнее говоря, под его историческим центром, переплетается целый лабиринт глубоких подземелий — катакомб XIII—XIV веков. В катакомбах скопилась вода. Она размывала рыхлые лессовые отложения — основание холмов, на которых стоит город. И слишком обильные дожди были той «каплей», которая переполнила чашу. Началось перемещение слоев почвы, и в марте прошлого года на стенах домов зазвенели глубокие трещины. Несколько зданий вместе с прилегающими участками начали сползать к Висле.

По первому же сигналу в город приехали специалисты из Варшавы, Кракова, Катовиц и других городов Польши. Среди них были такие «асы», как профессор Цебертович — изобретатель знаменитого метода связывания почвы с помощью электрического тока, названного в его честь цебертизацией (не так давно к профессору обратилась за помощью Флоренция, пострадавшая от наводнения). Приехали инженеры, техники и шахтеры, за плечами которых опыт подобной работы в двух других польских городах — Ярославле и Клодско.

Начались широкие исследовательские работы, в результате которых был составлен план спасения города от гибели.

План предусматривал применение нескольких методов: строительство бетонных опор, цебертизацию, отвод воды и заполнение самых глубоких подземелий смесью из лесса, жидкого стекла и хлористого кальция.

Сандомежцам помогает вся Польша. Рабочие крупнейшего в стране металлургического комбината имени Ленина, силезские шахтеры, текстильщики Лодзи собрали средства в помощь Сандомежу. На имя председателя городского совета пришел денежный перевод от партизан, воевавших в окрестностях Сандомежа.

Работы еще не закончены, но уже сейчас можно смело сказать: план спасения города оказался удачным. Сандомеж не погибнет.

КШИШТОФ ШТЕЛЕЦКИЙ,
корреспондент польского
агентства Интерпресс (для «Вокруг света»)

 сенью мне случилось жить на пограничной заставе. Начальнику заставы капитану Аверкину хотелось, чтобы я почувствовал напряженный ритм пограничной жизни, получиле познакомился с ежедневным трудом пограничников, событиями, что случаются здесь. И он старался ввести меня в курс всех дел заставы.

Как-то я стал свидетелем одного происшествия, для пограничной заставы незначительного, но тем не менее запомнившегося...

Прошла ночь.

Бледная дуга утреннего неба расплылась над горой и осветила снежные вершины вдаль, ушелья и расселины, камни, скатившиеся со склонов, — землю. Нашу и чужую.

Ю КОВАЛЬ, наш спец. корр.
Рисунок автора

Плавная тень выскользнула из ушелья и высоко в небе превратилась в точку — неподвижного орла.

На самой вершине горы — пограничная вышка. Оттуда далеко видно. Видно, как горы стекают со своих вершин. Вокруг камни, вялая трава, полосатые пограничные столбы — пустынно.

Серо и коричнево по горам. Только в одном месте, на пологом склоне, — зеленая полоса. Там бьет из земли подкаменный ключ, и трава у ключа еще не умерла от осенних ночных заморозков, держится, зеленеет до первого снега. Ключ разливается по земле ручьем, и у ручья, в зеленом квадрате, медленно движется светлое пятно — белая лошадь.

Где-то внизу, в долине, она отбилась от табуна и помчалась в горы. Теперь бредет вдоль самой границы, пасется.

— Все тихо, — докладывает пограничник с вышки по телефону. — Все тихо, товарищ капитан. Только возле ручья бродит белая лошадь.

— Белая лошадь?

— Белая лошадь.

— Продолжайте наблюдение.

Вправо, влево, по склону, по ушелью ползут толстые стекла бинокля. В них плывут каменные россыпи, крутобокий валун искривляется в стекле. Ближе, перед глазами, — лошадь, склонилась головой к ручью.

Солнце приплыло к полудню. Орел переместился ниже, и видно теперь, что он совершает медленные круги над землей.

В ушелье, из которого он поднялся утром, что-то мелькнуло. Медленно-медленно чуть заметные пятна ползут краем расселины, хоронятся за гребнями камней.

В круглых стеклах бинокля они увеличились — волки.

— Волки! — докладывает пограничник с вышки. — Идут по следу лошади.

Светлое пятно неподвижно в зеленом квадрате. Лошадь лежит у ручья, охваченная внезапным теплом осеннего солнца, мерно покачивает головой.

Волки приближаются к серому валуну. Он лежит на их пути к лошади. В бинокль видно, как первый волк прыгнул. Потом упал, ударил головой о землю. Метнулись в сторону два других волка, и скоро донесся до пограничника на вышке слабый щелчок — дальний выстрел.

— Рядовой Денисов убил волка, — докладывает пограничник с вышки по телефону. — Два других идут по следу лошади.

Светлое пятно выскользнуло из зеленого квадрата — лошадь мчится по высохшей земле. Бьет пена из ее ноздрей, комья и камешки рвутся из-под копыт. Волки ныряют в низинки, выносятся на бугры, стелются следом — чуть заметные точки, сплюсненные пространством.

Мельтешат копыта, бешено мечется грива, и кру-

РЕПОРТАЖ С ПОГРАНИЧНОЙ ВЫШКИ

Вдали видно селенье — это кочевка. Прибитые к земле сложенные из темных узких камней домики. Низкие крыши наплывают одна на другую. Летом здесь живут пастухи, а сейчас осень — пусто. Вспыхивает под солнцем у крайнего дома то ли осколок стекла, то ли блестящие слюды на камне...

Голова лошади запрокинута. В ярости и в страхе она уже не видит, как прыгнул волк, и не чувствует скользящего удара — тонкой нитью пересекла бок лошади кровавая полоса. Второй волк прыгнул и отлетел, закувыркался под откос.

Пограничник на вышке ведет бинокль — то внаклон, то вбок пересекаются склоны гор, то вперед, то назад ломаной линией проходит по ним граница. То входит чужая земля клином в нашу, то наша — в чужую, клином. Белая лошадь бежит по прямой.

Невидимая, воображаемая, но точно, геометрически верно отмеченная линия — граница — подкатывается под ноги лошади.

Лошадь снова скачет по нашей земле.

Из щели между скал блеснуло холодом — волк покати́лся через голову, второй закрутился на месте, пополз в сторону. Автоматная очередь донеслась до наблюдателя на вышке, легко прошелестела и рассыпалась по горам.

— Наряд Степанова уничтожил волков, — докладывает пограничник по телефону.

Вскинув голову, бешено мчится лошадь и долго еще перекачивается мелкой точкой среди гор. Только у ручья в зеленом квадрате останавливается. Видно в бинокль, как она радостно катается по траве, переворачивается на спину, скидывает в воздухе ногами.

Пограничник на вышке поводит биноклем вдоль воображаемой линии на земле — границы. Круглые стекла мнут каменные россыпи, натыкаются на полосатые столбы, в них вливается чужое селенье, пустые горы вокруг.

Солнце доплыло до заката, орел отлетел далеко, и уже только в бинокль видно, как стоит в небе неподвижная точка.

— Все тихо, — докладывает пограничник с вышки по телефону. — Все тихо, товарищ капитан. Только возле ручья бродит белая лошадь.

— Белая лошадь?

— Белая лошадь.

— Продолжайте наблюдение.

БЕЛАЯ ЛОШАДЬ

тые колени, напряженно согнутые в беге, дрожат в круглых стеклах бинокля. Видно, как вздулись желтые жилы на шее лошади.

Пограничник на вышке видит, что лошадь пересекла границу. Волки бегут чуть ли не вровень с лошадью, но теперь стрелять нельзя — чужая земля.

Это так незаметно. Только столб с иностранным гербом отмечает, что уже и шагнуть дальше нельзя.

Сильбо Гомера и другие

ПИРЕНЕЙСКАЯ ЛЕГЕНДА

— Помнишь, как мы их, бошей... Они нагрянули сюда, обвешанные оружием, надутые, как индюки. Но так ничего и не смогли с нами поделать, ничего.

...Да, в этом маленьком горном селении во Французских Пиренеях тоже шла война. Оккупированную Францию, гитлеровцы перекрыли все перевалы, ведущие в соседнюю Испанию. Трудно пришлось в то время бойцам Сопротивления и эмигрантам, по тем либо иным причинам вынужденным покинуть Францию. Но здесь, в Аасе, нацисты действительно ничего не могли поделать. Среди глухой ночи, в кромешной тьме раздавался странный свист. Печальный, как крик филина, сигнал, за которым скрывались непонятные врагу слова, целые фразы... «О Пьер, они прибывают этой ночью. Встреча на Зеленой горе». И в ту ночь ребята из маки были на месте, ожидая в засаде колонну фашистов...

А Сустард? Он их тоже крепко надул. Теперь эту историю 1943 года, почти легенду, знают по обе стороны Пиренеев. История такая. Как и многие другие, Сустард помогал людям из Сопротивления переходить испанскую границу: кому — сюда, кому — туда... Но фашисты, что-то пронюхав, расставили ему ловушку: подослали провокатора. Тот якобы «хотел повидать своих родственников и жену на той стороне». Сустард ничего не заподозрил и сказал: «Si».

А ночью грохот кованых сапог в дверь заставил его проснуться. Сустард понял все сразу: он вполне «созрел» для расстрела... Наверное, это сделают, как всегда, в восемь утра, у стены на центральной площади. Нацисты любил порядок. А поскольку было еще темно, Сустард попросил разрешения поклониться могилам своих предков. «Валей», — ответили ему и повели на клад-

бище. По дороге Сустард нырнул в кусты и скатился вниз, в ущелье, не сказав «до свидания». А уж свои родные ущелья он знал, как коридор в собственном доме. Преследователи подняли крик, стрельбу, побежали за фонарями, а Сустард забрался в узкую расщелину и принялся свистеть: «Эй, кто-нибудь! Отзовитесь!» В конце концов его услышал один пастух на горе, километрах в двух. Он спросил: «В чем дело? Что ты как оглашенный рассветелся в такую рань?» А когда понял, в чем дело, начал насвистывать людям в деревню. Те все сделали. В течение трех дней они приносили беглецу пищу, пока тот отсиживался в своей норе. А потом? Потом Сустард перешел границу и стал работать уже на той стороне...

И ВНОВЬ «ТУЗЕМНЫЕ ЧУДЕСА»

Оставим на время маленькую беарискую деревушку Аас в долине реки Оссо и отправимся в другой «затерянный мир».

...1935 год. Верховный губернатор Французской Западной Африки, этой крупнейшей колонии Франции, в секретной записке сообщил в Париж об одном любопытном, на его взгляд, явлении. У племени гурунси-нанкансе (племя кочевало в саваннах Западного Судана, в излучине Нигера) существует странный свисток-флейта, называемый «ува», с помощью которого кочевники передают сообщения и даже ведут целые диалоги на расстоянии в несколько километров. Кроме того, когда позволяют условия, а они зависят от времени года, температуры и влажности воздуха (сейчас это называли бы «проводимостью среды»), они, гурунси-нанкансе, свистят друг другу, не прибегая к помощи флейты «ува». Правда, ученые, комментировавшие впоследствии это сообщение, выразили сильное сомне-

ние в том, что этот свист — настоящий язык. По крайней мере этнографы обошли молчанием язык свиста кочевников саванн...

Явление это было отнесено к разряду «туземных чудес», его сравнивали разве что с давно известным в Европе бесшумным свистком, изобретенным еще в средние века браконьерами, чтобы неслышно подавать сигналы собакам.

...В 1948 году французский исследователь Жорж Кован посетил мексиканских индейцев масатек в провинции Оахака (штат Веракрус). И здесь он обнаружил, что наряду с обычным разговорным языком индейцы пользуются свистом. Это был первый из открытых языков свиста, который активен и сегодня: на нем говорят, вернее свистят, более 60 000 человек.

В равной мере владеют тем же языком свиста и индейские племена пуэбло, сапотек и чинантеки, проживающие в Центральной Америке. Старинные испанские хроники эпохи Конкисты рассказывают, что свист горных индейцев вселял панику в сердца солдат-завоевателей за свистом всегда следовали умело организованные атаки, а отдельные отряды противника действовали четко и согласованно, пересвистываясь на расстоянии более десяти километров...

Но настоящей сенсацией в мире лингвистов и этнографов явился открытый в 1957 году профессором А. Классом из университета в Глазго язык свиста на острове Гомера (группа Канарских островов). Этот чрезвычайно сложный язык свиста — его называли «Silbo Gomera» — обладает рядом удивительных особенностей. Прежде всего свист необыкновенно силен и разносится на четырнадцать километров — рекорд в этом способе общения. Тут возможно будет уместным такое пояснение: мощность свиста пиренейских горцев, а они свистят «всего» на 2—2,5 километра, на расстоянии одного метра от свистящего составляет 110 децибел¹.

Но послушаем свидетельство очевидца, не так давно посетившего остров Гомера. Рассказывает Эрих Вустман, известный этнограф и путешественник из ГДР.

¹ Децибел — единица измерения мощности звука: 40 децибел — нормальный разговор. — Прим. автора.

ГОМЕРИЧЕСКИЙ СВИСТ

— Не успеете вы сойти на берег, как уже наслушаетесь о языке свиста, — пророчила нам одна знакомая еще в Лас-Пальмесе, столице острова Гран-Канария. По ее словам, она неплохо знала остров Гомера. Еще нам рассказывали, будто бы берег острова так крут, что путешественников поднимают с корабля в люльке.

Честно признаюсь: на сушу мы поднялись без подъемного крана, и, видимо, никому не пришлось в голову известить обитателей острова о нашем прибытии легендарным свистом. Два неразговорчивых островитянина взвалили на плечи наши чемоданы, и мы пешком направились в Сан-Себастьян — главный город острова.

Еще старые испанские и португальские хроники упоминают о некоем языке-свисте, который якобы не раз разносился над островом Гомера в минуты опасности.

Самая популярная из бытующих на Гомере легенд приписывает авторство языка свиста сосланным сюда испанцами в средние века пленникам. По тогдашней манере обращения с военнопленными им отрезали языки. Чтобы понимать друг друга, эти люди и выдумали язык свиста. Сейчас трудно установить, есть ли доля правды в этой легенде, но несомненно одно: жители острова Гомера и поныне превосходно понимают друг друга без слов. Возможно, этот метод общения восходит к древнейшим временам, возможно, его изобрели еще первые поселенцы на острове.

Некоторые авторы пишут, что языком свиста на Гомере владеют лишь старики, а молодежь, мол, его даже не понимает. Это не совсем так. Конечно, язык свиста утратил свое значение единственного средства общения на расстоянии, но тем не менее свистят все — от мала до велика.

Обо всем этом нам рассказывали гомерцы, с которыми мы довольно скоро подружились. С ними мы не раз ходили в горы и каждый раз убеждались в том, что «гомерический» свист успел предупредить горцев о нашем приходе.

Обычно делают так, объяснили наши друзья: берут самого искусного свистуна. и он высвистывает все, что нужно сообщить соседям через ущелье. Чтобы самим

убедиться в эффективности языка свиста, мы проделали немудреный опыт. Один из гомерцев ушел далеко в горы, а другой остался с нами и переводил

на свист все, что мы ему говорили. Произошел примерно такой диалог:

— О Эверисто!

Так звали второго гомерца.

Бейрнский силиур дает урок свистового языка.

— О, чего? — донеслось в ответ.

Тут мы поднатужились и, напрыгав всю свою фантазию, придумали задание, а наш проводник Хорхе просвистел его:

— О Эверисто, сними ботинки, заберись на пальму и сбрось-ка несколько орехов.

Эверисто, нимало не задумываясь, все в точности выполнил. Мы стали наперебой придумывать просьбы, по правде сказать, одну другой нелепей, и гомерец в нескольких километрах от нас неукоснительно исполнял их. Было ясно, что он понимает каждое слово. Хорхе свистел, не засовывая в рот пальцы, как это делают у нас, когда хотят свистнуть погромче. Свист, правда, получается несколько слабее, но зато слышен отчетливо, объяснял он, а так как горный воздух разрежен, сила звука вполне достаточна для переговоров на изрядном расстоянии. Мы, кстати, установили, что язык свиста труднее понять человеку, стоящему рядом со свистуном, чем отдаленному от него на несколько километров.

В языке свиста гомерцев есть свои условности. Например, нельзя просвистеть просто «январь», «февраль», «март»; обязательно нужно добавить слово «месяц». Для новичка все слова свиста звучат одинаково, но наши друзья легко расшифровывали самые сложные фразы.

Окончательно убедил нас в универсальности языка свиста небольшой опыт. Одна из наших гомерских знакомых, Ольга, навистела нам одну фразу. Мы записали ее на магнитофон и прокрутили по очереди двум гомерцам. Оба перевели одинаково: «Мне хотелось бы хоть разок побывать в Германии...»

ВЕКОВАЯ ТАЙНА КАНАРСКИХ ОСТРОВОВ

Легенда о безязыких людях, которую приводит немецкий путешественник, вряд ли объясняет появление свиста на острове. Дело в том, что язык в свисте играет немаловажную, если вообще не главную, роль. «Язык и зубы — вот что формирует свистовые фразы «Сильбо Гомера» и аналогичного ему «разговора» пиренейских горцев», — утверждает французский профессор Рене-Ги Бюснель, директор лаборатории акустической физиологии Национального института агрономических исследований¹.

Прибегнув к помощи рентгена, он установил, например, что в большинстве случаев свистящий фиксирует среднюю часть языка, свободно передвигая его кончик, а он-то в основном и формирует фразы свистового разговора. Таким образом, без языка пленные становились действительно немыми. В лучшем случае легенда содержит в себе смутные сведения о том, что первые завоеватели, «наводившие порядок» на острове, — а ими были испанцы, — столкнувшись с уже существовавшим на острове языком свиста, решили обезопасить себя, применив подобную «хирургическую операцию». Может, так и было на самом деле, когда испанские конкистадоры в 1391 году в отместку за убийство тринадцати орденов братьев, прибывших по приказу папы Урбана VI насаждать христианство на островах, вырезали большую часть гуанчей, к тому времени коренных жителей Канарских

¹ Рене-Ги Бюснель известен как специалист по изучению «языка» животных; в частности, он занимается изучением языка свиста дельфинов и птиц. — *Прим. автора.*

островов, а их короля и королеву в цепях привезли в Толедо...

Но кто же были эти первые поселенцы Гомера, привезшие с собой язык свиста либо изобретшие его на новом месте?

Канарские острова за свою историю открывались (и, очевидно, заселялись) несколько раз. Настолько часто, что ко временам их «официального открытия» на средневековых морских картах один из островов — Тенерифе — существовал сразу в двенадцати ипостасях, а остров Лансароте разросся в целый архипелаг из девятнадцати островов!

Сейчас предполагают, что острова были открыты где-то между 2700—2000 годами до н. э. критскими мореходами, которые могли основать здесь свои поселения. В 800 году до н. э. финикийские мореходы, идя по следам критян, высаживаются на острове Мадейра и Канарских островах. Свои фактории на островах основывали и карфагеняне.

Первыми, кто в новом веке ступил на землю Канарских островов, были генуэзцы. Затем на деньги португальской короны была снаряжена новая экспедиция, состоящая из испанских и генуэзских моряков. Испанцы же и называли острова их нынешним именем — Канарские, то есть «Собачьи». Генуэзцы и испанцы встретили на островах загадочный для многих исследователей белокурый и голубоглазый народ — гуанчей, принадлежащих к северной кроманьонской расе. Неизвестно, когда и при каких обстоятельствах попали на Канарские острова эти северяне. Некоторые исследователи (Гумбольдт, Верно) предполагают, что они могли быть занесены сюда еще в III веке до н. э. мощным потоком, который докатился до Северной

Каждое положение пальцев определяет тон свиста.

Африки в самом начале «великого переселения народов».

Испанская колонизация Канарских островов принесла сюда и испанский язык. Сейчас жители острова Гомера и говорят и свистят по-испански. Это, однако, не означает, что язык свиста не мог быть завезен любым из перемещенных выше народов.

Кроме того, язык свиста мог возникнуть здесь и самостоятельно, порожденный условиями среды и отсутствием надежных средств коммуникации. Но неизбежен вопрос: почему же он существует в группе Канарских островов только на одном маленьком острове Гомера?

ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ «СИЛИЮРЫ»!

...Все началось в 1959 году. В Париже проходил Международный colloquium лингвистов по информации и языку. Профессор А. Класс, только что вернувшийся с Канарских островов, делал сообщение о языке свиста на острове Гомера. О ходе работ конгресса регулярно давались сообщения в печати, радиокомментаторы знакомили своих слушателей с загадочным «Silbo Gomera». Говорили, что необычные языки, обнаруженные дотоле в Африке, на Канарских островах либо в Центральной Америке, будто специально созданы для таких удаленных, диких уголков Земли.

Неожиданно на радио приходит письмо одного из слушателей на имя участника colloquium, профессора Рене-Ги Бюсналя. В письме сообщается, что в одной пиренейской деревне, в сердце Европы, тоже существует язык свиста, который очень похож на «Silbo Gomera».

Экспедиция, руководимая Бюсналем, отправилась на место.

Долина Оссо с ее крутыми склонами, ущельями и пропастями мало отличается от других пиренейских долин: мир этих долин замкнут, что, конечно, в свое время обеспечило жителям деревень надежную защиту от вооруженных пришельцев и помогло сохранить местные традиции. Кстати, жители долины Оссо всегда вызывали интерес у этнографов, например, своими похоронными обрядами, музыкальными инструментами, песнями и танцами, нигде больше в Европе не находящими аналогий. Но вот что странно: язык свиста — достояние лишь этой одной горной деревушки, прилепившейся со своими 150 обитателями на высоте чуть меньше километра. Жители же соседней деревеньки Ассусте, которая расположена в двух километрах от Аас, совершенно не понимают свистового языка своих соседей. И в самой деревне Аас свистят далеко не все. В 1959 году из 150 жителей Аас языком свиста владело только 30 человек — «силиюров», как называют их на местном беарнском наречии. В основном это мужчины лет пятидесяти, которые в детстве были пастухами. Есть, правда, и две женщины, они научились необычному языку в юности, когда помогали отцам пасти стада. Таким образом лишь в этой «высокогорной профессии» и применяется сейчас свистовой язык, передающий не отдельные, заранее установленные кодовые сигналы, такие, например, как телеграфные сигналы тамтамов, а настоящие послания, имеющие конструкцию грамматического типа, схожую с разговорным языком.

Лингвистов удивило странное сходство языка «силиюров» с

языком-свистом на Канарских островах. Во-первых: основа «Silbo Gomera» и пиренейского разговорного свиста — испанский язык. Другое сходство: «О», которое на острове Гомера и в пиренейской деревушке Аас предшествует любой фразе свистового языка в качестве своеобразного позывного. В-третьих: замечено также, что язык деревни Аас, как и все известные сегодня свистовые языки мира, практикуется лишь горным населением. Исключение составляют разве что гурунси-нанкансе, но, как мы уже говорили, точных данных об их языке-свисте нет.

ЭТОТ СВИСТЯЩИЙ, СВИСТЯЩИЙ, СВИСТЯЩИЙ МИР...

Казалось, языки свиста индейцев Центральной Америки, жителей острова Гомера, пиренейских «силиюров» так и останутся своего рода феноменами. И вдруг последнее открытие: в 1964 году совсем в ином месте земного шара вновь обнаружен язык свиста! Сразу возник вопрос: настолько ли случаен язык свиста; может быть, в глубокой древности он был распространен гораздо шире?

На сей раз сенсация родилась в Турции, в горной деревне Кушкёй в Восточно-Понтийских горах.

...Плодородная почва, близость теплого Черного моря издавна заставили поселиться здесь человека. Правда, земли немного, поэтому жители деревушки используют каждый ее клочок, с трудолюбием пчел обрабатывая участки в горах. Каждый житель Кушкёй — в переводе «Птичьей деревни» — работает на своем поле в одиночку, двое уже не поместятся на крохотном пятачке земли, а на тех скалах, что совсем непригодны для земледелия, пасутся небольшие стада коз и овец. «Отто-

го, что мы весь день одни, — говорят местные пастухи, — нам и пришлось научиться языку птиц». Кроме того, объясняют они, обычный крик, даже самый сильный, быстро гложет в лесистых горах, а свист хорошо слышен и в четырех километрах.

Никто не помнит, когда в деревне стали употреблять «птичий язык» для разговора в горах, но ясно по крайней мере, что он передается от отца к сыну уже не одно столетие. Некоторые этнографы считают, что этот своеобразный горный телефон был изобретен горцами в период многолетних войн, которыми изобилует история этих краев.

И поныне жители «Птичьей деревни» сообщают свистом новости, приглашают друг друга в гости, договариваются о совместной охоте, даже ссорятся. Молодые парни свистят своим девушкам о любви... Одним словом, жители деревни, начиная с малышей и кончая стариками, свистят с утра и до утра. Турецкий язык в отличие от испанского изобилует согласными звуками, и очень важно, считают лингвисты, изучить, как в данном случае производится перевод информации в свист...

Открытие в 1964 году свистящей деревни Кушкёй в Турции поставило исследователей в затруднительное положение. Выходит, что ареал языков свиста довольно широк, и, может быть, в самое ближайшее время последуют новые открытия в этой области. Где, в какой точке земного шара? Наверняка это случится (если, конечно, случится) в каком-либо горном районе. Этнографы сообщали, что нечто похожее на язык свиста можно встретить в Кашмире, у загадочных хунза¹, известных еще под именем «народа долгожителей». Так ли это, пока трудно утверждать, ибо достоверных сведений из этого затерянного уголка мира ученые ждут десятилетиями...

Как, когда и почему возник либо возникает язык свиста? Какими способами переводятся фразы обычного языка на разговор свиста, как составляются комбинации различных свистовых модуляций? Возможно, новые открытия этнографов и лингвистов позволят разгадать эти загадки свистящего языка.

¹ О хунза журнал «Вокруг света» писал в № 5 за 1966 год. — Прим. ред.

Сокровища НАЦИОНАЛЬНЫХ культур

З тот город уже давно стал символом археологии. И не потому, что здесь открыты ставшие всемирно известными фрески и скульптуры — они лишь ничтожная часть бесценных сокровищ мирового искусства, возрожденных археологами.

Здесь впервые археологи словно встретились с людьми прошлого.

Помпеи не только раскрыли исследователям свои мощенные каменными прямоугольными плитами улицы и позволили заглянуть в свои дома, но и представили их хозяев, назвав по имени, рассказав об их профессии, привычках, характере.

...19 апреля 1748 года любители древностей, производившие первые регулярные раскопки в Помпеях, наткнулись на останки человека, в судорожно сжатой руке которого было несколько золотых и серебряных монет... Так, наверное, путнику встречается первый из бегущих прочь от охваченного огнем дома.

С тех пор раскопки в Помпеях не прекращались. Но более столет они велись хищнически, варварски. Бесценный мрамор и уникальные изделия из бронзы стали предметом спекуляции, торговли, наживы. Лишь в 60-х годах прошлого века итальянский археолог Джузеппе Фиорелли начал планомерные исследования города,

заявив, что для науки одинаково важны и виллы аристократов и лачуги бедняков. Фиорелли был одним из первых, кто начал вести раскопки, достойные археологии.

Мы теперь можем не только подняться на трибуны древнейшего в римской империи помпейского амфитеатра, но узнать поименно гладиаторов, умиравших на глазах безжалостно ревушей толпы, купившей их меч и кровь. И с опустевшей века назад арены на нас глянула сама жизнь римского рабовладельческого общества. Какие чувства и мысли вели руку гладиатора, нацарапавшего на стене своей казармы-тюрьмы: «Луций Анней Сенека», имя философа и гуманиста, бросившего в лицо бездушной толпы: «Человек священен для человека, а его убивают на забаву и потеху»? Может быть, он нацарапал это после того, как прочел рассказ Сенеки о рабе, что покончил с собой по дороге в амфитеатр — выждав момент, когда стража отвлеклась, раб-гладиатор сунул голову в колесо между спицами?..

И теперь кажется невероятным, что этот город мог исчезнуть навсегда, явив нам лишь несколько скульптур, фресок, мозаик, — как исчезли многие и многие бесценные памятники истории от руки торопливого дилетанта или алчного стяжателя, так и не рассказав об этом дне истории...

ИВАР ЛИСНЕР

В ТОТ ДЕНЬ В ПОМПЕЯХ

Это солнечное утро, приправленное августовским зноем, Люций Эренний Флор встретил озабоченный: накануне сломался давяльный пресс, а был самый разгар сбора винограда. Люций вышел к рабам, чинившим пресс, жена его уже хлопотала по дому, шли размеренные часы обычного дня. Подошло время трапезы...

...Мы бродим по городу в такой же погожий день, как тогда. Мы читаем надписи на стенах, словно слышим умолкнувшие голоса, рассказывающие о больших и малых заботах, что волновали жителей Помпей почти две тысячи лет назад...

Соперничали меж собой, черня друг друга, кандидаты в дуумвират Марк Полоний Приск, Гай Гавий Руффус, Публий Прокулий. Заботливая хозяйка пометила для себя: «Курица начала высиживать цыплят». Грохотали, подсакивая на булыжнике мостовых, тележки торговцев, ревели ослики, и звонкий

неумолчный перестук молотков чеканщиков и гранильщиков мрамора плыл над домами. В гомоне базарной толпы стоял поводья обезьяны — на обезьяне шлем, в лапах щит и копье, которым она неизменно точно поражает цель.

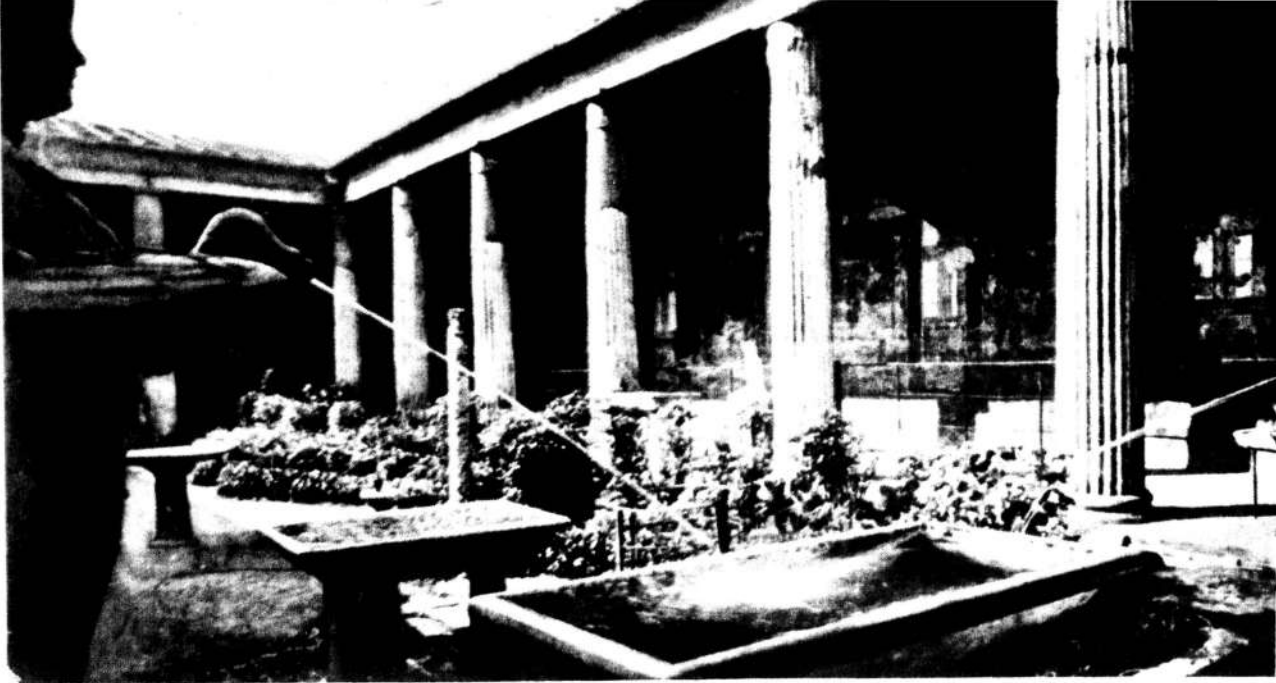
...И в мертвой пустоте улиц истаявшей тенью идет к форуму моряк, на шее которого висит доска с описанием его злоключений. И мы не можем остановить его, чтобы за несколько монет он рассказал нам о своих одиссеях...

В полдень 27 августа 79 года на землю Помпей пала ночь.

Земля разорвалась, как пергамент, и из обезглавленного чудовищным взрывом Везувия вырвались столбы огня, и море в испуге отпрянуло от берегов, ломая стоявшие в заливе корабли военачальника и ученого Плиния-Старшего, и каменный град обрушился на город. И вслед за камнями на город мед-

На стенах помпейского дома осталось изображение его молодых хозяев — булочника Теренция Нео и его жены. Этот день был одним из дней их медового месяца...

Один из самых богатых помпейских домов —
Вилла Веттиев.

ленно и неотвратно поплыли облака серы... Все застыло, замерло на долгие века. Помпеи ждали своего часа, чтобы рассказать о последнем дне своей жизни. Рассказать о том, как Везувий, убив жизнь, сохранил очертания ее... Когда археологи впервые наткнулись на пустоты в окаменевшем пепле, они не знали, что это такое. Потом залили пустоты гипсом и увидели тех, кто умирал в тот день в Помпеях...

...Люций Флор, его жена, его дети, домоправитель, рабы бросаются на улицу, но каменный град загоняет их обратно под ненадежную защиту стен. Потом стены рухнули на уже задушенных испарениями Везувия.

...Рабы дома Менандра работали в тот день на втором этаже. Надсмотрщик-вольноотпущенник Поппеус Эрос забыл открыть им дверь, когда все это началось. Рабы — их было девять — выломали ее и бросились вниз по лестнице. Впереди шел самый сильный из них, держа в руке бронзовый светильник. Рабов раздавили рухнувшие стены уже у самого выхода. Поппеус Эрос умер в своей спальне, прижимая к груди кошель с двумя золотыми, девятью серебряными и тринадцатью бронзовыми монетами. Он был в самом дорогом своем платье. ...Хозяева соседнего дома были гостеприимными и радужными — на полу у входа они выложили мозаичное Ave — добро пожаловать. И они были слишком богатыми, чтобы даже в последний миг забыть об этом. Пока хозяйка собирала многие и многие свои

Хозяин этой таверны успел только принести заказанные шумной компанией блюда полуденной трапезы — мясное рагу, телятину, фаршированную тыкву, а гости — лишь выложить монеты на широкую выщербленную каменную плиту стола...

драгоценности — змеевидные браслеты усыпанные алмазами и рубинами, заколки для волос, серьги, серебряные зеркала и золотые монеты, — уже нельзя было выйти даже в сад, где над бассейном беззвучно смеялся, весело приплясывая, бронзовый фавн. В одной из комнат дома Аррины Полпана обреченно сидели четыре женщины, неотрывно глядя на аккуратно сложенные четыре кучки драгоценностей.

Это была какая-то завораживающая черта трагедии — последним движением люди хватали драгоценности.

А может быть, это был обычный ритуал жителей

...Лишь один человек «поспешил туда, откуда бежали другие, и ехал прямо навстречу опасности; он был так далек от всякого страха, что мог диктовать и зарисовывать даже мельчайшие подробности этого ужасного явления...». Это был Плиний-Старший — ученый и военачальник. Он добрался до города, обожженного раскаленным пеплом, израненного каменным градом... «Его тело нашли совершенно неповрежденным; одежда на нем была цела...» Так писал его племянник историку Тациту. И эти письма долгие столетия были единственными свидетельствами о последнем дне Помпей, ночь которого длилась сорок восемь часов...

На улицах Помпей было много таких облицованных камнем источников — и путнику в этом городе всегда хватало ледяной воды, что по свинцовым трубам стекала с горы, погубившей город...

веселых и богатых Помпей — в полдень любоваться своим богатством, считать деньги и надевать лучшие свои одежды? Может быть, поэтому девочка, забытая всеми в Вилле Мистерий, сжимала в кулачке бронзовое зеркальце, словно желая в последний миг увидеть себя в нарядном платье?

Но почему тогда у юноши, что лежал в углу своей комнаты, не было ничего, кроме железного кольца с сердоликовым камнем, на котором было вырезано прекрасное женское лицо?..

Через сорок восемь часов над Помпеями вновь засияло солнце. Вновь над Везувием было чистое голубое небо, и из кратера вилась только тонкая струйка дыма. Как сегодня...

С той ночи прошло девятнадцать веков.

И узнаем ли мы, кого умоляла девушка, тонко написавшая на стене: «Если ты знаешь, на что способна любовь, и если ты мужчина, пожалей меня, не говори «нет» и дай мне войти...?»

Перевел с французского М. БЕЛЕНЬКИЙ

Статуя Афродиты, раскрашенная золотой краской, — помпеяне любили подчеркивать свое богатство — была найдена несколько лет назад.

реднамеренный вход в грозовые облака запрещается». (Наставление по производству полетов, § 627)

Резкий звонок разрядил затянувшееся ожидание. — Шмтер! — снисходительно пробурчала мембрана. — Шмтер, найдите на метеостанцию. Тут кое-что нашлось для вас.

Брякнула трубка, хлопнула дверь, Шметера вихрем вымело из комнаты. В окно мы видели, как он бежит в колеблющемся облаке асфальтового марева, забавно вскидывая ноги. Никто не улыбнулся — за несколько часов осточертевшего безделья мы «отсмеяли» весь свой смех.

Минут через пятнадцать Шмтер вернулся.

— Летим, ребята! Есть гроза! В районе Миргорода мощный фронт.

Еще через четверть часа ТУ-104Б № 42403 нетерпеливо заревел турбинами. Первый пилот Слава Попов прижал на шее ларинги:

— К взлету готов!

На высотомере — десять тысяч. Свинцово-голубое небо безоблачно и неподвижно. Земля, затянутая слабой дымкой, неощутимо, но упорно ползет в непостижимой глубине. Грозой пока не пахнет. И только грозовой пеленгатор, прочерчивая узким лучиком экран, упрямо утверждает: есть гроза.

В салоне тихо, если не считать привычно-незаметного гула двигателей. Склонившись над столами, инженеры «гоняют» приборы, еще и еще раз проверяя их перед встречей с грозой. Приборы ждет нелегкая работа. В сложнейшем динамическом режиме им предстоит фиксировать все отклонения рулей самолета, угловые перемещения его, путевую скорость и высоту полета, а также скорость и направление воздушных потоков, температуру наружного воздуха и напряженность электрического поля в атмосфере — все то, что составляет загадочный «организм» грозового облака.

Физик Имянитов четко выводит в журнале: «Цель эксперимента: снятие электрических характеристик развивающегося грозового облака, исследование крупномасштабных вертикальных потоков в грозовом очаге и рядом с ним». Косится на указатель скорости и, бросив карандаш, бежит к пилотам — просить их «поднажать». Грозовое облако недолговечно. Чуть опоздал — и все, наматывая «портянки», как называем мы бесформенные клячья, остающиеся от грандиозных облачных дворцов.

Вдалеке появляется вал облаков. Отсюда он ка-

жется безобидным. Но пеленгатор гроз все чаще, ярче и уверенней пронзает острым лучиком экран, предупреждает: берегись!

ТУ-104 врзался в клубящуюся мглу, как в стену. Удар потряс машину. Семидесятитонный лайнер затрясся и загромыхал, как старый грузовик по рывинам проселочной дороги. В салоне воцарился полумрак. За иллюминаторами словно зашумел морской прибой. Это лавина облачных частиц — капель воды, кристаллов льда — невидимая из-за скорости, обрушилась на самолет.

Серая мгла в иллюминаторах ежесекундно вспыхивает — облако пронзают молнии, освещая напряженные лица пилотов. Длинные голубые искры бегут по стеклам фонаря кабины. Сжимая вырываю-

В. АЛЕКСАНДРОВ,
наш спец. корр.

ЧЕТЫРЕ МИНУТЫ,

щиеся штурвалы, летчики схватились с облаком буквально врукопашную, стремясь не отклониться от курса ни на градус. Скорее нервами, чем слухом, они улавливают скрип шпангоутов и стрингеров; как собственную кожу, ощущают содрогающуюся обшивку самолета.

Могучие, чуть видимые в мчащемся тумане плоскости вибрируют от перегрузок, словно крылья стре-

козы. На их концах мерцает голубое пламя электрических разрядов — «огни святого Эльма», которых так боялись когда-то моряки, считая их предвестниками гибели.

Сейчас их некому бояться и некому на них смотреть — все приросло к приборам. Над грозообходчиком склонился Имянитов. Он озабочен — от трения о бесчисленные облачные частицы самолет приобретает колоссальный электрический заряд.

— Уже больше миллиона вольт, — бормочет Имянитов.

— А электрическое поле атмосферы? — бросает Борис Евтеев.

— Тысяча вольт на сантиметр, — доносится из-за соседнего стола.

РЕПОРТАЖ ИЗ ГРОЗОВОГО ОБЛАКА

они — крупномасштабные вертикальные потоки, за которыми мы охотимся не первый день! Машина стремительно падает. Скорость падения — тридцать пять метров в секунду. Сердце стучит где-то у горла — сколько же будет их, этих секунд?

— Три, пять, восемь, двенадцать, — слышится ровный голос Шметера, следящего за секундомером.

По лицам летчиков струится пот. Собрав все силы, они пытаются зажать штурвалы в нейтральном положении — нам нужно исключить влияние рулей на действие воздушного потока. Это необходимо для точности и чистоты эксперимента. Вдруг стала падать путевая скорость, стрелка ее указателя покатилась к нулю. Сейчас машина потеряет управление...

Спокойно... Это ложная тревога. Просто облачными частицами забило приемник воздушного давления, питающий прибор. И все-таки это тревожный симптом — летящие навстречу массы воды и кристаллов льда могут прервать работу двигателей.

Падение кончается внезапно. Самолет попадает в соседний воздушный поток — восходящий. Невидимая сила, словно шепку, подбрасывает лайнер вверх и вдавливая нас в сиденья кресел. Стрелка высотомера бежит в обратную сторону, отмечая нарастание высоты.

Четыре минуты показывает секундомер, включенный в момент вхождения в облако...

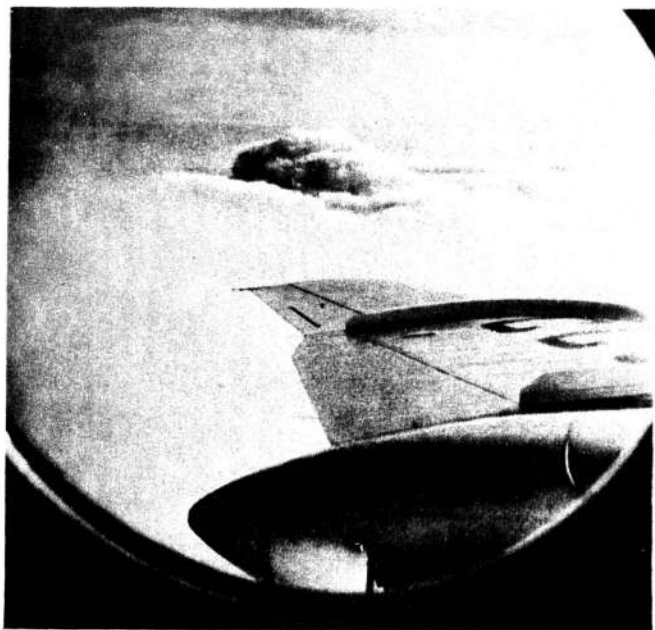
Серая мгла начинает светлеть. Еще секунда, две — и нас выстреливает в необъятную голубизну, словно камень из катапульты. Пропала тряска. Потоки солнца бьют в иллюминаторы... Но некогда, некогда! Разворот — и снова в клубящийся ад, нужно сделать еще три захода.

Вечером мы подходим к Одессе. В сгущающихся сумерках плывет под нами зарево мерцающих огней, причудливо обрезанное морем. Имянитов заканчивает запись в журнале: «В эксперименте участвовали: летчики-испытатели

В. Д. Попов, В. С. Кузьменко, бортинженер А. В. Белов, штурман В. И. Романов, бортрадист А. А. Кузьмин, физики И. М. Имянитов, Б. Ф. Евтеев, С. М. Шметер, ведущий инженер В. С. Александров, инженеры В. И. Викорук, Н. П. Зиганов, К. М. Усков...»

Приземлившись, мы спешим узнать прогноз. Нам опять нужна гроза. Такая уж у нас работа.

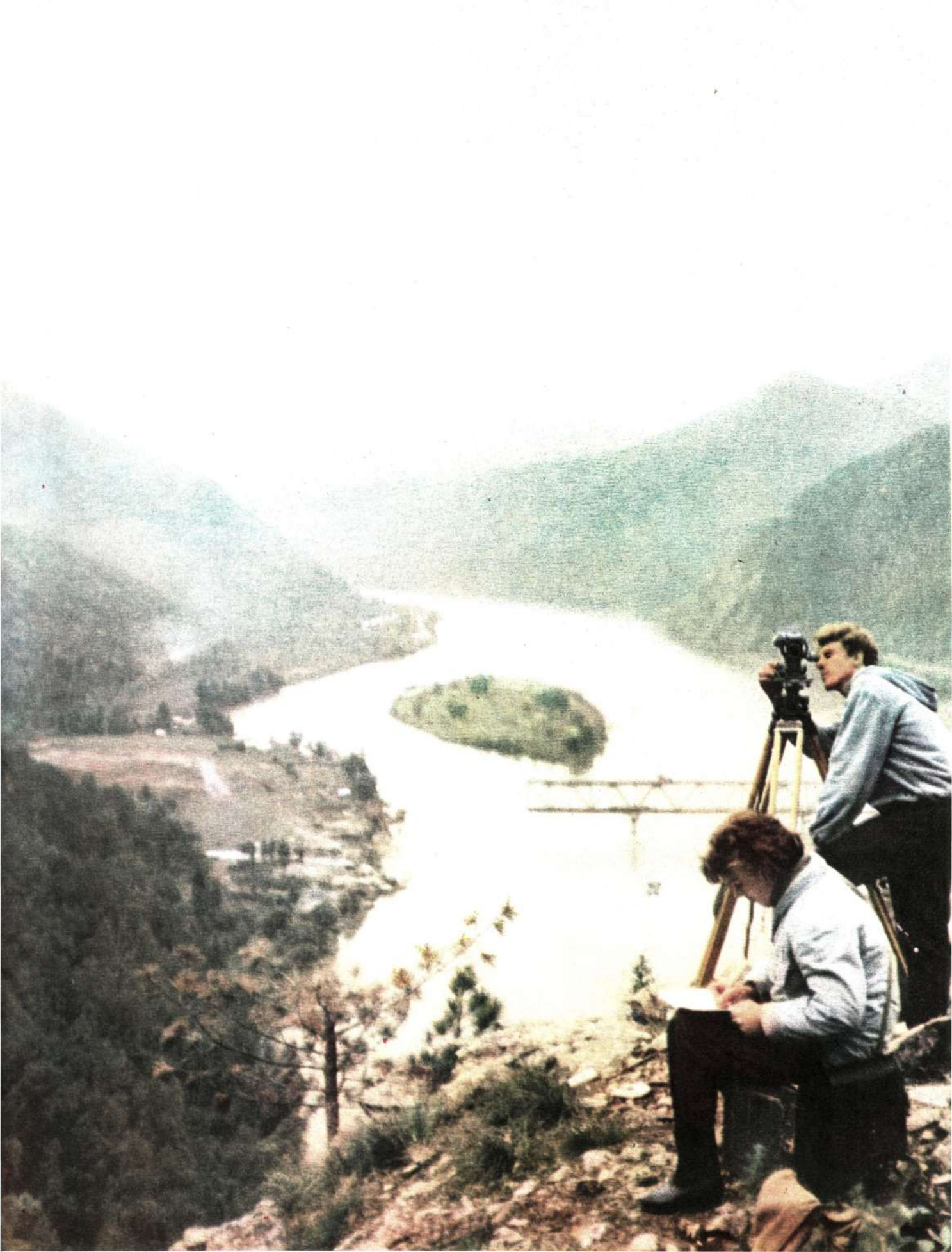
МИЛЛИОН ВОЛЬТ...

Положение становится угрожающим — сильно заряженный самолет может вызвать на себя удар молнии. Имянитов что-то бегом прикидывает на листке, но не успевает закончить расчет.

— Ух! Вот они...

Наши тела рванулись вверх, став моментально невесомыми, и лишь ремни на креслах удержали нас от близкого знакомства с потолком салона. Да, вот

Енисейские дали

ПЕРВЫЕ ШАГИ УДАРНОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ СТРОЙКИ

Тупоносый буксир отвалил от берега, и сразу его подхватило, развернуло и боком вынесло на середину Енисея. Мотор взревел, и буксир, содрогаясь всем корпусом, упрямо поплыл вверх по реке. Шальная волна вскидывала его, словно игрушечный. Штормовки топографов быстро намокли от ледяных брызг.

Когда буксир ткнулся в отмель, и высокий берег, густо поросший колючим кустарником шиповника и саянским хвощом, заслонил топографов от ветра — сразу стало теплей. Крутой подъем окончательно согрел их, а через час-другой взмокли спины и теодолит потяжелел за плечами.

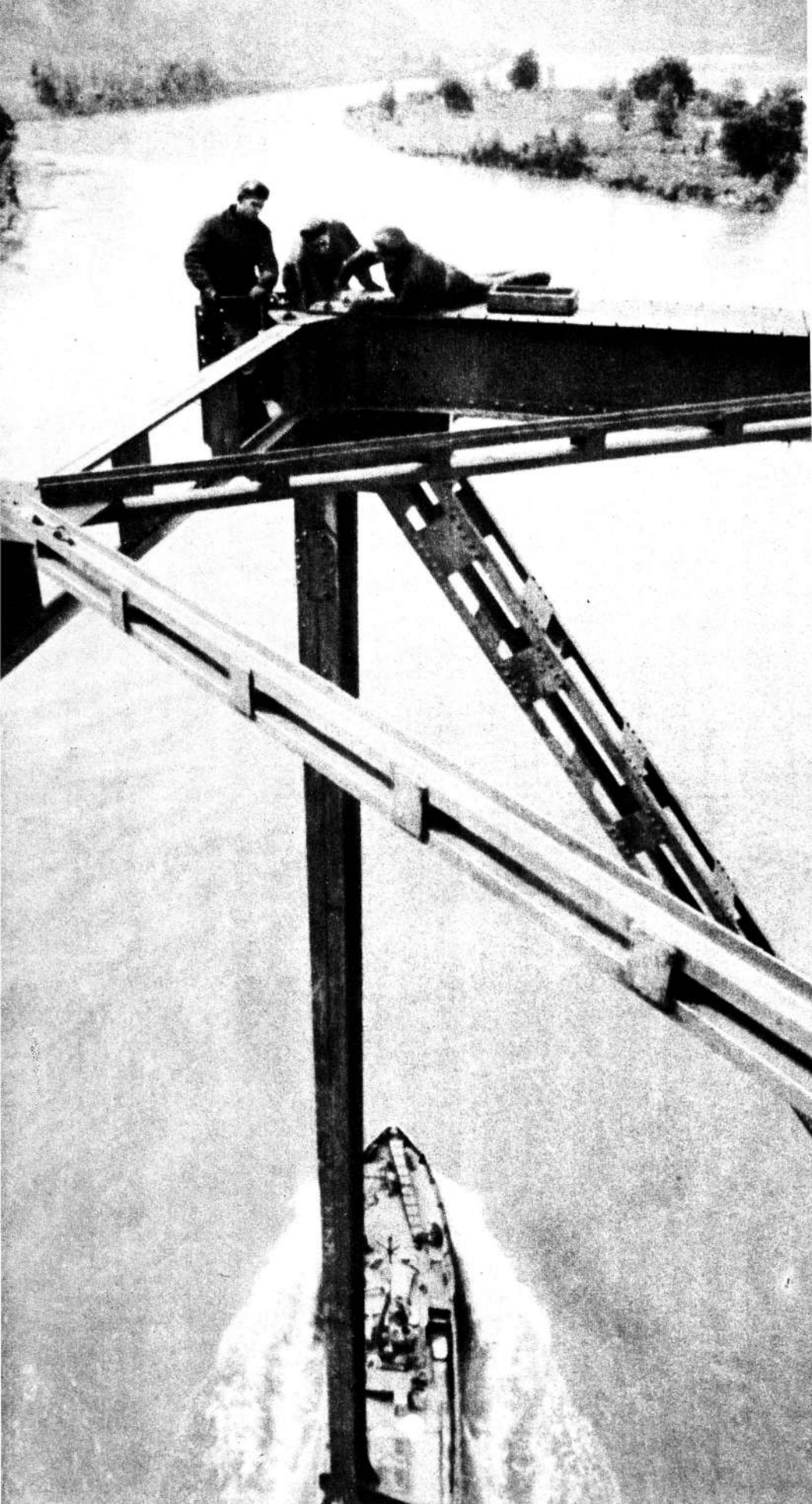
Каждый день выходят топографы в нелегкие маршруты, чтобы установить отметки, «привязать» к местности будущую плотину, подготовить фронт строительства. Каждый день подъемы, и спуски, и короткий отдых, когда, как награда, перед глазами открываются необозримые енисейские дали и сам красавец Енисей...

В Шушенском, неподалеку от места будущей Саяно-Шушенской ГЭС, есть заповедное место — Журавлиная горка. В годы далекой сибирской ссылки Владимир Ильич Ленин часто поднимался на нее и подолгу любовался синеющими вдали Саянами, думая о будущем этого края.

Это будущее — наше настоящее — создают сегодня те, кто приехал на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку.

Еще несколько лет назад этот берег Енисея был необжитым. Но вот затрепетала под порывами енисейского ветра первая палатка, поднялся первый дом, срубленный из смолистой таежной сосны, а потом выросла и первая улица. Теперь Карлово — большой таежный поселок с клубом, столовой и школой. В этом поселке — он лежит неподалеку от створа будущей плотины — разместилась Саянская комплексная экспедиция.

А на левом берегу, километрах в трех по течению, раскинулся поселок-близнец Черемушки. К Черемушкам от поселка Майна — штаб-квартиры строительства ГЭС — уже проложена дорога вдоль берега Енисея...

Мост соединит берега Енисея как раз в том месте, где поднялись Черемушки. Трудно дался этот мост строителям — ведь ширина реки здесь 340 метров, скорость течения — огромная.

Весной прошлого года, когда устанавливали третий, 88-метровый пролет моста, неожиданно, на месяц раньше обычного тронулся лед. Образовался огромный пролом, который угрожающе приближался к середине реки, туда, где, опираясь на лед, стояла многотонная конструкция — быки только еще бетонировали.

Из хаоса льда и обжигающей зимней воды спасали отважные мостостроители машины и механизмы. Битва за мост была выиграна.

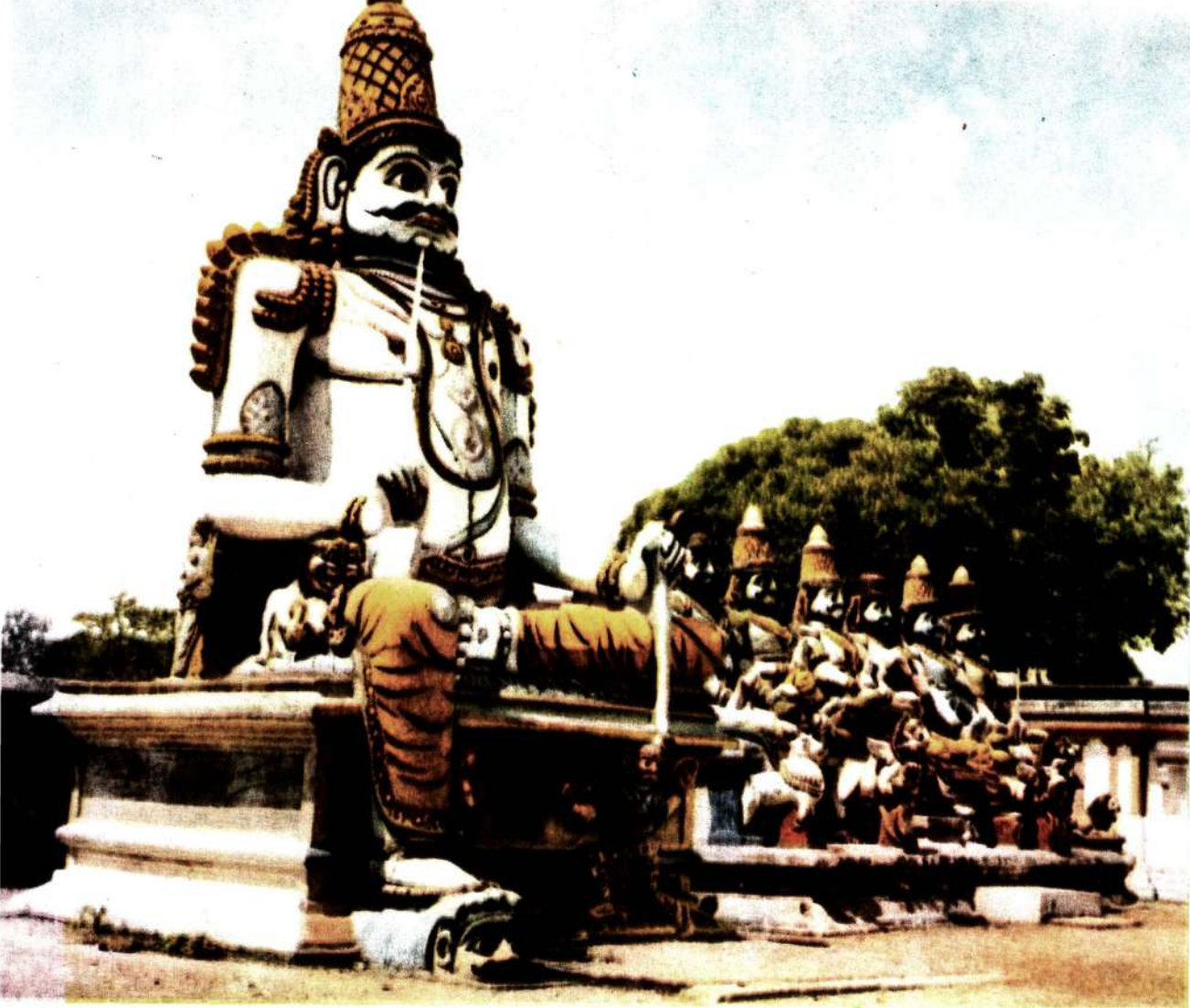
Теперь могучим железобетонным быкам не страшен Енисей. Скоро пятый, последний, пролет ляжет на берег реки, и тогда по новому мосту, на 36-метровой высоте двинутся тяжелые «БЕЛАЗы» и железнодорожные составы с оборудованием для Саяно-Шушенской ГЭС.

А через несколько лет плотина высотой более двухсот метров преградит воды Енисея. Родится новое море. На сотни километров разольется оно по Тувинской впадине. Навсегда исчезнут грозные енисейские пороги...

Когда стремительный Енисей начнет вращать турбины гидростанции, океан электричества хлынет в города и поселки Сибири, на ее многочисленные предприятия.

Фотоочерк В. САККА
(наш спец. корр.)

АГАСТЬЯ, ПОСРАМИВШИЙ ДЕМОНА, ИЛИ СЕМЬ МУДРЕЦОВ ИЗ ТИРУМУЛЛАЙВАЙЯЛА

...Сидят во дворе храма богини Парвати в индийской деревне Тирумудлайвайял, что в двадцати километрах от Мадраса, семь глиняных гигантов. Взор их устремлен вдаль, поза выражает спокойствие. У них густые бороды и пышные усы. На головах богато изукрашенные тигры, на руках и ногах — драгоценные браслеты.

Семь гигантов-мудрецов — спутники богини. Шестеро сидят в ряд, и каждый занят своим делом, в котором он превзошел всех остальных. Седьмой сидит поодаль...

В Индии рассказывают про мудрецов вот что.

— Правый глаз мой — Солнце, а левый — Луна, — так сказал однажды бог Шива своей жене, светлолицой Парвати, дочери Гималаев, Матери всего сущего. — Когда я закрываю правый глаз, приходит ночь, когда закрываю левый — день...

— А что будет, если ты закроешь оба глаза, о божественный супруг мой? — спросила Парвати и, не дожидаясь ответа, быстро закрыла руками оба глаза своего грозного мужа.

И наступила полная тьма, звери лесные вышли из чащи, и рычали, и выли, и сметали все на своем пути, а люди в страхе притаились в своих домах.

Тысячи демонов рассеялись по земле, неся смерть и разрушение. И так велик был поразивший людей ужас, что казалось им — исчезнет все живущее на свете.

Шива сжалился над людьми. Неожиданно для всех у него на лбу открылся третий глаз. И стало светло.

Испугавшись своей дерзости, Парвати пала к стопам своего божественного супруга и смиренно просила отпус-

тить ее в священные города Бенарес и Канчипурам, дабы паломничеством и молитвой очиститься от греха.

И Шива отпустил светлолицую жену свою. Семь святых мудрецов сопровождали ее, и каждый из них превзошел в своем деле всех остальных, и Агастья был главным из них. Вместе они были непобедимы.

По пути с ними случались разные приключения. Вот одно из них, происшедшее в Тирумудлайвайяле, на юге Индии.

Шайка демонов, порожденных тьмой, напала на богиню и ее спутников, стремясь причинить им зло и тем посрамить светлого Шиву. Но всемером мудрецы были непобедимы. Они вступили в бой с демонами, и кровопролитная битва длилась много дней и ночей. И все демоны были перебиты, остался лишь один. Он умолял святых мудрецов сохранить ему жизнь и клялся, что отныне никогда не причинит никому зла. Но мудрецы знали коварство Слуг Мрака.

И потому, когда главный из святых мудрецов, Агастья, снизошел к униженным мольбам демона и взял его в плен, он бросил его к своим ногам и поставил свою правую стопу на голову демона. Ибо творящий зло не может быть безнаказанным! И демон навеки остался у ног Агастьи, пресмыкаясь в грязи, не в силах более причинять зло. Так Агастья посрамил демона. И застыл навеки на выжженном солнцем дворе храма богини Парвати, что в деревне Тирумудлайвайял, воплощая извечную победу добра над злом...

Жорж
Сименон

Дома мы всегда, бывало, ходили к полуночной мессе. Не припомню рождества, чтобы мы ее пропустили, хотя от нашей фермы до деревни было добрых полчаса езды...

Лекёр, сидевший за коммутатором, снял наушники, чтобы слышать, о чем говорят.

— Ну вот, когда после мессы мы возвращались домой, каждого из нас оделяли куском кровяной колбасы, и, скажу вам, с тех самых пор мне ничего подобного есть не приходилось. Уж не знаю, что наша мать клала в эту свою колбасу, но только вкуснее ни у кого не было. Жена пыталась ее готовить, но так у нее никогда не выходило, хотя у моей старшей сестры она достала точный матушкин рецепт — по крайней мере сестра утверждала, что он тот самый...

Сомме подошел к одному из огромных незавешенных окон помещения, за которыми ничего, кроме тьмы, не было видно.

— Глядите-ка! Подмораживает. Это мне тоже напоминает детство. Бывало, у нас в комнатах вода к утру замерзала, и, чтобы умыться, приходилось ломать лед...

— Да, центрального отопления люди тогда не знали, — бесстрастно отзывался Лекёр.

«Полуночники» — так называли их смену. С одиннадцати вечера они сидели здесь, в этой просторной комнате, и теперь в шесть часов рождественского утра все трое выглядели изрядно уставшими. Три или четыре пустые бутылки и остатки бутербродов валялись на голом столе.

Гигантская карта Парижа висела на стене перед Лекёром, и каждый полицейский участок обозначался на ней крохотной лампочкой. Стоило чему-нибудь где-либо произойти, как загоралась соответствующая лампочка и Лекёр тотчас вставлял штекер коммутатора в нужное гнездо.

— Шалло!.. Послушайте!.. Вызвали ваш патруль...

Перед каждым полицейским участком во всех двадцати округах Парижа стояли в ожидании автомобили, готовые сорваться с места по первой тревоге.

— Чем отравилась?

— Вероналом...

Это, конечно, женщина. Третье самоубийство за эту ночь, два из них — в благопристойном районе Пасси. Еще один крестик появился в разграфленной на колонки записной книжке Лекёра. Мамбре, третий «полуночник», сидел за конторкой, заполняя какие-то формуляры.

— Одеон? Что там у вас происходит?.. А, угнали машину...

Это было уже по части Мамбре, который тотчас записал дан-

ные сорок восьмого автомобиля, угнанного этой ночью, и затем передал их по телефону Пьебёфу — оператору телетайпа, сидевшему в комнате этажом выше.

Обычная, в сущности, ночь — для них. Совсем иной она была для тех — за окнами. Ибо это была великая ночь, ночь под рождество. Не только месса привлекала в этот вечер людей. Переполнены были все театры и кино, а в больших магазинах, которые по случаю праздника торговали до двенадцати, парижане в свалке пытались в последнюю минуту купить все необходимое к рождеству.

В семьях собирались вокруг столов с жареными индейками и, возможно, с кровяной колбасой, приготовленной, как и та, о которой толковал Сомме, по семейному рецепту, передаваемому от матери к дочери.

Дети беспокойно спали в своих постелях. Родители крались к ним на цыпочках, изображая Санта-Клаусов, и оставляли подарки, которые будут обнаружены утром.

В ресторанах и кабаре каждый столик был заказан по крайней мере за неделю вперед. На Сене, на палубе баржи Армии Спасения бродяги и нищие выстраивались в очередь за рождественской добавкой.

Не появившись на окнах наледей, дежурившие и не узнали бы, что

Рисунки И. ГОЛИЦЫНА

на дворе подмораживает. В этой просторной, тускло освещенной комнате они были словно в каком-то особом, замкнутом мире, окруженные пустынными кабинетами префектуры, здание которой стоит напротив Дворца правосудия. Не раньше чем завтра снова наполнятся бесчисленными людьми все эти кабинеты и коридоры, людьми, пришедшими за визами, выдательскими правами и еще бог знает какими разрешениями и справками.

Во дворе, внизу, полицейские автомобили стояли в ожидании экстренного вызова, патрульные дремали на сиденьях.

В эту ночь, однако, не случилось ничего достаточно важного, что потребовало бы их вызова. Это было видно по крестикам в записной книжке Лекёра. В колонке, отведенной для пьяных, крестиков было около двухсот.

Пять случаев нападений с ножом. Два — возле Итальянских ворот. Три — в отдаленной части Монмартра, не на Монмартре «Мулен-Руж» и «Веселого кролика», а там, в Зоне, за которой когда-то около ста тысяч арабов прозябали в лачугах, сколоченных из старых упаковочных ящиков и рубероида.

Несколько детей потеряно в сутолоке, когда народ после мессы повалил из церквей. Но они вскоре были возвращены родителям.

В коридоре зазвучали шаги, и ручка двери повернулась. Все трое оглянулись одновременно, удивляясь, кого бы это могло принести в такую рань.

— Салют! — произнес вошедший, швыряя шляпу на стул.

— Какими судьбами, Жанвье?

Жанвье — детектив отдела, занимающегося расследованием убийств, — прошел прямо к плитке, чтобы согреть руки.

— Скука сидеть одному. А если наш убийца собирается сегодня сделать свое дело, здесь я узнаю об этом быстрее, чем где бы то ни было.

Он тоже дежурил ночью — в соседнем здании за углом.

— Вы не возражаете? — спросил он, берясь за кофейник. — Ветер на улице просто ледяной.

— Не думаю, что какие-либо новости для вас будут до восьми, — сказал Лекёр.

Он знал, что говорит, ибо последние пятнадцать лет ночами просидел здесь, за этим коммутатором, не сводя глаз с огромной карты, усыпанной лампочками. Он знал по именам половину па-

рижских полицейских, во всяком случае, тех, кто дежурил по ночам. В часы затишья им случалось, чтобы скоротать время, подолгу беседовать друг с другом по телефону. «О, это вы, Дюма... Ну, как там дома?...» Но хотя их было так много — тех, чьи голоса были ему знакомы, едва ли кого-либо из них он знал в лицо.

Знакомства его не ограничивались полицией. На дружеской ноге он был и с персоналом многих парижских больниц.

— Алло!.. Биша?.. Что с этим парнем, которого привезли к вам полчаса назад?.. Уже умер?..

Да, он уже умер, и еще один маленький крестик был занесен в записную книжку. Эта книжка была в общем-то настоящим кладезем информации. Если вы спрашивали Лекёра, сколько убийств из-за денег было совершено за последние двенадцать месяцев, он в ту же секунду отвечал: «Шестьдесят семь». — «Сколько убийств совершено иностранцами?» — «Сорок два».

Так могло продолжаться час за часом, и Лекёра невозможно было подловить. Он, однако, выкладывал свои цифры без малейшей тени бахвальства. Цифры были его увлечением — и только. Никто не обязывал его заносить в книжку эти крестики. Это была его собственная идея. Крестики помогали коротать ночь, и он получал от них такое же удовольствие, какое другие получают, коллекционируя марки.

Лекёр не был женат. Очень немногие знали, где он живет и чем занимается за пределами этой комнаты. Было трудно представить его где-либо еще, даже просто идущим по улице.

Он повернулся к Жанвье:

— Чтобы произошло что-нибудь по вашей части, надо подождать, когда люди начнут просыпаться. Убийства обычно обнаруживают, когда консержка пойдет наверх с почтой или горничная понесет завтрак в спальню хозяйке.

— Шеф убежден, что этот наш парень сегодня снова даст о себе знать, — сказал Жанвье. — Для людей такого сорта ночка сегодня самая подходящая.

Имя названо не было, ибо имени не знал никто. И никто не мог бы описать его, сказав, к примеру, что это человек в желтом плаще или человек в серой шляпе, потому что никто никогда его не видел. Некоторое время газеты называли его «мсье Воскре-

сенье», так как первые свои три убийства он совершил в воскресные дни, но потом было еще пять жертв, и все в будни, по одному убитому в неделю, хотя и нерегулярно.

— Это из-за него вы дежурите по ночам? — спросил Мамбре.

Жанвье был не один. По всему Парижу дежурили дополнительно выделенные полицейские, ведя наблюдение за улицами или просто ожидая сигнала.

— Вот увидите, — вмешался Солме, — когда его накроют, окажется, что он просто-напросто чокнутый.

— Чокнутый или нет, но он убил восемь человек, — вздохнул Жанвье, потягивая кофе. — Смотрите-ка, Лекёр! Зажглась одна из ваших лампочек.

— Алло!.. Вызван ваш автомобиль... Что такое?.. Минуточку...

Они видели, что Лекёр колеблется, не зная, в какую колонку поставить крестик. У него были колонки для тех, кто вешался, кто выбрасывался из окна, кто...

— Только подумайте, — сказал он, — на Аустерлицком мосту какой-то человек взобрался на парапет. Он связал себе ноги, надел на шею веревку, намертво примотав ее к фонарному столбу, а когда кинулся с парапета в воду, то пустил еще себе и пулю в лоб!

— Да, застраховался... В какую же колонку он пойдет?

— Есть у меня одна для неврастеников. Я думаю, мы вправе определить его именно там.

— ...Совсем не факт, что тот парень сумасшедший. Эксперты утверждают, что, будь он болен, он бы каждый раз убивал все тем же способом. Если в первый раз это был нож, то нож был бы и во всех остальных случаях.

— Почему вы думаете, что это один и тот же человек?

— Во-первых, то обстоятельство, что случилось восемь убийств одно за другим. Маловероятно, чтобы в Париже так вот сразу появились вдруг восемь убийц.

Работая в судебной полиции, Жанвье, разумеется, знал все подробности дела.

— Помимо этого, во всех случаях все же виден один и тот же почерк. Жертвы неизменно люди одинокие, живущие уединенно, без семьи и друзей...

Солме взглянул на Лекёра, которому он не мог простить, что тот не был семейным человеком. У него самого было пятеро ребятишек и вот-вот должен был появиться шестой.

— Поберегись, Лекёр! Видишь, к чему это может привести!

— Затем, ни одно из этих преступлений не было совершено в районе, где живут богатые люди...

— И все же он заодно и грабит, разве нет?

— Верно, но видно, что это для него не главное. Иногда прихватит с собой что-нибудь припрятанное жертвой в матрасе — и все. Он не взломщик.

Еще час-полтора — и они будут свободны от дежурства, все, кроме Лекёра, который обещал коллеге продежурить еще и первую дневную смену, чтобы тот смог побыть на рождество со своей семьей, где-то возле Руана.

Ему часто случалось дежурить за других, так что на него уже смотрели как на всегда готовую подмену каждому, кому захотелось бы денек отдохнуть.

— Алло! Жавель?..

Еще одна лампочка. Около набережной Жавель в пятнадцатом округе, в районе фабрик.

— Ваш автомобиль вызван...

— Мы еще не знаем, в чем дело. Кто-то разбил стекло звонка тревоги на улице Леблан.

— Разбили и ничего не сообщили?

— Нет, ничего. Мы послали машину разобраться. Я позвоню вам еще.

Здесь и там, по всему Парижу на обочинах тротуаров расставлены выкрашенные в красную краску стойки с телефонами, и требуется лишь выдать стекло, чтобы немедленно связаться с ближайшим полицейским участком. Разбил ли случайно это стекло прохожий? По всему было видно, что так оно и есть, потому что спустя пару минут снова раздался звонок из пятнадцатого округа.

— Алло! Центральная? Наша машина только что вернулась. Никого не обнаружили. Весь район словно вымер. Мы отправили туда патруль.

Как должен был Лекёр классифицировать этот случай? Не желая признавать поражения, он внес крестик в самую правую колонку, озаглавленную «Разное».

— Кофе у нас не осталось? — спросил он.

— Я сейчас готовлю еще.

Та же самая лампочка зажглась снова, через какие-то десять минут после первого вызова.

— Жавель?.. Что там у вас на этот раз?

— Снова то же самое. Разбили еще одно стекло.

— И ничего не сказали?

— Ни слова. Должно быть, какой-нибудь крайне остроумный шутник. Думает, это забавно — держать нас на чеку. Когда он нам попадется, он узнает, забавно это или нет!

— Где разбили на этот раз?

— У моста Мирабо.

— Похоже, он довольно скор на ногу, ваш шутник!

Эти две сигнальные стойки и в самом деле были расположены очень далеко друг от друга.

До сих пор никто не воспринимал происшествие всерьез. Ложные тревоги не такое уж редкое явление. Некоторые пользуются этим всегда доступным средством связи с полицией, чтобы выразить свое к ней отношение. «Смерть флика!» — любимая фраза в таких случаях.

Жанвье дремал, поставив ноги на радиатор отопления, когда услышал, что Лекёр снова звонит по телефону. Он приоткрыл глаза, увидел, какая лампочка светится на карте Парижа, и сонно прошептал: «Снова он!»

Жанвье был прав. На этот раз было разбито стекло в начале проспекта Версай.

— Вот глупое животное! — проворчал Жанвье, устраиваясь поудобнее.

— Алло! Что?.. Уж не собираетесь ли вы мне сообщить, что кто-то вышиб стекло из вашей телефонной стойки? В самом деле? Это, наверное, все тот же парень... Нам уже сообщили о двух таких случаях из пятнадцатого... Да, они пытались схватить его, но вокруг не было ни души... Да, движется он довольно ходко, верно?.. Он перешел реку через мост Мирабо... Похоже, что направляется в эту сторону... Да. Вы тоже можете попытаться...

Еще один крестик. К половине восьмого, всего за полчаса до конца ночного дежурства, в колонке «Разное» у Лекёра стояло уже пять крестиков.

Этот человек не жалел ног. Некоторое время казалось, что таинственный прохожий держится правого берега Сены, но затем он отклонился в сторону Отейля, богатого района Парижа, и разбил стекло на улице Лафонтена.

— Он всего в пяти минутах ходьбы от Булонского леса, — сказал Лекёр. — Если только он доберется туда, им его уже не поймать.

Но человек снова направился к набережным, судя по тому, что вскоре было выдвинуто стекло на улице Бертон.

Шестой вызов. Обогнув площадь Трокадеро, он вошел в улицу Ломшам.

— Похоже, будто парень полагает, что участвует в кроссе, где нужно оставлять после себя какой-нибудь след, — заметил Мамбре. — Только вместо клочков бумаги он использует битое стекло...

— Алло? Снова Жавель... Жавель? Не может быть, чтобы на этот раз опять был ваш шутник: он сейчас должен находиться где-нибудь в районе Елисейских полей... О да. Он все еще занят этим делом... Да, так что у вас там стряслось?.. Что?.. Скажите-ка по буквам... Улица Миша. Да, понял. Между улицей Лекурб и бульваром Феликса Форэ... Возле виадука, да, я знаю... Номер семнадцать... Облезлый семизатный дом... Кто об этом сообщил?.. Консьержка?..

В том районе полным-полно было таких домов, вовсе не старых, но построенных так бездарно, что они уже почти разваливались. Дома эти, открытые всем ветрам, торчат на пустырях, мрачными башнями возвышаясь среди трущоб, и их слепые стены заляпаны рекламными щитами.

— Вы говорите, она слышала, как кто-то пробежал вниз по лестнице и затем хлопнула дверь... На каком этаже квартира?.. На антресолях... А куда выходят окна?.. Во внутренний двор... Минуточку. Мне звонят из восьмого округа. Это, должно быть, опять наш друг, который вышибает стекла из телефонных стоек...

Лекёр попросил, чтобы на том конце провода подождали, и снова вернулся к набережной Жавель.

— Старуха, говорит... Мадам Файе... Работала поденщицей. Мертва?.. Тупым орудием... А доктор там?.. Вы уверены, что она мертва?.. А что с ее деньгами? Я полагаю, у нее были где-нибудь припрятаны... Ладно. Позвоните мне снова... Или я вам позвоню.

Он повернулся к детективу, который теперь уже спал вовсю.

— Жанвье! Эй, Жанвье!.. Это для тебя.

— А? Что? Что такое?

— Тот самый убийца.

— Где?

— Около улицы Лекурб. Вот адрес... На этот раз он убил старую поденщицу, некую мадам Файе.

Жанвье надел пальто, поискал глазами шляпу и в один глоток допил остаток кофе из своей чашки.

— Кто занялся этим делом?
— Гонес из пятнадцатого округа.

— Позвоните в судебную полицию — ладно? — и скажите, что я отправился на место...

Минуту или две спустя Лекёр смог добавить еще один крестик к тем шести, что уже были в колонке. Кто-то выбил стекло в стойке на проспекте Йены, в каких-нибудь ста пятидесяти метрах от Триумфальной арки.

— Среди осколков стекла они нашли носовой платок в пятнах крови. Детский платок.

— На нем есть какие-нибудь инициалы?

— Нет. Это обычный платок в голубую клетку, довольно грязный. Парень, должно быть, заматывал им кулак, когда бил стекло.

В коридоре послышались шаги. Это шла принимать дежурство дневная смена. Они были такие чистые, свежавыбритые, румяные от холодного ветра.

— Счастливого рождества!

Сомме закрыл жестянку, в которой приносил бутерброды. Мамбре выколотил трубку. И только Лекёр остался сидеть на своем месте — для него смены не было.

— Алло! Да, я еще здесь. Дежурю за Потье, он уехал к семье в Нормандию... Да. Я хочу знать об этом деле все... В деталях... Жанвье ушел, но я передам это в судебную полицию. Инвалид, вы сказали?.. Какой инвалид?

На этой работе надо было быть очень терпеливым, потому что людям свойственно объяснять обстоятельства дела так, будто остальные тоже видели все своими глазами.

— Низкое здание позади, верно... Значит, не на улице Миша?.. Я знаю. Маленький домик, палисадник огорожен заборчиком... Только я не знал, что он инвалид... Правильно... Он не слишком много спит... Видел мальчишку, который карабкался по водосточной трубе?.. Какого возраста? Он не разглядел?.. Конечно, нет — в темноте... С чего же он тогда взял, что это был мальчик?.. Послушайте, позвоните-ка мне попозже, ладно?.. О, вы сменяетесь... А кто будет вместо вас?.. Жюль?.. Ладно. Ну, так попросите его, чтобы он держал меня в курсе...

— Что происходит? — спросил Годэн, заступивший на дежурство вместо Сомме.

— Старуху убили. По улице Лекурб.

— Кто?

— Там напротив живет инвалид,

который говорит, что видел какого-то мальчонку, когда тот лез вверх по водосточной трубе.

— Ты хочешь сказать, что это мальчишка прикончил старуху?

— Мы еще не знаем...

Никого это особенно не интересовало. В конце концов для этих людей убийства были привычной повседневностью, рутинной.

Лекёр задумчиво глядел на свои семь крестиков. Затем со вздохом поднялся со стула и постоял, пристально рассматривая огромный план города на стене.

— Освежаешь в памяти Париж?

— Думаю, что знаю его уже достаточно хорошо. Мне кое-что пришлось в голову. Тут какой-то чудак шатается по улицам и вышибает стекла у наших телефонных стоек. Семь за последние полтора часа. И двигается он не по прямой, а все зигзагами — сначала сюда, потом туда...

— Может быть, он не знает Парижа?

— Или знает его слишком хорошо! Он ни разу не появился вблизи полицейского участка. Если бы он шел по прямой, то уж наверняка бы миновал два или три. Стороной он обошел и все главные перекрестки, где была вероятность встретить постового.

— Похоже, тебя это чертовски заинтересовало!

— Меня это пугает!

— А что такое?

Странно было видеть на лице Лекёра, который славился своим спокойствием, тревожное выражение.

— Алло! Жавель?.. Это Жюль?.. Лекёр говорит... Послушай, Жюль. Позади многоквартирного дома на улице Миша есть домик, где живет этот самый инвалид... Так вот, с одной стороны там стоит жилой дом — такое здание из красного кирпича, на первом этаже там еще лавка бакалейщика. Знаешь, да? Хорошо... Ничего там не случилось? Я не могу объяснить, почему, но мне кажется, тебе следовало бы туда навестись...

Внезапно ему стало жарко. Он ткнул в пепельницу наполовину недокуренную сигарету.

— Алло! Терри?.. Не было ли в вашем районе каких-либо происшествий? Ничего? Только пьяные?.. А мотоциклетный патруль на объезде?.. Выезжают?.. Скажите им, чтобы не пропустили мальчика, усталого с виду и, по всей вероятности, с окровавленной правой рукой... Потерялся? Да не совсем... Я не могу сейчас объяснить...

Зажглось еще несколько лампочек. Сообщили о новых происшествиях, в том числе о столкновении легкового автомобиля с автобусом на улице Клинанкур, а потом на линии снова появилась набережная Жавель.

На этот раз к телефону подошел не Жюль, а Гонес, детектив, который уже побывал на месте преступления. Он принял предложение Лекёром предложение проверить, не произошло ли что-нибудь в том, другом доме на улице Васко да Гамы и пошел разузнать.

— Это ты, Лекёр? — В голосе его слышна была какая-то странная нотка — не то раздражение, не то подозрительность. — Послушай-ка... Что заставило тебя вспомнить об этом доме? Ты знаешь старуху, мадам Файе?

— Я никогда ее не видел, но знаю про нее все.

То, что случилось в это рождественское утро, Андре Лекёр предвидел и, возможно, боялся этого вот уже больше десяти лет. Каждый раз, глядя на огромный план Парижа с его лампочками, он говорил себе: «Это только вопрос времени. Рано или поздно это случится с кем-нибудь из тех, кого я знаю...»

— Ты видел консьержку? — спросил Лекёр. Он представил себе изумление на лице детектива на том конце провода, когда добавил: — Мальчик дома?

— О... так, значит, ты и его тоже знаешь? — невнятно пробормотал Гонес.

— Он мой племянник. Разве тебе не сказали, что его фамилия Лекёр?

— Да, но...

— Ладно, это все пустое. Расскажи, что там случилось.

— Мальчика там нет.

— А что его отец?

— Он возвратился домой намного позже семи.

— Как обычно. Он тоже работает по ночам.

— Консьержка слышала, как он поднялся к себе в квартиру — она расположена на третьем этаже с задней стороны дома.

— Я знаю...

— Минуту или две спустя он скатился по лестнице сам не свой. Как она выразилась, он равно бы спятил.

— Исчез мальчик?

— Да. Отец хотел знать, не видела ли она, как он выходил из дому. Она не видела. Затем он спросил, не приносили ли какую-нибудь телеграмму.

— Телеграмма была?

— Нет. Ты что-нибудь понимаешь?.. Раз ты член семьи, ты бы мог нам помочь. Не можешь устроить, чтобы там кто-нибудь тебя подменил, а сам ты приедешь сюда?

— Это ничему не поможет. Где Жанье?

— В комнате старухи. Парни из судебной экспертизы уже принялись за работу. Первое, что они обнаружили, — отпечатки детских пальцев на ручке двери. Давай! Хватай такси и приезжай...

— Нет. Что бы там ни было, здесь никому меня подменить.

Все это было верно, с одной разе что поправкой. Он не хотел отсюда уезжать и не думал, что, если он уедет, это поможет делу.

— Послушай, Гонес... Я должен найти мальчика, а отсюда мне это сделать легче, чем из любого другого места. Ты ведь понимаешь меня?.. Передай Жанье, что я остаюсь здесь. Да скажи ему, что у старой мадам Файе были деньги, и не исключено, что она прятала их где-нибудь в комнате.

Словно в лихорадке, вставлял он свой штекер в одно гнездо за другим, вызывая различные полицейские участки восемнадцатого округа.

— Продолжайте поиски мальчика десяти лет, довольно бедно одетого... Держите под наблюдением все телефонные стойки.

— Ты думаешь, все это — дело мальчишки?

Лекёр не потрудился ответить. В следующую минуту он соединился с телетайпной, где занимались и радиосообщениями.

— Жюстен?.. У меня срочное дело... Не пошлешь ли ты вызов всем нашим патрульным машинам в районе площади Звезд? Пусть они начнут поиски...

И снова приметы мальчика, Франсуа Лекёра.

— Нет. Я понятия не имею, куда он направляется. Могу сказать только, что он, по-видимому, старается держаться на приличном расстоянии от полицейских участков и как можно дальше от мест, где можно наткнуться на какого-нибудь регулировщика.

Он знал квартиру брата на улице Васко да Гамы. Две темные комнаты и кухня. Мальчик всегда ночевал один — в это время его отец был на работе. Из окон через двор, обычно завешанный бельем, видна была задняя сторона дома на улице Миша. Кое-где на подоконниках в этом доме стояли горшки с геранью, а сквозь проемы занавешенных окон можно было наблюдать са-

мых разных представителей рода человеческого.

Правда, сейчас стекла там тоже должны быть затянuty изморозью... Лекёр спрятал эту мысль до поры до времени где-то в уголке мозга. Она могла оказаться важной.

— Ты думаешь, это мальчик бьет стекла на телефонных стойках?

— Платон, который они нашли, принадлежал ребенку, — отрывисто сказал Лекёр.

Он не хотел быть втянутым в дискуссию. Некоторое время он молча сидел за коммутатором, размышляя, что еще можно предпринять.

Похоже было, что на улице Миша работа подвигалась вперёд. Когда он дозвонился до них еще раз, доктор и представитель магистратуры были уже там.

Какую помощь мог оказать им Лекёр? Хотя он и не был с ними, место преступления стояло перед его глазами почти столь же ясно, как и перед глазами тех, кто находится там, — и угрюмые дома, и покрытый копотью виадук метрополитена, наискось перерезавший пейзаж. Во всем районе только бедняки, одни бедняки.

Он снова позвонил на набережную Жавель:

— Гонес еще там?

— Он строчит отчет. Позвать его?

— Да, будьте добры... Алло, Гонес!.. Это Лекёр... Извини, что я тебя оторвал, но я хочу узнать — ты поднимался в квартиру моего брата?.. Была ли смята постель мальчика?.. Была?.. Хорошо. Это уже лучше... И еще: не было ли там каких-нибудь свертков?.. Ну да, свертков, рождественских подарков... Что?.. Небольшой радиоприемник... Нераспакованный... Естественно. Еще что-нибудь? Еда?.. Какая? Курица, кровяная колбаса...

Он удивился, когда, взглянув на часы, увидел, что уже половина десятого. Нечего было и ждать теперь каких-либо известий с площади Звезд. Мальчик уже мог быть далеко.

— Алло!.. Судебная полиция?.. Нет ли там инспектора Сэла?.. — Сэлар был вторым, кого случившееся убийство оторвет от домашнего очага, чье рождество безвозвратно пропадет.

— Извините, что я беспокою вас, господин комиссар. Это насчет этого мальчика. Франсуа Лекёра.

— Вы что-нибудь знаете? Он ваш родственник?

— Это сын моего брата... И по-

хоже, что это именно он разбивает стекла наших телефонных стоек. Семь штук. Я не знаю, успели или нет вам уже доложить об этом... Я хотел попросить у вас разрешения объявить всеобщий вызов...

— Не могли бы вы зайти ко мне?

— Здесь некому сменить меня.

— Хорошо, тогда я сам приду к вам. А тем временем можете объявлять всеобщий.

Лекёр оставался спокоен, хотя руки его, когда он снова соединялся с комнатой наверху, вздрагивали.

— Жюстен?.. Снова Лекёр... Всеобщий вызов. Да. Это все тот же мальчик. Франсуа Лекёр. Десять с половиной. Для своего возраста довольно рослый. Худощав. Не знаю, в чем он; возможно, это джемпер цвета хаки, перешитый из американского военного мундира. Нет. На голове у него ничего нет. Он всегда ходит с непокрытой головой, и волосы торчат во все стороны вокруг лба... Может быть, нелишне будет расслать также и приметы его отца. Это не так легко... Ты ведь представляешь меня, верно? Ну, так Оливье Лекёр — это что-то вроде моей бледной копии. На вид он робок и не отличается здоровьем. Из тех, кто никогда не идет посередине тротуара и всегда уступает дорогу другим. Походка у него немного неровная из-за раны, которую он получил в первую мировую... Нет, я понятия не имею, куда они могут идти, только я не думаю, что они вместе. По-моему, мальчику угрожает опасность.

К тому времени, как Лекёр кончил говорить, инспектор Сэлар уже пришел, ему и идти-то было — завернуть за угол с набережной Орфевр. Вид у него был импозантный, особенно в этом его просторном пальто. Широким движением руки он приветствовал троих дежурных, а затем, схватив стул так, словно это был пук солом, развернул его и тяжело сел.

— Что мальчик? — осведомился он наконец, не сводя с Лекёра внимательных глаз.

— Не понимаю, почему он перестал нас вызывать.

— Вызывать?

— Ну, словом, привлечь наше внимание.

— Но зачем ему вызывать нас и — молчать?

— Предположим, его преследовали. Или он преследовал кого-нибудь.

— Я понимаю, что вы имеете в виду... Послушайте, Лекёр, ваш брат, у него что — денежные затруднения?

— Он живет бедно, это верно.

— И все?

— Три месяца назад он потерял работу.

— Какую работу?

— Он был линотипистом в «Ла Пресс» на улице Круассан. Работал в ночную смену. Он всегда работал по ночам. Это у нас фамильное...

— Как случилось, что он лишился работы?

— Я предполагаю, что он с кем-то повздорил.

— Он женат?

— Его жена умерла через два года после того, как они поженились, оставив его с десятилетним ребенком.

— Он его сам воспитал?

— Сам, все сам. Прямо перед глазами у меня стоит, как он купает мальчонку, меняет ему пеленки, греет молоко...

— Это все не объясняет, почему он ссорится с людьми.

— Верно. Только словами это очень трудно выразить.

— Раздражителен?

— Не совсем. Вся штука...

— Что?

— Дело в том, что он никогда не жил, как все.

— Считаете ли вы, что он был способен убить эту старуху?

Инспектор пыхнул трубкой. Слышно было, как ходят в комнате наверху. Двое копались в своих бумагах, делая вид, что не слушают разговора Лекёра с инспектором.

— Она была его тещей, — вздохнул Лекёр. — Вы все равно бы это узнали.

— Они не ладили?

— Она его ненавидела.

— Почему?

— Считала его виноватым в смерти дочери. Похоже, что ее можно было спасти, если бы операцию сделали вовремя. Брат был не виноват. Врачи в больнице отказались ее принять. Какие-то идиотские придирки по поводу того, что у нее бумаги были не в порядке. Но мадам Файе считала, что во всем виноват Оливье.

— Они виделись?

— Разве только когда встречались на улице, да и тогда они не разговаривали.

— А мальчик знал?

— Что она была его бабушкой? Не думаю.

— Вы полагаете, отец ему никогда ничего не говорил?

— Алло!.. Да. Инспектор здесь. Не уходите.

Он передал трубку Сэлэру.

— Это Жанвье.

Положив трубку, инспектор проворчал:

— Доктор Поль утверждает, что преступ-

ление было совершено между пятью и половиной шестого утра.

— Они нашли оружие убийства?

— Нет. Это мог быть молоток. А еще более вероятно — кусок свинцовой трубы или что-нибудь в этом роде.

— Деньги нашли?

— Только кошелек, в нем много мелочи и ее удостоверение личности. Скажите-ка, Лекёр, вы знали, что она дает деньги под залог?

— Да. Знал.

— И еще вы говорили мне, что брат ваш остался без работы?

— Да.

— Консьержка этого не знала...

— Мальчик тоже не знал. Ради мальчика-то он и не распространялся об этом.

— Вы отдаете себе отчет, на какие мысли это наводит?

— Да.

— Вы и сами об этом подумали?

— Нет.

— Потому что он ваш брат?

— Нет.

— Сколько времени прошло с тех пор, как этот убийца начал орудовать? Девять недель, не так ли?

Не спеша Лекёр проглядел колонки в своей книжке.

— Да. Чуть больше девяти. Первый случай был двадцатого октября, в районе Эпинетт.

— Вы говорите, что ваш брат не сообщил сынишке, что он безработный... Значит ли это, что по вечерам он по-прежнему уходил из дому, как будто шел на работу?

— Да. Он и думать боялся сказать ему об этом. Понимаете... Это трудно объяснить. Он души не чаял в мальчике. Син — это для него все, ради чего стоит жить. Он для него стряпал, укладывал его в постель перед уходом и будил по утрам...

— Это не объясняет, почему он не мог ему сказать.

— Для него непереносима была мысль, что в глазах ребенка он будет выглядеть неудачником.

— Но чем же он занимался по ночам?

— Перехватывал случайную работу. Когда с ним случался один из его приступов...

— Приступов чего?

— Астмы... Его схватывало время от времени... Тогда он отлеживался где-нибудь на вокзале, в зале ожидания. Однажды мы с ним так целую ночь просидели, все говорили...

— А теперь предположим, что мальчик проснулся сегодня рано утром и увидел отца в окне комнаты мадам Файе.

— Окна замерзли.

— Вряд ли, если окно было открыто. Множество людей спит с открытыми окнами, даже в самые холода.

— К брату это не относится. Он всегда мерз. И он слишком беден, чтобы транжирить тепло.

— Ну, что касается окна его комнаты, мальчику стоило лишь процарапать изморозь ногтями. Когда я был мальчишкой...

— Да. Мне тоже приводилось... Но дело-то все в том — было ли открыто окно у старухи?

— Оно было открыто, и в спальне горел свет.

— Я все думаю: куда же мог уйти Франсуа?

— Мальчик?

То, что он все время возвращался к мальчишке, удивляло и даже несколько приводило в замешательство. Положение, вне всякого сомнения, было запутанным и запутывалось еще больше по мере того, как Андрэ Лекёр в своей спокойной манере сообщал инспектору самые что ни на есть компрометирующие детали о своем брате.

— Когда он вернулся сегодня утром, — снова начал Сэлэр, — он принес с собой несколько свертков. Вы понимаете, что...

— Но ведь это же рождество.

— Верно. Однако чтобы купить курицу, торт и этот новый радиоприемник, ему нужны были деньги, и не малые. Брал он у вас займы в последнее время?

— Последние недели — нет. Я его месяц не видел. Было бы лучше, если бы мы встретились. Я бы сказал ему, что сам собираюсь подарить Франсуа приемник. Он у меня здесь. То есть там, внизу, в гардеробной. Собирался сразу же занести его им, как только освобожусь.

— Согласилась бы мадам Файе дать ему в долг?

— Маловероятно. Странная это была женщина. Ей вполне должно было хватать на жизнь, но все равно она с утра до вечера работала на других. Случалось,

что ей приходилось давать в долг людям, у которых она была по-денницей.

Все еще в замешательстве, инспектор встал.

— Поеду посмотрю, — сказал он.

— К мадам Файе?

— Туда и на улицу Васко да Гамы. Если будут какие-нибудь новости, дайте мне знать, ладно?

— Там нет телефонов, но я смогу связаться с вами через полицейский участок на набережной Жавель.

Едва затихли шаги инспектора, как зазвонил телефон. На кар-

— Инспектор!.. Аустерлицкий вокзал на проводе. Они нашли моего брата.

Сэлэр был грузен, и лестница далась ему с трудом — он пытался и отдувался. Трубку он взял сам.

— Алло!.. Да... Где он был?.. Что он делал?.. Что?.. Нет. Допрашивать его там сейчас нет никакого смысла... Вы уверены, что он не знал?.. Лекёра сразу отправьте сюда, в префектуру...

Инспектор набил трубку и раскурил ее. Потом заговорил, ни к кому в отдельности не обращаясь.

Что делал всю эту ночь его брат Оливье? Старая женщина была найдена мертвой. Мальчик, едва занялся рассвет, пустился в сумасшедшую гонку по улицам, разбивая по пути стеклышки сигнальных телефонов.

И чего дождался Оливье на Аустерлицком вокзале — то в жаркой духоте залов ожидания, то на пронизывающем ветру перрона, слишком возбужденный, чтобы усидеть на месте?

Прошло много меньше десяти минут.

С видом еще более неуверенным, чем когда-либо, Сэлэр наклонился к Лекёру, чтобы вполголоса спросить:

— Хотите, мы допросим его в соседней комнате?..

Нет, Лекёр вовсе не собирался покидать свой пост. Он хотел оставаться здесь, со своими лампочками и коммутатором. Быть может, он больше думал сейчас о мальчишке, чем о брате?

Оливье вошел в сопровождении двух дететивов, но зато без наручников. Выглядел он отвратительно, словно влохая выцветшая от времени фотография. Он сразу же обратился к Андрэ:

— Где Франсуа?

— Мы не знаем. Ищем.

— Где?

Андрэ Лекёр указал на карту Парика и коммутатор на тысячу номеров:

— Везде.

— Присядьте, — пригласил инспектор. — Как я понимаю, вам уже сообщили о смерти мадам Файе?

Оливье очков не носил, но выражение его глаз было таким же бледным и ускользающим, как и у его брата, когда тот снимал очки. Он взглянул на инспектора, который, казалось, не внушал ему страха, затем снова повернулся к Андрэ.

— Он оставил записку, — сказал Оливье, сунув руку в карман поношенного плаща. — Вот. Посмотрим, может, хоть ты что-нибудь поймешь.

Он протянул брату клочок бумаги, спрятанный от листа школьной тетрадки.

«Дядя Гедесиз приезжает сегодня утром на Аустерлицкий вокзал. Приходи как можно быстрее, и там ты нас встретишь. Целую. Бибби. Не скажешь ни слова, Андрэ Лекёр передал записку».

те на этот раз не зажглось ни одной лампочки. Звонили из города, с вокзала Аустерлиц.

— Лекёр? Говорит вокзальный полицейский пост. Мы его взяли.

— Кого?

— Человека, чьи приметы были разосланы. Его фамилия Лекёр. Как у вас. Оливье Лекёр. Ошибки быть не может, я видел его удостоверение личности.

— Не отходите от телефона, хорошо?

Лекёр бросился из комнаты, потом выскочил по лестнице и как раз успел перехватить инспектора, когда тот садился в одну из машин префектуры.

— Его забрали после того, как в течение часа он сплелся по вокзалу. Он был страшно возбужден. Говорил, что ждет сына, который оставил ему какую-то записку.

— Они сказали ему об убийстве?

— Да. Похоже было, что эта новость его пришибла и испугала. Я спросил, чтобы они приехали его.

Несколько неуверенным тоном он добавил:

— Чтобы приехали прямо сюда. Учтите, что вы родственники... Я не хотел, чтобы вы думали, будто...

ку инспектору, который начал вертеть ее так и сяк в своих толстых пальцах.

— А почему — Биб?

— Это его прозвище. Детское имя. Я никогда не называю его так при чужих. От слова «biberon»¹... Когда я давал ему соску...

Оливье говорил монотонно.

— А кто это дядя Гедеон?

— Такого человека не существует.

Понимал ли он, что разговаривает с главой отдела особо тяжких преступлений, который занят расследованием убийства?

На помощь ему пришел брат:

— По правде сказать, дядя Гедеон у нас был, но он умер несколько лет назад. Один из братьев матери, эмигрировавший в Америку еще в молодости.

Оливье посмотрел на брата, словно хотел спросить его, стоит ли впадать во все эти частности.

— У нас в семье выработалась привычка вспоминать, в шутку конечно, о нашем богатом американском дядюшке и о той куче денег, которую он нам оставит в один прекрасный день.

— Он умер?

— Когда Франсуа было четырьмя годами.

— Ей-богу, Андрэ... Стоит ли...

— Погоди. Инспектор хочет знать все... Брат продолжил эту семейную традицию, рассказывал сыну о нашем дяде Гедеоне, который в конце концов вырос в прямо-таки легендарную фигуру. Он служил превосходной темой для сказок на сон грядущий, и бог знает каких только приключений с ним не происходило. Само собой, он был сказочно богат, и когда однажды он вернется во Францию...

— Понятно... Он умер там, в Америке?

— В одной из больниц Кливленда. Тогда-то мы и узнали, что он служил гардеробщиком в ресторане. Было бы слишком жестоко рассказать мальчику об этом, так что легенда продолжала жить.

— Он верил?

На этот раз ответил Оливье:

— Мой брат полагал, что нет, что малыш раскусил правду, но просто не хотел портить игру. Я же всегда считал, что сын верил, и сейчас так считаю. Его товарищи по школе, например, давным-давно уже перестали ве-

рить в Деда Мороза, а для него старик с бородой все еще был живым.

Этот разговор о сыне оживил Оливье, превратил его совсем в другого человека.

— Но вот что касается записки, которую он оставил, я ничего не могу взять в толк. Я спросил консьержку, не приходила ли телеграмма. Я подумал сначала, что Андрэ решил пошутить, разыграть нас, но потом решил, что нет, здесь что-то другое. Какая же это шутка — заставить ребенка по морозу ни свет ни заря мчаться на вокзал. Само собой, я полетел на Аустерлицкий вокзал. Там я сначала обещал все закоулки, потом стал просто прохаживаться — все ждал, когда же он появится... Андрэ, ты уверен, что с ним...

Он взглянул на план улиц и на коммутатор. Он отлично знал, что сюда сообщают о каждом происшествии.

— Его еще не перехватили, — сказал Андрэ. — Около восьми часов он был в районе площади Звезды, но с тех пор мы полностью потеряли его след.

— У площади Звезды? Откуда ты знаешь?

— Долго рассказывать, но в двух словах дело вот в чем. Мы получили целую серию вызовов по тревоге — кто-то выбивал стекла на телефонных колонках. Эти колонки лежали на дуге, идущей от твоего дома к Триумфальной арке. У подножья самой последней колонки среди осколков стекла полиция нашла носовой платок в голубую клетку.

— У него есть такие...

— Начиная с восьми он не подал о себе никакой весты.

— Тогда я лучше вернусь на вокзал. Он обязательно придет туда, раз написал мне, чтобы я его там встретил...

Его удивило внезапное молчание, которым были встречены его последние слова. Он переводил взгляд с одного на другого в изумлении и тревоге:

— В чем дело?

Его брат смотрел в пол. Инспектор Сэлэр прочистил горло, поколебался немного, затем спросил:

— Вы заходили этой ночью к своей теще?

Смысл вопроса дошел до него не сразу. Пустыми глазами он смотрел на инспектора. Внезапно он резко повернулся к брату, румянец выступил на его щеках, глаза горели.

— Андрэ! Ты мог предположить, что я...

Без всякого перехода его раздражение внезапно улеглось. Он подался вперед на своем стуле, обхватил голову ладонями и разразился рыданиями.

Чувствуя себя неловко, инспектор Сэлэр глядел на Андрэ Лекера, удивляясь его спокойствию и, быть может, даже недоумевая перед лицом этого бессердечия. Возможно, у самого Сэлэра никогда не было брата. Андрэ знал характер Оливье с детства. И уже не в первый раз видел он этот срыв. В этот раз он даже испытывал нечто вроде облегчения, так как все могло быть значительно хуже. Он боялся как раз стадии крайнего раздражения и был рад, что она так быстро прошла. Если бы Оливье завелся, он здесь всех бы восстановил против себя.

Не так ли он терял и одну работу за другой? Неделями, целыми месяцами он бывал тише воды, ниже травы, мягкое, застенчивое существо, безропотно сносящее все унижения, пока однажды он не мог уже больше сдерживаться, и какой-нибудь пустяк, случайно оброненное слово, вздорное противоречие неожиданно воспламеняли его, обычно робкий, незаметный, он начинал вызывать всеобщее раздражение.

«Как же нам теперь быть?» — спрашивали глаза инспектора. В ответном взгляде Андрэ Лекера он прочел: «Ждать».

Ждать пришлось недолго. Оливье кинул угрюмый взгляд на инспектора, затем снова спрятал лицо в ладонях.

В конце концов с видом горькой покорности судьбе он выпрямился и сказал с ноткой гордости:

— Давайте ваши вопросы. Я на все отвечу.

— В котором часу ночи вы пришли к мадам Файе?.. Впрочем, минуточку. Прежде всего: во сколько вы ушли из дому?

— В восемь вечера, как обычно, когда Франсуа улегся спать. Мы вместе поужинали. Потом он помог мне вымыть посуду.

— Вы говорили с ним о рождении?

— Да. Я намекнул ему, что его ждет сюрприз.

— Настольный радиоприемник. Он давно его хотел?

— Очень давно. Понимаете, он ведь не играет на улице с другими мальчиками. Все сво-

¹ Biberon — соска (франц.).

бодное время он практически проводит дома.

— Вам никогда не приходило в голову, что мальчик мог узнать о том, что вы больше не работаете в «Ла Пресс»? Он вам когда-нибудь звонил туда?

— Никогда. В те часы, когда я был на работе, он спал.

— Ему никто не мог сказать о вашем увольнении?

— Никто не знал. Соседи, во всяком случае.

— Он наблюдателен?

— Очень. Он все замечает.

— Итак, вы увидели, что он уже лег, и затем ушли... Вы что-нибудь захватили с собой, я имею в виду — из еды?

Инспектор подумал об этом как-то вдруг, заметив, что Годэн вытащил бутерброд с ветчиной. Оливье беспомощно взглянул на свои руки:

— Взял свою жестянку.

— В которой вы брали на работу бутерброды?

— Да. Когда выходил, она у меня была. Я уверен. Я мог оставить ее... Впрочем, может быть, я оставил ее у...

— У мадам Файе?

— Да.

— Минуточку... Лекёр, соедините меня, пожалуйста, с набережной Жавель... Это вы, Жан-вье?.. Не попадалась ли вам там жестянка с бутербродами?.. Не попадалась. Вы уверены?.. Все равно, я хочу, чтобы вы просмотрели все еще раз... Позвоните тогда мне... Это важно... — Повернувшись к Оливье, он спросил: — Когда вы уходили, Франсуа и в самом деле спал?

— Нет. Но он уже улегся и скоро должен был заснуть... Когда я вышел на улицу, я еще подумал: уснул он или еще нет? Я пошел по направлению к Сене и постоял на набережной, дождался.

— Подождали? Чего именно?

— Пока Франсуа не заснет как следует. Из его комнаты видны окна мадам Файе.

— Значит, вы решили зайти к ней?

— Это был единственный выход. У меня не осталось ни гроша.

— А брат не мог вам помочь?

Оливье и Андрэ посмотрели друг на друга.

— Он мне уже столько давал... Я чувствовал, что не могу просить у него еще раз.

— Вы, как я понимаю, позволили внизу, в парадном... В каком часу?

— Чуть позже девяти. Консьержка меня видела. Я и не думал делать это тайком — только вот разве от Франсуа.

— Ваша теща уже легла?

— Нет. Встретила она меня словами: «А, это ты, негодяй!»

— И после такого начала вы все еще надеялись, что она даст вам денег?

— В этом я был уверен.

— Почему?

— Для нее это был бизнес. Она даст, подумал я, хотя бы из удовольствия наступить мне на горло, если я не смогу вернуть долг. Она дала мне десять тысяч франков, но долговое обязательство заставила подписать на целых двадцать тысяч.

— И когда вы обещали вернуть ей деньги?

— В течение десяти дней.

— Каким образом вы надеялись их раздобыть?

— Не знаю. Как-нибудь. Главное для меня было — чтобы у мальчика на рождество был праздник.

Андрэ Лекёра так и подмывало вмешаться и сказать изумленному инспектору: «Вот, пожалуйста! Он всегда так!»

— Она легко дала вам в долг?

— Да нет. Мы толковали об этом довольно долго.

— Сколько именно?

— С полчаса, должно быть, и все это время она меня честила, говорила, что я никому не нужен и разбил жизнь ее дочери, а потом еще вогнал ее в могилу! Я с ней не спорил. Мне слишком нужны были деньги.

— Вы ей не угрожали?

Оливье покраснел.

— Не то чтобы угрожал... Я сказал, что, если она мне не даст денег, я на себя руки наложу.

— И вы бы сделали это?

— Не думаю. По крайней мере... Нет, не знаю. Мне было тошно, и я очень устал.

— А когда она дала вам деньги?

— Я пошел пешком до ближайшего метро — Лурмель — и поехал к Пале-Рояль. Там я зашел в луврский универмаг. Народу было очень много, у прилавков стояли очереди.

— Во сколько это было?

— Я оттуда ушел уже после одиннадцати. Я не спешил... Поглядел по сторонам. Долго простоял, к примеру, возле игрушечной электрической железной дороги.

Андрэ не мог не улыбнуться инспектору.

— Вы не хватились своих бутербродов?

— Нет. Я все думал о Франсуа и о подарке.

— В кармане у вас были деньги, и вы забыли все свои заботы!

Инспектор не знал Оливье Лекёра с детства, как Андрэ, но сразу же раскусил его характер. Он попал в самую точку. Когда дала обстояли неважно, Оливье ходил, опустив плечи, словно побитый бродячий пес, но стоило тысячефранковой бумажке захрустеть в его кармане, как он начинал чувствовать себя владыкой мира.

— Возвращаясь к мадам Файе... вы сказали, что дали ей расписку... Что она с ней сделала?

— Уложила ее в старый бумажник, с которым она не расставалась, пряча его в кармане где-то под юбками.

— Значит, вы знали об этом бумажнике и раньше?

— Знал. О нем все знали.

Инспектор повернулся к Андрэ:

— Его не нашли? — И снова обратился к Оливье: — Вы сделали несколько покупок — все в Лувре?

— Нет. Радиоприемник я купил на Монмартре.

— В каком магазине?

— Я не знаю, как он называется. По соседству с обувным.

— А остальное?

— Чуть подальше.

— В каком часу вы купили все, что хотели?

— Около полуночи. Народ как раз валит из театров и кино и ломился в рестораны. Многие уже были навеселе.

— Что вы делали в остальное время?

— На углу бульвара Италия-цев есть кино, которое открыто всю ночь...

— Вам уже приходилось там бывать и раньше?

Избегая взгляда Андрэ, Оливье застенчиво признался:

— Два или три раза. В конце концов это стоит не дорожке, чем выпить чашечку кофе в кафе, а сидеть там можно сколько хочешь. Тепло и все такое... Некоторые постоянно ходят туда спать.

— Когда именно вы решили пойти в этот кинотеатр?

— Как только вышел от мадам Файе.

...Андрэ Лекёра так и подмывало снова вмешаться, чтобы сказать инспектору: «Вот видите, люди, с которыми жизнь обхо-

дится сурово, не так уж жалки. Иначе им не выжить. У них свой собственный мир, в темных углах которого они могут укрыться от невзгод и даже найти развлечение».

Это было так похоже на Оливье! С несколькими банкнотами в кармане — одно небо знало, как он собирался выплатить долг, — с несколькими банкнотами в кармане он позабыл все свои горести. Одна мысль сверлила ему голову: у мальчика должно быть настоящее рождество. И когда он этого добился, он разрешил и себе совсем немного радости.

— А когда вы ушли из кинотеатра?

— Часов около шести.

— Какой фильм они там показывали?

— «Пылающие сердца». И хроникальный — про эскимосов.

— Сколько же раз вам пришлось просмотреть эту программу?

— Два раза подряд, кроме журнала, который как раз начинался, когда я оттуда ушел.

Андрэ Лекёр знал, что все это будет проверено, хотя бы просто потому, что так полагается. Необходимости, однако, в этом не было. Порывшись в карманах, Оливье вытащил оторванную половинку билета в кино, а затем еще один билет розового цвета.

— Вот, посмотрите. Это билет метро, я купил его, когда возвращался домой.

На билете стояло название станции — «Опера», дата и час поездки.

Оливье говорил правду. Между пятью и половиной седьмого утра он не мог находиться в квартире мадам Файе.

В его глазах зажглось и промелькнуло выражение триумфа с оттенком презрения. Казалось, он говорил им всем, включая и брата Андрэ: «Меня заподозрили в убийстве только потому, что я беден и мне не везет в жизни. Я знаю: это в порядке вещей. И я вас не виню». Но странная вещь: в комнате внезапно стало словно бы холодней. Возможно, потому, что теперь, когда с Оливье Лекёра было снято подозрение, мысли каждого вернулись к мальчику. Словно повинувшись одному импульсу, глаза всех обратились к огромной карте Парижа на стене.

Окончание следует.

Сокращенный перевод
Е. КУБИЧЕВА

Г. ФЕДОРОВ: У выдающегося литовского живописца Чурлениса есть удивительная картина: человек, гордо подняв голову, золотистыми лучами, исходящими из его глаз, обшаривает Землю. Эта величественная аллегория Познания, мне кажется, может служить символом нынешней встречи в Кают-компании, хотя речь в ней пойдет о вещах конкретных и даже обыденных.

Сегодня в гостях у «Вокруг света» люди, которых можно назвать коллекционерами: один из них собирает якоря, другой — предметы одежды, третий коллекционирует фонари Ленинграда... Однако пол Кают-компании не завален изъеденными морской солью якорями с налипшими на них ракушками всех морей мира, на широком столе ее не уложены в музейном порядке снабженные соответствующими этикетками пояса, кафтаны, тоги, освещенные масляными, газовыми и электрическими фонарями. Ибо гости сегодняшней Кают-компании коллекционируют не сами вещи, а знания о них, их описания, восстанавливают их историю, изучают их во времени

и пространстве, их вчера, сегодня, завтра, на разных материках и океанах... И поэтому то, что они делают, имеет серьезное значение научного поиска.

Недаром к таким людям обращались и будут обращаться за справками, за необходимыми советами и архитекторы, заинтересованные в украшении родных городов, и модельеры, создающие новые образцы одежды, и историки различных специальностей, и моряки, и художники, а написанная одним из участников сегодняшней встречи, Львом Скрыгиним, книга «История якоря» — результат долгих лет его коллекционирования.

И кропотливый и подчас незаметный труд таких людей, которых с каждым днем становится все больше и больше, — это еще один луч, расширяющий во тьме неизвестности границы познания...

О ЯКОРЕ, ФОНАРИХ ЛЕНИНГРАДА И ПОЯСЕ ТИМУРА

Л. СКРЯГИН: Однажды — это было лет тридцать назад — в старом сундуке среди пепужного и забытого хлама я увидел якорь. Я рос в морской семье — и дед и отец мой были моряками — и уже в детстве испытывал уважение ко всему, что связано с морем, и мне стало обидно, что этот якорь, знакомый с непостижимыми глубинами и вольным ветром, завалился среди домашнего хлама.

Я не знал тогда, что якорь этот был не настоящим, что это была лишь модель...

На штоке якоря я увидел какие-то непонятные буквы. Не было ничего легче, чем узнать у отца, что означают они. Но это мне казалось слишком простым... Я придумывал сотни приключений, связанных с этим якорем, названия кораблей, которые он удерживал у берегов коралловых островов и причалов белых городов. По цепи, державшей именно этот якорь, Айртон взбирался на борт пиратского брига, чтобы спасти благородных жителей Таинственного острова...

Прошло десять лет — я вступил на палубу первого своего корабля, и наступил миг, когда я впервые увидел, как «по борту, разъеденному солью, вверх пополз широколапый якорь...» Настоящий. А в моей каюте лежал маленький бронзовый якорек с чеканными латинскими буквами на штоке...

С тех пор я повидал немало коралловых островов и пришвартовывался у причалов многих городов. И всегда со мной был мой якорь — как память о том, что привело меня к морю. Я плавал на разных судах. И каждый из них был для меня, как и для всякого моряка, частицей меня самого. Может быть, это сказано слишком выпендренно, но не я первый ска-

зал: «...Не найдется, я думаю, ни единого моряка, который когда-либо с проклятиями произнес бы название судна, хорошего или плохого. И если бы тяжкие невзгоды морской службы довели его до того, что он нечестиво поднял бы руку на свое судно, прикосновение это было бы, наверное, легко, как легка рука мужчины, когда он с безгрешной лаской касается любимой женщины». (Так писал один из самых преданных морю людей Земли — писатель и моряк Джозеф Конрад...) И я решил — я был слишком молод, чтобы понять сразу нехватность замысла, — создать энциклопедию корабля, собрать воедино все сведения о всех кораблях, когда-либо созданных человеком.

Понадобилось немного времени, чтобы понять бесплодность моих усилий... И тогда я решил собирать сведения о якорях, ибо уже знал, что по якорю можно увидеть и весь корабль, как в отпечатке следа видится охотнику весь зверь.

И первым в моей коллекции стал бронзовый якорь моего детства — модель якоря адмиралтейского типа с дубовым штоком. Такие якоря висели под крамболами фрегата «Паллада»...

С тех пор прошло почти двадцать лет. И все эти годы я старался узнать все, что можно знать о якорях.

Теперь я могу показать вам одно из самых древних (ему пять тысяч лет) изображений якоря, найденное на стене египетского храма, — камень с просверленным отверстием для крепления веревки; фотографию похожего на него каменного якоря, но найденного на другом конце земли, в Карелии, советским археологом А. Я. Брюсовым; рисунки якорей боевых галер Александра Македонского и увеселительной яхты древнеримского императора Калигулы; снимки древнерусских железных якорей, о которых говорилось еще в «Повести временных лет», и якорей норманнских ладей. И мне не нужно теперь придумывать, как прежде, истории, связанные с ними, — их за меня придумала действительность и сохранила память человечества.

Долгое время археологи, исследующие побережье Средиземного моря, находили в большом количестве оловянные и свинцовые бруски, отлитые еще мастерами древнего Рима. И это было загадочно: в то время олово считалось огромной ценностью — как же эти бруски очутились на дне моря?

И вот в 1929 году кладовщик, в поисках сокровищ осушившие озеро вблизи Рима, обнаружили остатки галер, построенных в 40-х годах нашей эры. Об этом узнали археологи и провели тщательное исследование. Рядом с обломками кораблей были найдены два якоря. И у одного из них шток был отлит из... олова. Зачем древним кораблям надо было тратить драгоценный металл на якоря? Пока это можно объяснить лишь тем, что крепились якоря не тяжелой железной цепью, а сравнительно легким канатом, который и не провисал и не создавал горизонтального натяжения, необходимого для того, чтобы рога якоря не отрывались от грунта. И именно поэтому верхнюю часть якорного веретена и заливали для тяжести драгоценным оловом и свинцом... Но

если это так, то тогда, выходит, сомнительна историческая легенда, приписывающая изобретение якорной металлической цепи еще Александру Македонскому (в древних источниках существует описание того, как во время осады финикийского города Тира ныряльщики Александра разрушили подводные заграждения финикийцев, которые в отместку ночью перерезали под водой якорные канаты македонян, — и тогда Александр приказал заменить их железными цепями). Вряд ли римляне, многое перенимавшие у эллинов, не воспользовались столь ценным изобретением — ведь первое упоминание о якорной цепи у римлян относится лишь к середине первого века нашей эры.

Как бы там ни было, но один тот факт, что на якорь не жалели металла, расценивающегося чуть ли не на вес золота, говорит о том, какое важное значение придавали ему мореходы древности.

И так было всегда. Якорь всегда был символом дальних плаваний и надежд моряка.

Надежд, которые иногда обрывались вместе с якорной цепью. Отчеты английского адмиралтейства XVIII — начала XIX века свидетельствуют, что из-за низкого качества и неудовлетворительной конструкции якорей не менее пятидесяти кораблей погибло на отмелях во время каждого шторма. В ночь с 26 на 27 ноября 1703 года 13 английских кораблей — гордость английского флота — стояли на якорной стоянке севернее Дувра. Неожиданно налетел шторм — и ударов его не выдержал ни один якорь эскадры... В прибрежных отмелях, на которые выбросило корабли, погибло около трех тысяч моряков. В 1709 году в Северном море на мели погиб тридцатидвухпушечный фрегат «Люгин», якоря которого тоже не смогли противостоять шторму. Из всей команды фрегата чудом спасся лишь один человек...

В то время любой моряк, наверное, знал латинскую поговорку: «Во время бури, мореплаватель, бойся земли!»

...А на штоке моего первого якоря написано латини: «Поднимай священный якорь». «Священным» древние мореходы Рима называли самый большой и надежный якорь корабля...

А. ИВАНОВ: Каждый раз, когда после долгого плавания я возвращался в родной Ленинград, то мог без конца бродить по улицам, набережным, впитывая в себя ленинградский воздух, ленинградский свет, запоминая линии ленинградских домов и дворов, чтобы унести все это в себе до нового свидания. Я фотографировал все, что, как казалось мне, особенно четко выражает «характер» моего города: здания, мосты, парки, решетки оград, вывески, тумбы, афишные доски.

...И фонари...

С этого все и началось. Однажды летом 1953 года я сфотографировал фонарь, висевший над Итальянским мостиком на канале Грибоедова, и мне захотелось узнать: а кто автор этого фонаря? Кто и когда его отлил и на каком заводе? Мне захотелось открыть в моем городе новую, незнакомую до того мне сторону его биографии.

В поисках ответа я перерыл каталоги едва ли не всех библиотек Ленинграда. И не нашел ни в одной книге ответа. Я охотился за любым упоминанием о ленинградском фонаре, начиная от художественных описаний (помните блоковское: «Ночь, улица,

фонарь, аптека...») до изучения покрытого архаичной пылью счета ламповщика, зажигавшего масляный фонарь в Петербурге XVIII века.

Я узнал, что первые в мире уличные фонари появились лишь в 1667 году в Париже, что первый российский уличный фонарь зажегся в Петербурге, и к 1723 году в столице было уже 595 фонарей, стоимость которых была столь огромна, что за стекло одного фонаря можно было купить стадо коров.

...Я как бы увидел эти масляные фонари в туманной черноте Санкт-Петербургской ночи — деревянный столб с толстым стеклянным шаром наверху, внутри которого едва колыхнется желтый огонь бушующего фитиля. Сто с лишним лет продолжалось такое освещение. Пушкин и Гоголь его застали. «Далее, ради бога, далее от фонаря! И скорее, сколько можно скорее, проходите мимо! — восклицал Гоголь в «Невском проспекте». — Это счастье еще, если отделаетесь тем, что он залетит щегольской сюртук ваш вонючим своим маслом».

Я словно бы ехал на извозчике сквозь тьму Петербурга, присутствовал вместе с городскими зеваками и на площади Островского в 1879 году при чуде, которое сотворил Яблочков, в один миг зажегший множество ярких невиданных огней... А вместе с Поповым (будущим изобретателем радио) и другими энтузиастами-инженерами, во что бы то ни стало хотевшими залить светом город, я строил на барже электростанцию (ее предполагали строить возле Казанского собора, но духовенство наложило запрет)...

Я узнал, что начиная с 1820 года, когда инженер Базен отлил первые чугунные фонари, они перестали быть просто светильниками и стали архитектурной деталью. И как любой другой элемент архитектуры, они несут на себе отпечаток стиля и времени, индивидуальности их создателя.

Взгляните на изящные, строгие, украшенные символами воинской славы фонари на Садовом мостике через Лебяжью канавку или у Кировского моста, и, еще не зная, что они отлиты по проекту Росси, вы догадаетесь — их, несомненно, родило то время, когда создавались такие архитектурные шедевры Петербурга, как Адмиралтейство, ансамбль Александринского театра или бывшие Павловские казармы — сооружения, создавшие целую эпоху в искусстве так называемого высокого классицизма. А как не похожи на них монументальные столбы Монферрана, что на мосту лейтенанта Шмидта, словно перекликающиеся с величественным, уходящим в небо куполом Исаакиевского собора и его торжественными колоннами. А вот...

Впрочем, мой вам совет — пройдите сами по улицам моего города и посмотрите, как над зыбкой водой, или у старинных колоннад, или на неприемном городском углу висит это маленькое чудо архитектуры, как играет закатный свет на их стеклах, как раскачиваются они ветренными ленинградскими утрами, как ногами перебивается в стеклах их светильников мокрая ленинградская мостовая...

И мне кажется: изучение ленинградских фонарей в принципе должно вырасти за пределы коллекционирования сведений о них. Ведь одно то, что они — неотъемлемый и такой неповторимый штрих облика одного из самых красивых городов Земли, таит в себе неисчерпаемые возможности для исследования историков, искусствоведов, архитекторов.

А ведь за четырнадцать лет поисков я нашел

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

НАШ СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ ВЕДЕТ РЕПОРТАЖ С БОРТА ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ.

**«НАС ВОДИЛА МОЛОДОСТЬ В САБЕЛЬНЫЙ ПОХОД...» — В «КАЮТ-КОМПАНИИ»
«ВОКРУГ СВЕТА» УЧАСТНИКИ ЛЕГЕНДАРНОЙ ОПЕРАЦИИ ВЗЯТИЯ МАЙКОПА.**

О ГОРОДЕ, КОТОРЫЙ НЕ ЗНАЕТ, ЧЬЕ ИМЯ ОН НОСИТ, О МАТЕРИ ВСЕХ БРАЗИЛЬСКИХ ГОРОДОВ — БАЙЕ — ОЧЕРК ГУГО ЛЕЧЕРА.

только одну (одну!) тощенькую брошюру об уличных фонарях, выпущенную в начале века.

...И может быть, кому-нибудь удастся все же ответить на вопрос: когда и кем были поставлены фонари на канале Грибоедова у Итальянского мостика? Я так и не узнал этого...

Г. ФИЛАНОВСКИЙ: Задумывались ли вы над известным историческим анекдотом?

«Однажды владыка государства спросил у заезжего трубадура: сколько, по-твоему, я стою?

— Три тысячи золотых, — ответил тот.

— Но ведь три тысячи золотых, — возмутился правитель, — это цена одетого на мне пояса!

— Это я и имел в виду, — поклонился поэт...»

В другом варианте этот диалог вели Ходжа Насреддин и Тимур, в третьем — чужеземный купец с царицей Савской, в четвертом...

Откуда такая живучесть этого анекдота на протяжении столетий и, главное, почему меняются действующие лица, но остается неизменным пояс?

Потому что этот пояс не плод фантазии рассказчика, а отражение целого пласта истории.

Сегодня, подпоясываясь, мы не придаем этому нехитрому занятию никакого торжественного значения. С точки зрения древних, мы поступаем странно. Вызывающе даже. Ведь пояс был своеобразной визитной карточкой человека. «Все мое ношу с собой», — гласит древняя поговорка. Воин носил на поясе меч, пищик — перья, казначей — ключи, купец прятал в пояс свои монеты...

Пояс был символом общественного положения человека, знаком богатства и достоинства. И если бы во времена фараонов льняным поясом, да еще золототканым, подпоясался простой пастух — это было бы потрясением основ. Так постепенно почти у всех народов, в одежде которых был пояс, правило ношения поясов оказалось регламентировано жестко и четко. И если путешественник на улице древнеиндийского города встречал человека, подпоясанного тетиной лука, то для него было ясно, что перед ним представитель низшей касты. А пояс, сплетенный из сахарного тростника, безошибочно выдавал брамина. На арабском востоке не надо было спрашивать — достиг ли подросток совершеннолетия или нет — следовало лишь посмотреть, подпоясан ли он. Если на нем пояс верблюжьей шерсти, значит ему больше пятнадцати лет и он уже несет ответственность за свои поступки.

В писанной в 1328 году духовной грамоте Ивана

Калиты пояс упоминается как одно из главных богатств: «А из золота дал есмь сыну своему Ивану (Красному): чеп золоты, пояс больший с жемчугом, с камнем, пояс золот с капторгами, пояс сердоличен золотом окован». И пояс был не только богатством, но и символом отцовского благословения. Известно, что Иван Красный, передавая пояс, полученный от Ивана Калиты, своему сыну Дмитрию (Донскому), говорил: «Пояс великий золот с камнем, с жемчугом, что мя благословил отец мой князь Великий».

А сколько может дать изучение одежды для выяснения торгово-экономических, культурных, политических связей тех или иных народов! Ведь по тому, как в древних рукописях описана та или иная вещь, можно составить представление не только о быте и нравах той эпохи, но и экономическом состоянии общества.

Владелец мелкого удельного княжества — например, Верейского, Дмитровского или Вологодского — «всякому предмету находил место и наследника». И поэтому в описях и духовных завещаниях мы найдем упоминание не только о драгоценных камнях, но и о «портах» или «иной рухляди», то есть предметах одежды. Например, летописец с гордостью пишет о том, что братья Дмитровского удельного князя возвратились из похода на Новгород — «вельми ополнившись, и люди их серебром и конми, и порты...» Но вот уже Иван III вместо подробного перечисления своего имущества, завещаемого наследникам, составил лишь опись запечатанных «ларцев», куда были сложены вещи: «и яз что дал сыну своему Юрью своей казны, и то если поклял в ларцы...» И из этого краткого упоминания встает перед нами уже не захолустная княжеская усадьба, а богатый великокняжеский двор, соответствующий ноному высокому положению Московского княжества в Европе.

Ведь не случайно известный русский этнограф Г. С. Маслова предварила свое интереснейшее исследование о народной одежде русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX века словами о том, что одежда теснейшим образом связана с историей народа, помогает осветить пути развития материальной культуры русских, украинцев и белорусов, выявить общие черты в одежде этих народов, связанных общностью происхождения и близостью исторических судеб...

...Безмолвны окружающие нас вещи, но в каждой из них частица истории.

Записали Д. БИЛЕНКИН, В. ЛЕВИН, Т. ЧЕХОВСКАЯ

В. В. ДОБРОНРАВОВ,
доктор физико-математических наук,
профессор

За последние двадцать лет участились сообщения, идущие главным образом из США, о загадочных летающих объектах, наблюдавшихся и днем и ночью. Объекты эти имели округлые формы — дискообразную, шарообразную, эллипсоидную (отсюда бытующее название «летающие тарелки»). Они появлялись и в одиночку и группами, обладали свечением, иногда разноцветным. Возникла необходимость объяснения всех таких явлений, названных неопознанными летающими объектами (НЛО).

Ученые разделились на две группы: одни объясняют НЛО как ошибочно истолкованные метеорологические и астрономические явления. Другие считают возможным допустить появление у Земли космических летательных аппаратов, прибывших с целью исследования с иных планет солнечной системы, а может быть, и из других звездных систем.

Мензел — один из авторов публикуемых здесь статей — соглашается с тем, что в звездных системах вселенной могут быть планеты, населенные разумными обитателями (сейчас практически это точка зрения всей мировой науки). Однако Мензел считает, что НЛО не имеет к этому никакого отношения. Автор вообще не убежден, что в явлениях НЛО заключено нечто принципиально новое.

Мак-Дональд, критикуя эту позицию своего коллеги, допускает возможность посещения Земли инопланетными зондами, ведущими наблюдения за нашей планетой. Более того, он полагает, что разумней

Д. Мензел: ЯВЛЕНИЕ ПРИРОДЫ

Д. Мак-Дональд: ИНОПЛАНЕТНЫЕ ЗОНДЫ

В. Добронравов: ИСКАТЬ ИСТИНУ

принять именно эту гипотезу. Читатель, однако, легко заметит, что свое утверждение Мак-Дональд аргументирует слабо. Он и не скрывает этого. Доказывая возможность межзвездных полетов разумных обитателей других миров, он, например, пишет: «Разумеется, этот довод легковесный. Я, конечно, в своей ежедневной работе не прибегаю к таким доводам...» Таким образом, перед нами не столько научная гипотеза, опирающаяся на сумму точно выверенных фактов и стройную систему доказательств, сколько личное мнение ученого о принципиальной возможности инопланетных посещений Земли.

Слабость же позиции Мензела в другом. Двести лет назад наука не могла объяснить феномен «падающих звезд» — метеоритов. Сто лет назад — феномен появления комет. До сих пор нам достоверно не известна природа, например, шаровых молний и дальних mirажей. Вообще было бы неоправданной смелостью заявить, что в атмосфере, а тем более в ближнем космосе, нами «все познано» и открывать там больше нечего. Разумеется, это далеко не так, и не удивительно, что в своих книгах Мензел все же кое-где смягчает категоричность своих утверждений. Конечно, попытка отождествления вновь наблюдаемых явлений с уже известными естественна

для науки. Прежде чем объявить факт необъяснимым с позиций уже известных знаний, логично проверить сначала, не является ли он все же чем-то уже знакомым и просто неузнанным в силу тех или иных обстоятельств. Правда, здесь тоже есть риск впасть в крайность и «с водой выплеснуть ребенка».

Но на проблему следует взглянуть и с другой стороны. Блестящие успехи последнего десятилетия в освоении космоса заметно приблизили время полета человека на другие планеты. Президент Академии наук СССР М. В. Келдыш с полным основанием сказал недавно, что «вскоре человек высадится на планеты солнечной системы; ареной его деятельности станет не только Земля, но и другие планеты, необъятные просторы космического пространства». А в мечтах люди уже летят к звездам. Техническое осуществление межзвездного перелета сейчас нам кажется делом невероятно трудным, почти фантастическим — слишком серьезны препятствия к этому, но можно твердо быть уверенным в том, что в будущем человечество попытается достичь хотя бы ближайших звезд. Может быть, все окажется даже легче, чем это сейчас нам представляется: полвека назад полет советского корабля к Венере тоже не укладывался в технические возможности человечества. Но

если разумное человечество стремится сейчас исследовать другие планеты, даже в других звездных системах, то почему нас должно удивлять предположение, что иная цивилизация вселенной, быть может, уже осуществляет то же самое? Для этого нет никаких оснований, и здесь Мак-Дональд безусловно прав.

Вот почему при исследовании НЛО нельзя заранее отметить ни одно из возможных объяснений — шоры еще никогда и никому не помогли найти истину. А искать истину в проблеме НЛО следует так, как ее наука ищет во всех других неясных случаях: спокойно, объективно, без сенсационной шумихи, трезво взвешивая все «за» и «против», накапливая фактический материал, пытаясь моделировать явление, строя необходимые гипотезы. Иного пути нет.

Д. МЕНЗЕЛ,
профессор астрономии
Гарвардского университета (США)

«**Л**етающие блюдца» — отнюдь не новое явление. На протяжении столетий встречаются сообщения о загадочных небесных объектах, наблюдавшихся днем и ночью. В 1590 году сам сатана во всем своем блеске перелетел через Темзу и открылся многим достойным доверия свидетелям. В 1646 году обитателям Голландии и других стран Западной Европы была явлена битва в небесах.

В сравнении с прежними драматическими появлениями нынешняя глава о «летающих блюдах» началась почти прозаически. 24 июня 1947 года Кеннет Арнольд, летевший в частном самолете, заметил нечто, принятое им за строй непонятных летающих аппаратов. Он различил 9 дискообразных предметов. Они были «плоские, как сковородки, и такие блестящие, что отражали солнце, как зеркало».

По той или другой причине необычайный характер этого сообщения понравился публике. Вскоре по всей территории США люди стали смотреть в небо

и видеть «летающие блюдца». Эти «блюдца» летали днем и ночью. Некоторые из них светились, другие были темными. Некоторые мчались невероятно быстро, другие плыли медленно или парили в воздухе. Некоторые были бесшумными, другие издавали звук. Судя по сообщениям, некоторые из «блюдеч» посылали какое-то таинственное излучение, могущее вызывать радиопомехи, нарушить действие компаса и остановить автомобиль.

7 января 1948 года из многих мест в Кентукки поступили сообщения о «летающем блюде», видимом с Земли. Его форму описывали то как дискообразную, то как каплевидную, то как похожую на парашют, то как конусообразную. День склонялся к вечеру. На авиабазу Годмен возвращались, летя с юга, 4 самолета типа Р-51. Оператор башни сообщил ведущему группы, капитану Мантеллу, что нужна его помощь в наблюдении за якобы виденным объектом. Капитан Мантелл согласился и пошел на подъем, чтобы лучше видеть. Чуть позднее Мантелл извещал башню, что видит объект, движущийся со вдвое меньшей, чем у него, скоростью. Он описывал этот объект как металлический, возможно — как отражение солнца от металлического предмета. Он приписывал ему огромные размеры и заявил, что хочет подняться до 20 000 футов. Наконец он поднялся до 25 000 футов, но известий от него больше не было. Через час были найдены обломки его самолета...

Слухов распространилось множество. Один из слухов был тот, что «блюде» оказалось враждебным и стреляло в Мантелла, изрешетив его пулями. Однако ничего такого не было. Выяснилось, что Мантелл попросту забрался слишком высоко без кислородного прибора, потерял сознание, а его самолет, лишившись управления, упал и разбился.

Управление ВВС долго не могло разгадать тайну

Статьи Д. Мензела и Д. Мак-Дональда печатаются в сокращении: полностью они будут опубликованы в дискуссионном разделе сборника «Населенный космос», выходящего под редакцией академика В. П. Константинова в издательстве «Наука».

этой встречи. Разгадка же заключалась в секретном эксперименте ВМФ — так называемой «Операции Скайхук». Она предусматривала сооружение гигантских воздушных шаров с очень тонкой пластиковой оболочкой. Эти легкие пластиковые шары могут подниматься на высоту 30 000 метров и более, неся научные инструменты для самых различных опытов. Именно один из таких шаров и был принят за «летающее блюдце». Капитан Мантелл поддался оптическому обману, знакомому многим из нас. Луна или любой другой отдаленный объект кажутся летящими с большой скоростью, если наблюдать их с быстро движущегося самолета или автомобиля. Крупные воздушные шары и даже метеорологические шары меньших размеров часто вводили в заблуждение даже опытных летчиков, принимавших их за что-нибудь другое, включая «летающие блюдца».

Ниже я покажу, что за «летающие блюдца» могут быть приняты многие другие явления. Самое это разнобразие запутывало исследователей.

В июле 1952 года были сообщения о необычайной и интригующей деятельности «блюдец»: радар сообщил о вторжении «блюдец» в район Вашингтона. На экранах радаров их видели сотнями, и около полуночи 19 июля почти возникла паника, когда радар отметил 7 неизвестных объектов над Вашингтонским национальным аэропортом. Реактивные самолеты, посланные туда, не нашли ничего. Эксперты быстро обнаружили причину. В течение всего июля восточное побережье страдало от засухи и зноя. Поэтому близ почвы возник слой горячего воздуха. Ночью же почва быстро остывала, излучая тепло, и воздух около нее тоже охлаждался. В результате температура воздуха в направлении снизу вверх нарастала, пока не достигала максимума, а после того снижалась нормальным образом. Такая «температурная инверсия», как называют ее ученые, преломляет оптические и радарные волны, отклоняя их книзу. Радарные импульсы, посылаемые в небо, возвращались при этом к Земле. Аналогично этому отклонялись и световые лучи, давая эффект, известный под названием миража. При этом яркие огни, находящиеся на уровне почвы, поднимались настолько, что казались находящимися в небесах.

Хотя специалистам известно это явление, которое называется «ангел-эх», не все операторы радаров знакомы с ним. Поэтому многие отклоняли это естественное объяснение, предпочитая думать, что в небо над Вашингтоном вторгся целый флот быстро движущихся невидимых «блюдец».

Напряжение нарастало. Появлялись и другие сообщения, вершиной которых было наблюдение яркого оранжевого объекта, парившего низко над восточным горизонтом 10 октября 1952 года, около 10 часов вечера. Наблюдатели на одной из баз ВВС в штате Мэн смотрели на объект в теодолит и увидели, что он похож на оранжевый диск, сопровождаемый четырьмя мерцающими зелеными огоньками, по два с каждой стороны. Наблюдатели сообщили об этом на другую базу, miles в 20 к северу, прося ее проверить объект. Там тоже нацелили теодолит, и обе группы наблюдателей измерили высоту и направление медленно движущегося «блюдца». Свои данные они послали в исследовательскую группу ВВС.

Расчеты высоты и расстояния, основанные на обоих наблюдениях, показали, что неизвестный объект находится в 160 miles от поверхности Земли и в 80 miles от побережья Мэна, что он имеет огромные размеры и движется с большой скоростью. Это было самым ясным доказательством инопланетного происхождения таких объектов. Управление ВВС тотчас же засекретило эти наблюдения. Оно отказалось принять объяснение своего научного консультанта, быстро опознавшего в объекте планету Юпитер, который взшел в 6.03 вечера и к 10 часам был самым ярким объектом в восточной части неба.

Правительство созвало совещание ведущих ученых, дабы расследовать это наблюдение и многие другие, считавшиеся среди сторонников инопланетной теории наиболее убедительными доказательствами.

Совещание быстро справилось с наблюдениями Мэнской базы. Сделанные там измерения ясно ука-

зывали на планету Юпитер. Поправка, внесенная в наблюдения другой базы, тоже указала на Юпитер. Очевидно, вторая база неправильно определила положение севера.

Совещание рассмотрело другие случаи и отвергло точку зрения, будто «летающие блюдца» являются из космоса. По его заключению, все факты говорят о том, что мнимые «летающие блюдца» являются неверно истолкованными природными явлениями.

Когда в очень спокойном воздухе витают тонкие ледяные кристаллы, то отражение от них дает в небе блестящие пятна, находящиеся словно на некотором расстоянии от Солнца. Иногда такое пятно окрашено с одной стороны в теплый красноватый цвет, что наводит некоторых наблюдателей на мысль о реактивном двигателе. Но это явление хорошо знакомо метеорологам, которые называют его «ложным солнцем». Иногда оно бывает таким же ярким, как и настоящее. И оно может двигаться. Но его движение мнимое: оно вызывается движением самого наблюдателя.

Причиной многих других сообщений о «летающих блюдах» являются яркие метеориты, пролетающие по небу. Так, загадочные зеленые огненные шары, наблюдавшиеся в юго-западной части США и внушившие такую тревогу Управлению ВВС и другим властям, оказались обычными метеоритами, быть может, с повышенным содержанием магния.

Время не позволяет мне входить в подробности относительно многих сотен тысяч случаев, хранящихся в картотеке ВВС. Некоторые сообщения о «блюдах» обусловлены запуском ракет и космических зондов. Другими причинами наблюдений бывают отражения света от таких предметов, как самолеты, птицы и клочья паутины.

Многие существа кажутся ночью светящимися. Совы и летучие мыши могут быть покрыты порошком плесени, той, что вызывает свечение гнилушек в темноте. Один яркий огонек, беспорядочные движения которого в поле зрения наблюдали опытные летчики — штурман и его напарник, — оказался всего лишь светлячком, случайно попавшим между стеклами двойного ветрового щитка.

Есть, конечно, и немало случаев мистификаций.

Есть пресловутый фотоснимок «летающего блюда» над островом Тринидад у берегов Бразилии, сделанный 21 февраля 1958 года. Широко разрекламированный «блюдецниками» по всему миру, он оказался лишь остроумной мистификацией, а ее автором — один хитрый фотограф с добровольными помощниками.

В заключение я хочу подчеркнуть, что основываю свои выводы относительно значения «летающих блюдец» на самих наблюдениях. Но сторонники космического происхождения «блюдец» пытаются возразить мне примерно так: почему Земля должна быть единственным миром в космосе, на котором существует жизнь? Может быть, разумные существа живут на Венере, Марсе, Луне или на какой-нибудь планете отдаленной звездной системы? Может быть, они ушли в науке дальше, чем мы? Так как звезда во вселенной очень много и вокруг многих из них могут иметься планеты, то я вполне уверен, что на какой-нибудь из них действительно могут жить разумные существа, даже более разумные, чем мы. Я думаю, что факты говорят против наличия высоко развитых существ на планетах нашей солнечной системы, но дело не в этом. Я настаиваю, что этот спор не имеет ничего общего с «летающими блюдами» в прошлом или настоящем.

Среди ученых есть один, много писавший и говоривший публично о неопознанных летающих объектах и наверняка наблюдавший множество случаев, но не убежденный, что в проблеме НЛО заключено что-либо интересное для науки. Я говорю о докторе Дональде Мензеле. Доктор Мензел опубликовал две книги о НЛО; обе они направлены к тому, чтобы объяснить НЛО главным образом как ошибочно истолкованные метеорологические и астрономические явления. Эти книги, особенно последняя из них, очень меня озадачили.

Мое недоумение проистекает из того, что опытность доктора Мензела в физике и астрономии подтверждается множеством принадлежащих ему текстов и ссылок в этих областях. Несмотря на такой солидный научный фон, в своем анализе сообщений о НЛО он словно отбрасывает все хорошо известные научные принципы и делает это почти безоглядно, стараясь только убедить себя и других, что ни один случай НЛО не выдержит его нападений. Например, интересное наблюдение сделал в августе 1949 года астроном доктор Клайд Томбо, видевший вместе с двумя членами своего семейства загадочную флотилию бледных огней, промчавшуюся через зенит в Лас-Крусес (Нью-Мексико) и исчезающую на юго-востоке. Мензел небрежно объясняет этот случай «отражением наземных огней на границе с инверсионным слоем в воздухе». Ту подробность, что огни в небе мчались быстро, сохраняя правильный строй, Мензел объясняет предположением, что «в тонком слое дымки образовалась складка». То есть «эта складка, наклоняя слой дымки под небольшим углом, могла отразить освещенные окна дома; по мере ее продвижения по слою, наподобие волны, двигались и световые прямоугольники». Так вот, это могло бы сойти с профаном; но для каждого, кто хоть сколько-нибудь знаком с физикой отражения света и, в частности, со свойствами атмосферы, предположение о «слоях дымки», якобы обладающих таким высоким показателем преломления, что они могут дать видимое отражение света из окон, является попросту абсурдом.

Можно привести множество подобных примеров небрежности в рассуждениях, отсутствия проверки метеорологических данных и игнорирования важнейших подробностей в сообщениях. Он говорит об «анормальной погоде» и о сильной электрической активности близ Левелленда, Техас, в ночь на 3 ноября 1957 года, когда десять независимых друг от друга очевидцев наблюдали в течение двух часов большой светящийся яйцевидный объект, паривший над полями или дорогами и останавливавший моторы у восьми или девяти автомобилей. Заявив, без всяких доказательств, что в этом районе были сильные грозы, Мензел утверждает, что объекты, длину которых различные свидетели оценивали в 100—200 футов, были попросту шаровыми молниями. А автомобили останавливались потому, что у них отсырело зажигание.

Тот факт, что моторы автомобилей заработали снова, как только объект ушел, конечно, совершенно несовместим с отсыревшим зажиганием; но эту подробность сообщения Мензел игнорирует. Больше того: он игнорирует и подлинные метеорологические данные для этого места и времени. Я раскопал метеорологические карты и сведения об осадках. Над Техасом двигалась к югу обширная область высокого давления, совершенно неспособная никакой грозовой активности, а проверка сведений на полуострове соседних метеостанций показала, что в этот период не было никаких дождей.

Я без труда мог бы продолжать и привести множество специфических возражений против методики Мензела в объяснении наблюдений НЛО, но и приведенного выше должно быть достаточно.

Недавно в атаку на НЛО, имеющую много общего с подходом доктора Мензела, кинулся еще один ученый. В то время как Мензел считает наилучшим объяснением для подавляющего большинства сообщений о НЛО оптические явления, Филипп Дж. Класс, сотрудник журнала «Авиэйшн унк», пытается доказать, что, в сущности, все эти сообщения можно объяснить феноменами плазмы, связанными с коронными разрядами на линиях высокого напряжения или в шаровых молниях. Как и Мензел, он старается обойтись без количественных соображений. Как и Мензел, он бесечно игнорирует многие важные подробности в сообщениях лиц, видевших НЛО, или бесечно искажает их в угоду своим толкованиям. Наконец, я думаю, он игнорирует большую часть того, что нам известно о шаровых молниях. Конечно, это не исключает возможности, что некоторые из тысяч наблюдавшихся НЛО действительно были коронными явлениями или шаровыми молниями; но усилия Класса объяснить всю проблему явлениями плазменного типа нельзя принимать всерьез.

Я не знаю ни одного специалиста по атмосфере, который относился бы серьезно к усилиям Класса втиснуть все сообщения о НЛО в ящик с пометкой: «Корона и шаровые молнии». Однако в последнее время многие журналы и газеты поддались его аргументации. Об этом можно только пожалеть, так как это еще больше запутывает подлинные выводы.

Нельзя дать удовлетворительную картину имеющихся сейчас сведений о НЛО, не рассказав возможно подробнее о многих случаях, не обсудив надежности очевидцев и не перебрав, с точки зрения их вероятности, множества различных гипотез для объяснения каждого данного случая.

Далее профессор Мак-Дональд приводит описание ряда случаев появления НЛО, изучением которых он занимался лично. Вот типичный образец случая, приводимого Мак-Дональдом в качестве доказательства, что НЛО не могут быть подведены под категорию уже известных явлений природы.

ГУДЛЕНД, КАНЗАС, 8 МАРТА 1967 ГОДА

Я беседовал с Томом Дрилингом, редактором гудлендской газеты «Дейли ньюс», и с патрульным Д. Роузом относительно их совместного наблюдения торпедообразного объекта, маневрировавшего над городком. Роуз наблюдал объект (быть может, группу объектов) в течение некоторого времени, прежде чем Дрилинг присоединился к нему около 2.00. Объект отличался мигающими разноцветными огнями и очень яркими лучами по обоим концам своего корпуса длиной 50—60 футов. Этот объект не относится к категории бесшумных НЛО: он издавал звук, по словам Дрилинга, похожий на «шум большого пылесоса», причем свидетель никогда не слышал такого звука от обычных самолетов или вертолетов. Объект прошел над домом Дрилинга на высоте примерно 1500 футов. С помощью полевого бинокля Роуз увидел на нем такие подробности, как центральную вертикальную трубу с красным огнем наверху и странную полосатую раскраску. Я не встречал официальных объяснений этого случая.

Основываясь на тщательном исследовании проблемы НЛО, — продолжает Мак-Дональд, — я полагаю, что самого пристального научного внимания заслуживает гипотеза инопланетного происхождения НЛО.

на стр. 77 ►

В ЭВЕРГЛЕЙДС, НА «БОЛОТНОЙ ОЛИМПИАДЕ»

Молва гласит: не один лихой молодец сложил в давние времена свою голову, пробираясь к сердцу национального парка Эверглейдс, что на самом юге Флориды. Кажется, топи этого тропического заповедника, занимающие десять тысяч квадратных километров, взялись доказать человеку, что против них он бессилен.

Теперь добраться проще. Тем более не стоит жа-

очередь скорость и маневренность. Фантазия и смекалка у них отличная: на свои колымаги «бродяги» ставят моторы с гоночных автомобилей-болидов (не менее 600 лошадиных сил), колеса от самолетов, кузова и детали от старых автомашин. Конструкторы утверждают, что вездеходы обладают высокой проходимостью не только в болотах, но и в зыбучих песках.

Дважды в год, в феврале и октябре, владельцы болотоходов собираются у своего «трека»: специально прорытой 1600-метровой канавы в форме восьмерки. Машины соревнуются по классам, устанавливаемым в зависимости от веса, числа ведущих колес, мощности мотора. Бешеные колымаги летят к финишу со страшным треском, поднимая облака грязных брызг. Если они сталкиваются, ломаются или вдруг начинают тонуть, зрители с удовольствием прыгают в грязь и спасают машины своих любимцев.

Вот за тридцать метров до финиша вездеход бра-

леть ни труда, ни времени, чтобы попасть в городок Нейплс — там увидишь зрелище, которое нигде больше посмотреть не доведется.

...По болоту в фонтане брызг и в адском грохоте мчится какая-то непонятная конструкция. Видно лишь на высоко поднятом сиденье водителя, отчаянно крутящего руль.

«Болотные бродяги», как называют этих лихих водителей, говорят, что их интересует в первую очередь проходимость, вездехода, а уж во вторую

тьев Джонс потерял переднее колесо. Может, это судьба наказала их за вызывающее название, которым они нарекли свой болотоход, — «Double trouble» (что примерно можно перевести как «Тридцать три несчастья»). Чемпионом «болотной олимпиады» города Нейплс, а заодно и чемпионом мира — ведь соревнования эти единственные в мире — в прошлом году стал некий Дэнни Файперс. Весь город, то есть шесть с половиной тысяч жителей, восторженно приветствовал своего кумира.

ПА-ДЕ-ДЕ НА ВОЛНЕ

Конечно, встать вдвоем на одну доску — акваплан — вовсе не легко и требует порядочного самообладания; не легче и выгрести туда, где разбивается гребень волны, чтобы потом поймать следующий нарастающий вал, и нестись, и лететь на нем, выделявая на ходу разные фигуры. Но зато это истинное наслаждение!

Глядя на пару стройных акробатов — или, как они себя называют, аквабатов, мчащихся по акве — воде, — получают удовольствие и зрители.

Аквабатика — спорт большой точности и искусства. Недаром ведь паре перед тем, как ее включают в соревнования, приходится усердно заниматься целый год: в гимнастическом зале, на пляже и, наконец, на воде.

Соревнования включают обязательные упражнения и произвольную программу. На снимке — одно из таких произвольных упражнений: «парящий лебедь».

Хотя требования к партнеру-мужчине предъявляются довольно строгие, все же, как утверждают знающие люди, первую скрипку в тандеме играет девушка. В ней должны гармонично сочетаться акробатическая подготовка с грацией балерины, танцующей на шаткой половице.

Спорт этот стал популярен на океанских побережьях и прежде всего на восточном берегу Австралии.

ЗМЕЙ НАД ГУАНАБАРОЙ

Антеру ди Карвалью, инструктор по водным лыжам, пронесся над головами зрителей, приветливо взмахнув ногой. И не считайте его невежей: он был с удовольствием помахал, как полагается, рукой, но они у него были заняты. Когда он пролетел второй раз, зрители вскинули бинокли, чтобы получше разглядеть, как это он там висит.

Конечно, только такой здоровяк, как Антеру, мог держаться на одних руках на тридцатиметровой высоте.

— Вопрос тренировки, — объясняет он (это уже на земле). — И потом на скорости тебя поддерживает воздушная струя. А воздух — он надежный...

Антеру не слывет за любителя парадоксов, а поэтому можно поверить, что так оно и есть на самом деле.

Воздушный змей конструкции Антеру выдержал испытания, доказав полную свою надежность в полете. Ди Карвалью, тридцативосьмилетний кариок, konstruировал его, а вернее — реконструировал, в течение последних пяти лет: рассчитал с помощью двух молодых инженеров схему, опробовал материалы. И вот оптимальный, по его мнению, вариант: алюминиевый пятиугольный каркас, обтянутый синтетическим материалом «драйконом». К каркасу крепятся четыре поплавка и трапеция, за которую держится спортсмен. Подчеркиваем — спортсмен, ибо летать без соответствующей спортивной подготовки не рекомендуется. Антеру только что выпустил в Рио руководство: издатель заказал ему брошюру после триумфального успеха ди Карвалью на недавнем первом воднолыжном чемпионате, проходившем в бухте Гуанабара.

В выступлении участвуют двое: лыжник-аэронавт и водитель-механик. Задача последнего не менее сложна — держать постоянную скорость в 25 миль во время полета, следить за тросом, чтобы тот не провисал, но главное — не дать случайно заглохнуть мотору катера, ибо змей тут же спустится, и шок от приводнения может оказаться слишком сильным.

Все это надо иметь в виду, отправляясь вверх на воздушном змее, хотя Антеру и говорит: «Воздух — он надежный!..»

ВНИЗ, К ГОЛУБОМУ ОЗЕРУ

Желоб бобслея стремительно мчит к Голубому озеру. Он похож то на ледяную траншею, то на кривой ледовый переулочек, то на блестящий ледяной проспект. Прорытая во льду новая трасса в Червине (она обошлась в сто миллионов лир) несется затайливой арабеской навстречу саням, испуская белые и голубые искры. Но трасса — еще и бесконечный риск: она коварна в каждом своем повороте, особенно в последнем, самом крутом; она словно хочет унести спортсмена к верхушкам деревьев. И единственно, что способно бороться с могучей центробежной силой, — крутизна ледяной стены.

Что такое «g» — известно каждому школьнику. Это ускорение в 9,8 метра в секунду. На том последнем повороте на сидящего в санях накидывается четыре или пять таких «g». Они прижимают к саням с такой силой, что нужна порядочная выдержка, чтобы вынести боль, чтобы не закричать.

— Когда я спускался по этой трассе в четырехместных санях, я слышал, как кричал пилот, сидевший впереди меня, — рассказывает репортер журнала «Доменика дель Коррьере». — «Снимай! — кричал Антонио Падован. — Снимай!». И я нажал на спуск, и аппарат щелкнул, когда мы неслись под углом в девяносто градусов.

Тем же днем три экипажа выскочили за бруствер трассы и санитарная машина отвезла несколько человек в Аосту. Пилот не справился с санями.

Сделаем небольшой расчет, исходя из данных трассы в Червине: боб с четверкой экипажа на борту весит около 600 килограммов. 600 кг, помноженные на 4 или 5 «g», — и сани уподобляются снаряду весом в 2500—3000 килограммов, мчащемуся со скоростью 120 километров в час.

В Италии существует две трассы: в Кортине д'Ампеццо и теперь в Червине. В Червине работают три инструктора — Ламберто Делла Коста (единственный итальянец, выигравший в пятьдесят шестом олимпийское золото в Кортине), Ан-

тонио Падован и Фабио Маньярини (оба — чемпионы Италии). Все трое — пилоты ВВС, и такое совпадение не лишено смысла: и самолет и боб требуют расчетливого мужества и мгновенной ориентации.

Одиннадцать лет назад была отобрана команда — все пилоты, — которая приступила к тренировкам в... аэродинамической трубе. Здесь в обстановке полной секретности (чтобы не пронюхали соперники) отработывалась новая конструкция саней. «Мы схватили тогда приличный насморк», — вспоминает Ламберто Делла Коста. Но все же новые сани были построены, и тогда-то итальянцы и выиграли золото в Кортине. «Нам удалось увеличить скорость саней на десять процентов, — это уже из серьезных воспоминаний того же Делла Коста. — В таком виде спорта, как бобслей, где время измеряется на сотые секунды, наше преимущество достигало порядка десятых, а то и пятых секунды».

Сейчас каждые девяносто саней из сотни, что бегают по самым разным трассам всего мира, изготавливаются в Италии.

Но как бы хороши ни были сани, все же не за ними остается последнее слово. Доверься своим рукам, если они привыкли уверенно крутить руль на бешеной скорости, доверься своей реакции, если она натренирована сотнями пройденных виражей, и тогда садись в свои сани. Вот они медленно трогаются с места, вот быстрее и быстрее начинают накручиваться повороты, все стремительнее несутся на спортсмена стены ледяного лабиринта и деревья, деревья, деревья...

Нет, на этот раз удачно. Вот и Голубое озеро.

„ЭРА ВЕЛИКОГО КОЛЬЦА“— ЕЕ СОЗДАТЕЛЬ И ГЕРОИ

ВЛ. ДМИТРЕВСКИЙ

а медной дощечке, прибитой к левой створке двери, значилось: «И. А. Ефремов». Я нажал кнопку звонка, и, пока приглушенно жужжало где-то в глубине, а затем протянулась пауза и на дальнем краю ее возникли шаги, у меня было вдоволь времени, чтобы подвести итог мыслям, которые одолевали меня на пути в этот московский дом в Спасоглинищевском переулке.

...Недели две назад дочка принесла несколько изрядно потрепанных журналов этого, 1957 года и сказала:

— Обязательно прочти, папка, «Туманность Андромеды». Написал Ефремов. Все наши мальчишки говорят, что очень здорово.

Значит, Ефремов. Память подсказала — «Звездные корабли». Небольшая повесть, которая помогла поверить, почти ощутить, что мы не одиноки во вселенной. Потом «На краю Ойкумены» — прелестная, терпко пахнущая тропическим лесом книга о нерушимой дружбе эллина, негра и этруска. Ну и, конечно, рассказы путешественника, геолога, охотника за динозаврами. И вот большой роман о будущем...

Я стал читать его — и вскоре всеми мыслями и чувствами перенесся в Эру Великого Кольца. Мне захотелось жить рядом с Дар Ветром, Ведой Конг,

Рен Бозом — нашими потомками, рожденными воображением писателя.

Герои «Туманности Андромеды» — красивые, отважные, трудолюбивые, мыслящие широко и творчески — ничуть не напоминали хилых головастиков, нажимающих на кнопки и окруженных свитой роботов, которыми весьма плотно заселили мир будущего некоторые современные зарубежные фантасты. Еще в свое время Чапек в пьесе «R.U.R.» высмеивал представление о будущем своего героя Гарри Доминна, директора компании, наладившей производство роботов. Домин мечтал: «Универсальные Роботы вырастят столько пшеницы, произведут столько тканей, столько всяких товаров, что мы скажем: вещи больше не имеют цены. Отныне пусть каждый берет, сколько ему угодно. Конец нужде. Да, рабочие окажутся без работы. Но тогда никакая работа не будет нужна. Всё будут делать живые машины...»

Вот такому-то обывательскому представлению о будущем как о некоем сытом, сладком и ленивом рае противостоит весь роман Ефремова; вот таким-то «живым машинам» противостоят герои «Туманности Андромеды» — подлинные титаны мысли и чувств.

Немногословные, сдержанные, внешне спокойные... Кто-то, как я слышал потом, называл их даже «холодными ангелами» и признавался, что ему было

бы ужасно тоскливо коротать время в обществе землян Эры Великого Кольца — уж такие, мол, они все «без страха и упрека», без привычных человеческих слабостей и недостатков. Но, между прочим, я обнаружил у людей ЭВК и свои слабости и свои недостатки. Например, отрешенность от всего земного у Эрга Ноора или чрезмерная нетерпеливость исследователя Мвена Маса.

Я вспомнил восторженные слова о «Туманности Андромеды» первых ее читателей — школьников, подростков, чья фантазия, как известно, загорается от зримых образов, и подумал, что Ефремову с какой-то чародейской силой удалось показать бесконечно далекое будущее Земли так, что оно обрело атмосферу, запахи, краски.

...В дверях, заполняя их в ширину и в высоту, стоял плечистый гигант в синем морском кителе, темноволосый, с большими голубыми глазами. Он был похож на возмужавшего капитана Грея. Я невольно вспомнил, что в юности Ефремов плавал матросом, штурманом каботажных и речных судов.

Мы вошли, точнее втиснулись, в отгороженное шкафами пространство, где вплотную друг к другу разместились диван, массивное дубовое кресло и крошечное бюро... Кабинет Ефремова напоминал шкиперскую каюту на каком-нибудь клипере или бригаantine. Тем более что на стене висел барометр.

Теперь трудно восстановить в памяти все, что было сказано нами в тот первый вечер. Да это и не столь важно, ибо знакомство наше не прервалось. Потом было еще много общих вечеров и дней — и в Ленинграде, и на даче в Абрамцево, и на новой московской квартире Ефремова. Можно было бы писать об этом человеке роман и научное исследование, но поскольку то, что вы читаете, — лишь беглый очерк о писателе-ученом, я остановлюсь только на двух моментах, поразивших меня в первую нашу встречу и всегда бросавшихся в глаза впоследствии.

Помню, меня «сразила» эрудиция собеседника... В «Этюде в багровых тонах» Конан-Дойля доктор Уотсон попытался составить «Аттестат» познаний своего знаменитого друга. Если последовать его примеру и решиться составить подобный «аттестат» на Ефремова — рискуешь открыть лишь множество провалов в собственном образовании...

Прежде всего познания, имеющие прямое отношение к научной специальности Ефремова. Ефремов — палеонтолог с мировым именем. Частые письма из Англии, США, Австралии от коллег по науке свидетельствуют о том, что слово создателя тафономии — нового метода расшифровки геологической летописи — весомо и авторитетно. Как палеонтолог, Ефремов не может не считать «своими» и такие науки, как ботанику и зоологию, с одной стороны, и историческую геологию, изучающую всю великую последовательность напластований земной коры, — с другой. Эти широкие знания дают писателю возможность с удивительной глубиной и достоверностью раскрывать перед читателем картины геологического прошлого Земли — вспомните хотя бы рассказы «Тень минувшего» и «Атолл Факаофо» — и заглядывать в миры космические...

На второе место я, пожалуй, поставил бы географию. Разведчик земных недр, охотник за динозаврами, Ефремов на своем веку проложил много троп по нехоженным местам огромной нашей страны. Урал, малозведанные области северного Сихотэ-Алия и Амуро-Амгуньского междуречья, горные

области Якутии, Восточной Сибири, в том числе и труднодоступная Верхне-Чарская котловина... Там он искал нефть, уголь, золото, рудные месторождения, а попутно составлял географические карты этих мест, кстати сказать, использованные впоследствии при подготовке советского Большого атласа мира. Писатель совершает вместе с читателем путешествия и по странам, в которых никогда не был, и так точны, так всеобъемлющи его знания географии, что кажется: опытный проводник ведет читателя то по пылающему под отвесными лучами африканского солнца «Берегу скелетов», то по горным тропам Тибета...

Но буду рисковать дальше и продолжать заполнение «Аттестата».

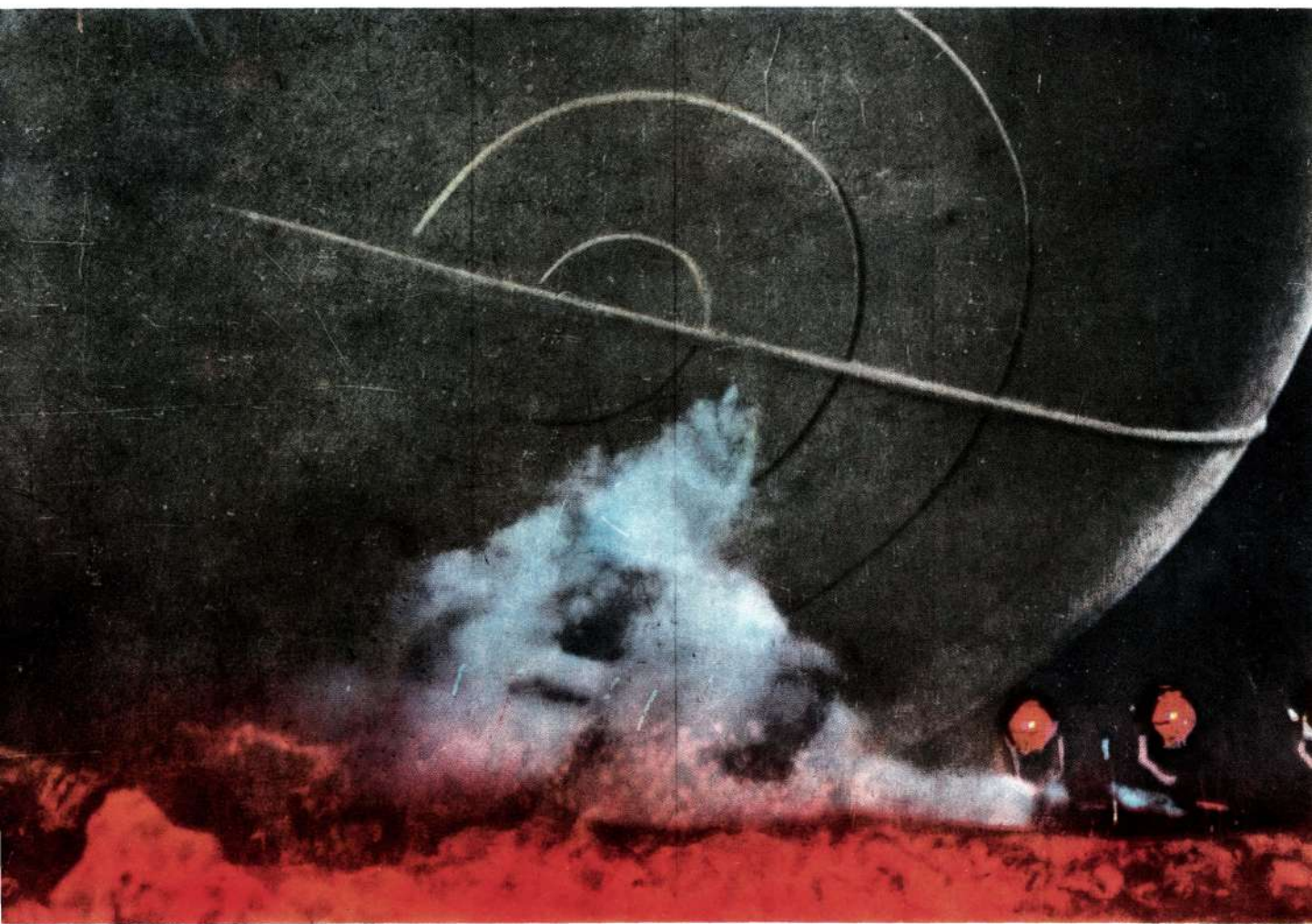
История — познания обширные и столь глубокие, что читателя исторических вешей Ефремова поражает реальность, осязаемость описываемых событий, где бы они ни происходили — в Элладе или на древней земле Африки... Вспомним его «Путешествие Баурджеда», «На краю Ойкумены». В них географические интересы автора переплетаются с историческими. «Для меня, — говорил как-то Иван Антонович, — всегда звучит изречение Плиния: «Ex Africa semper aliquid novi» — «Из Африки — всегда что-нибудь новое». И оно до сих пор оправдывалось: палеонтологические, географические, исторические открытия следуют там одно за другим. Вот почему у меня возникло стремление познать и ощутить прошлое посредством пейзажей, животных, растений и, наконец, людей Африки как ключей к воссозданию ретроспективной, но живой картины ушедшего мира...»

Астрономия, кибернетика, космонавтика, медицина, социология, психология, живопись, музыка, искусство кино — вот, вероятно, неполный круг дополнительных интересов И. А. Ефремова, которого можно смело назвать подлинным энциклопедистом... Читатели романов «Лезвие бритвы», «Туманность Андромеды», сборника рассказов «Бухта радужных струй» и других произведений, думаю, согласятся со мной, если я скажу, что книги Ефремова — это источник разнообразнейшей и ценнейшей информации.

«Туманность Андромеды» — социально-фантастический роман. Писатель пытается раскрыть историческую перспективу будущего: как бы с вершины грядущего обозревает он прошлое человеческого общества, вплоть до его настоящего, но тоже рассматриваемого как прошлое... Воображение писателя в данном случае исходит из огромного объема накопленной информации, относящейся как к социальным, так и научно-техническим аспектам развития общества.

И в «Туманности Андромеды» и в «Сердце змеи» Ефремову удалось показать будущее не через человека нашего времени, закинутого туда каким-либо вполне оправданным для фантастики приемом (тысячелетний анабиоз, воскрешение из мертвых, парадокс «сжимающегося времени» Эйнштейна и т. п.), но глазами современника этого далекого будущего, человека Эры Великого Кольца или Эры Воссоединенных Рук. И происходит удивительная вещь: читатель не просто наблюдает неведомую ему жизнь, а сам как бы становится современником героев Ефремова...

Было бы наивным думать, что возможно показать будущее во всей его многогранности. Возможно другое: прослеживая общие закономерности общественного развития в прошлом и настоящем, попытаться

Кадры из кинофильма «Туманность Андромеды».

проецировать их на довольно значительный отрезок времени вперед, создав тем самым благоприятную почву для социологической фантазии о грядущем. Тогда писатель, по словам Ефремова, окажется в роли живописца, который, отдаляясь от своей картины, сквозь, казалось бы, хаотическую массу разноцветных мазков видит строгую гамму красок, сплетающую из своей дробной светотени и пространство и форму. Но ведь важно, чтобы вслед за создателем картины ее пространственность и прекрасную форму увидели и миллионы зрителей, для которых эта картина написана! Думается, что мечта Ефремова о далеком коммунистическом завтра Земли, выраженная в его книгах, стала той картиной, которую захотели иметь у себя дома тысячи и тысячи советских (да и не только советских, ведь «Туманность Андромеды» переведена на 23 иностранных языка!) людей.

Мне хочется также поговорить еще об одном качестве Ефремова как путешественника по будущему.

Конечная цель, так сказать «сверхзадача», его романа «Лезвие бритвы», например, показать, что внутри каждого из нас таятся нераскрытые могучие силы, пробуждение которых путем соответствующего воспитания и тренировки неизбежно приведет к тому интеллектуальному богатству, о котором мы меч-

таем для людей грядущей коммунистической эры. Писатель верит в безграничность возможностей человека, но эта убежденность ничего общего не имеет с антропоцентризмом. «Тысячелетия антропоцентризма мешали осознать, что, признавая невообразимую глубину космоса, нельзя не допустить существования бесчисленных центров жизни», — пишет Ефремов в одной из своих статей.

Ефремов утверждает, что «коммуникации с разумным существом любой планеты, прошедшим неизбежный путь исторического развития и получившим мозг, построенный по тем же самым законам для решения аналогичных проблем, конечно, возможны, как возможно и понимание, если не эмоционально-социальное на первых порах, то, во всяком случае, в области технико-информационной».

Так говорит не только Ефремов — писатель-фантаст, но и Ефремов-палеонтолог, посвятивший долгие годы прочтению летописи эволюции органической жизни на Земле.

Иным писателям-фантастам, особенно зарубежным, свойственно недооценивать возможности человечества и его Разума. Существа из других звездных систем сплошь и рядом изображаются совершеннее и могущественнее землян. Крупнейший английский астрофизик Фред Хойл, являющийся авто-

ром известных научно-фантастических романов «Черное облако» и «Андромеда», высказывает уверенность, что «там», вне Земли, разумные существа многими своими качествами превосходят человека. В одной из своих популярных лекций «О людях и галактиках», прочитанной им в Вашингтонском университете, Хойл прямо заявил: «Я подозреваю, что вокруг нас происходит обмен гигантской информацией, которую я могу назвать галактической библиотекой. Вероятно, там знают, какая политика ведет к ядерной войне и какая позволяет ее избежать. Получение этой информации, по всей видимости, приведет к наиболее революционной ступени в человеческом мышлении. Перефразируя известный псалом, я могу кончить словами: я поднимаю глаза к небу, откуда идет мне помощь».

Ефремов стоит на иной точке зрения. Он оптимистичен в своих оценках возможностей человечества. Не сомневаясь в существовании разумной жизни на множестве планет нашей и других галактик, он меньше всего склонен отводить человечеству в грядущем роль учеников приговорительного класса. Он представляет себе людей равноправными партнерами сотрудничества разумных — Великого Кольца — и если и «поднимает глаза к небу», то для того, чтобы увидеть звездные корабли землян...

НОВЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА ЛУНЕ

открыты учеными Абастуманской астрофизической обсерватории. Эти образования, названные полярнкратерами, или полярциркулами (так как наблюдать их можно только в поляризованном свете), обнаружены в районе заливов Росы, Радуги и в восточной части Моря Дождей новым астрономическим прибором, созданным в обсерватории, — многоканальным поляривизором. Этот уникальный прибор позволяет ученым на шести телеэкранах наблюдать изображение планеты в отраженных лучах Солнца.

Сейчас грузинские астрофизики начали с помощью многоканального поляривизора исследования Юпитера и Сатурна.

ПЕРВЫЙ В МИРЕ ПНЕВМАТИЧЕСКИЙ ПОДВОДНЫЙ ДОМ-ЛАБОРАТОРИЯ

созданный советскими конструкторами, испытан в этом году в Черном море, на Кара-Дагской биологической станции. Этот дом, который создатели назвали «Спрутом», сделан из прорезиненной материи и в «походном» состоянии уместается в чемодане. В «рабочем» виде «Спрут» имеет форму большого, усеченного снизу шара, висящего на заданной глубине на якорь-трое. Атмосферное давление внутри дома, как и давление между двойными стенками, поддерживается береговым компрессором.

В этом подводном доме-лаборатории океанавты Александр Королев, Вильям Муравьев и Виктор Шебакин четырнадцать дней проводили океанографические исследования.

«ХВОСТ» КОМЕТЫ В ЛАБОРАТОРИИ создали американские ученые при помощи имитирующей давление «солнечного ветра» струи водорода, обдувающей со скоростью 200 километров в секунду твердую двуокись углерода («сухой лед»). Как сообщают исследователи, по своим свойствам искусственный «хвост» чрезвычайно похож на настоящий, что позволит изучать некоторые особенности «характера» комет.

ДРЕВНЕЙШАЯ ЖИВОПИСЬ НОВОГО СВЕТА. В одной из пещер севернее города Акапулько два мексиканских антрополога обнаружили цветные рисунки (один из них достигал высоты полутора метров), изображавшие людей и змей. По мнению специалистов, эти наскальные изображения были созданы индейцами ольтеками и датируются 400—800 годами до нашей эры, то есть акапульская находка на несколько столетий древнее всех известных до сих пор в Новом Свете наскальных цветных изображений.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ создают сотрудники Переяслав-Хмельницкого исторического музея. На Тарасовой горе близ города воссоздается деревня XVIII—XIX веков — крестьянские хаты, клуны, повети. Экспонаты музея будут рассказывать и об отдаленном прошлом края — здесь будет реконструировано жилище времен Киевской Руси, открытое в окрестностях Переяслав-Хмельницкого экспедицией Института археологии Академии наук СССР.

(По страницам советской и зарубежной прессы)

Загадки Проекты Открытия

Алло, алло, алло!
— Да-да-да... Наумов слушает! Как с продуктами, Лёня? Как у вас с продуктами?
— Картошка кончилась. Петр Николаевич, диоды нужны, диоды высокочастотные... Когда подниметесь?

— Понял! Завтра поднимемся, завтра!

Когда мы оглянулись, долина уже плавала в тумане, напоминая карту без названий. Домишки и сады Арсланбоба — кишлака, лежащего на самом дне долины, размылись, потеряли резкость очертаний. Подернулось дымкой и кольцо предгорий, округлых, плавных, словно волны мертвой зыби, желтых от выгоревших трав, с бесформенно-зелеными заплатами лесов.

За валом предгорий вздымается пилообразная стена Ферганского хребта. На хребет наползают тяжелые тучи, окутывают ватой серого тумана исполосские клыки. Там, на каком-то из этих безымянных пиков, — станция «Южная», одна из точек в сети радиорелейных линий Киргизии. Туда мы поднимаемся с начальником «Южной» Петром Николаевичем Наумовым.

— Скоро Ташкент будем давать на Арсланбоб. Позавчера на «Южную» новые антенны поднимали. Мы здесь сейчас, кроме Ташкента, принимаем все: Фрунзе — пожалуйста, Алма-Ату — сколько хочешь, Москву, Ленинград, Интервидение. Теперь второй канал монтируем на «Южной» — в Арсланбобе много узбеков, хотят Ташкент видеть... Ну что, поехали?

Тропа головоломными зигзагами лепится к скальному обрыву, на сотни метров уходящему и вверх и вниз. Тропа — карниз, уступчик шириной в полметра. Мы ведем лошадей в поводу. Они упираются, храпят, косясь на край тропы. Гулко, словно в колокол, бьет лошадиное сердце.

К концу шестого часа перед нами взгорбился подъем. Последний, сплошь заросший пожелтевшим диким луком, увитый серпантинном каменной тропы. И где-то далеко в голубизне блеснули вогнутые диски параболических антенн и замаячили решетчатые мачты.

Дальше было только небо.

Пик был когда-то острым. Потом чуть ниже самой верхней точки — метрах в пяти-шести — взрывами вырубил площадку примерно в сто квадратных метров и выстроили домик. Смонтировали в нем аппаратуру и окрестили его Южной радиорелейной станцией. Само же острое слегка «упорядочили» и использовали как постамент для антенн. Сейчас их около десятка — круглых, прямоугольных. И еще две лежат у крыльца, те, что только привезли для Арсланбоба.

Внутри домик как бы распадается по всей длине на две непохожие половины. Справа — работа. Стойки с приборами и аппаратурой — они стоят вплотную и образуют длинную, вдоль всей стены, панель.

Здесь строгие прямые линии и четкие углы, блеск никеля, мерцание ламп и ровный гул прямо-передаточных устройств. Слева — жилье. У самого входа миниатюрная кухня, она же столовая. Дальше, за дощатой переборкой, комнатка — стол, заваленный грудой журналов, колченогий топчан у стены, два больших телевизора в два этажа, спаренный динамик на подоконнике (контроль служебной связи), который, как попугай, безостановочно выбалтывает все секреты всех радистов на всех станциях, и спальня, в которую каким-то чудом втиснуты три койки. За спальней мастерская с верстаком и стеллажами и чулан для продуктов.

Буднично, просто — работа, жилье. Но все это — на крохотном скалистом пятнышке на высоте трех с половиной тысяч метров. Здесь нет воды. Зимой топят снег, а летом собирают дождь. А если нет дождя, то лезут в пропасть к леднику и рубят лед.

Л. ФИЛИМОНОВ,
наш спец. корр.

Здесь много, если не считать камней, пронзительного ветра да безбрежного простора — того, что на земле, в долине, называют небом.

Работать в небе человек уже привык. Но жить пока лишь учится...

Утром в привычный уже шум (гудение аппаратуры, шелест вентиляторов, нескончаемую болтовню динамика) вплелась новая нота. Какой-то беспрерывный легкий треск, царапанье, шуршание — о стены домика, обитые железом, о стекла окон дробилась, барабанила, стучала несущаяся с ветром снежная крупа.

Снегу за три часа намело по колено. Радисты —

Леонид Пшеничный и Иван Судольский — полезли на скалы к антеннам, проверить крепления, подтянуть, если где расшатало. Сапоги скользят по обледеневшим камням. Ветер бросается, как цепная собака, сечет лицо и руки колкой кристаллической крупой. Антенны, как и камни, покрылись слоем льда. Забавно выглядит большая проволочная, натянутая между двух ажурных мачт. Провода, образующие ее параболическую поверхность, стали похожи на ледяные канаты, обросшие иглами. Сосульки на них выросли горизонтально — их вытянул ветер. Оттяжка на одной из мачт провисла, мачту слегка покачивает. Ребята потрогали ее, переглянулись:

— Да-а...

— Никуда не денешься.

Леня надел монтажный пояс с цепью, полез на мачту. Поднялся метра на три и исчез в снежном облаке. Слышно только, как звякает цепь по уголь-

РЕПОРТАЖ С ГОРНОЙ ВЕРШИНЫ

...На стенке комнаты прибитая карта — обычная школьная карта Киргизии. С одной необычной деталью, которой нет на школьных картах. Прямые линии, тонко прочерченные тушью, бегут по ней через Тянь-Шань и Памир, через озеро Иссык-Куль, из Киргизии в Узбекистан, Казахстан... На эти линии, как четки, нанизаны кружочки городов и населенных пунктов. Их много, столько, что все не запомнишь. Да в этом нет нужды — их названия круглосуточно повторяет динамик на подоконнике.

— Джалал-Абад, Джалал-Абад, Джалал-Абад!

— В нашем выпуске участвует Ленинград. Включаем город-герой на Неве.

— Фергана, Фергана, Фергана!

— Фрунзе! Как принимаете Москву?

Бывает, что динамик, словно не выдержав напора голосов, вдруг раздражается хриплым неистовым ревом. Кто-нибудь из ребят бросается в аппаратную и, щелкая тумблерами, пробегает вдоль шеренги стоек. Рев — это значит, где-то оборвана связь и нужно моментально определить — на «Южной» повреждение или на какой-то другой станции. Но сейчас ребятам бегать не приходится. Они и так не выходят из аппаратной — перебирают резервный передатчик для связи с Токтогульской ГЭС и монтируют новую стойку для Арсланбоба. Стойка, вчера еще выглядевшая скелетом — высокий параллелепипед, с перекладинами, поперечниками и укосинами, — начинает походить на прибор. Уже закреплены панельки с лампами и тумблерами, и вьются тонкие цветные провода. Парни возятся возле стойки часами. Время от времени в перекличку динамика и телевизоров вплетаются их негромкие голоса:

— Другую лампу поставь...

— Выключи...

А метель все метет. Порой выходим на улицу — проверить, в порядке ли хозяйство, — два шага, и свистящая седая мгла проглатывает человека.

Отрезанные от мира высотой, расстоянием, вьюгой, ребята делают все, чтобы люди были вместе.

...В долине осень еще и не чувствовалась. Жаркое солнце било в окно, играя на никеле рации.

— Алло, алло, алло! Леня, тумблера будут завтра, завтра. Как дела у вас? Как дела?

— Нормально, Петр Николаевич, нормально дела! Работаем! Как погода внизу, как погода? — голос доносится сквозь треск и завывания по-мех.

— Солнце, Леня, жарко! Как у вас?

— Вьюга на «Южной», вьюга!

НА «ЮЖНОЙ» — ВЬЮГА...

никам мачты. Мы с Ваней тянем ослабевший трос, чтоб Ленку не качало. Трос проходит над самой кромкой обрыва. И хоть обрыва сейчас не видно — прямо у ног бурлит и пузырится облачная каша, — но знаем: лететь далеко, если что.

— Леня! Пристегнулся?

— Не-ет еще! — голосом Лени отвечает ветер.

— Сейчас... черт... ключ заело... — бормочет облако.

День в заботах мелькает, как час. Да, не шутка это — поддерживать радиосвязь на расстоянии нескольких тысяч километров и обеспечивать обмен программами между телецентрами...

САМОА- СТРАНА в *Жеане*

ВАДИМ КАССИС

В. Кассис — корреспондент «Известий», первый советский журналист, побывавший на Западном Самоа, единственном независимом государстве в Полинезии.

ЦЫПЛЕНОК ЗА ДВЕ ЦИНОВКИ

...Каждый день, выходя из гостиницы на главную улицу — набережную Бич-роуд, я ловил себя на одной мысли: до чего же тихо в столице! Редко-редко промчится с бешеной скоростью машина, и вновь тишина. Людей в европейском костюме встретишь редко. Нечастые прохожие одеты в набедренные повязки — лавалава.

Живущие в Апиа европейцы стараются переделать свою одежду на местный манер (я брюках и

пиджаках на Самоа не очень-то разгуляешься). Иностранцы, приезжающие на короткое время, тоже спешат сбросить пиджаки и платья, приспособиваясь к климату. К их услугам микромагазинчики, рассыпанные вдоль Бич-роуд.

Торговля на Бич-роуд идет и под открытым небом. Бусы, плетенные из пандануса маты, корзинки, поделки из скорлупы кокосовых орехов разложены прямо на земле. Возле автобусной остановки с раннего утра царит ожив-

ление. Тут небольшой базарчик. Прикрыв голову от солнца зонтом или самой обычной тряпицей, торговки наперебой предлагают клубни батата, таро, ананасы, плоды папайи, сахарный тростник, кур, поросят — словом, практически весь ассортимент земных плодов и живности, который имеется на архипелаге. Расплачиваться можно новозеландскими банкнотами (скоро их собираются заменить на самоанские), а также специальными мелкоплетеными циновками размером метр на метр. Скажем, за одного цыпленка просят две циновки. Таким же образом островитяне расплачиваются с «плотниками» — строителями хижин или делают подношения церкви.

...И КАШЛЕМ ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ

На просторной лужайке под сенью гигантского хлебного дерева возвышается фале-фоно — здание заседаний Законодательной ассамблеи. Перед зданием — обелиск Независимости. Как и любой самоанский дом, Ассамблея стоит на фундаменте из вулканического туфа. Столбы поддерживают конусообразную соломенную крышу. Стен нет. Их заменяют циновки. Зал по форме напоминает цирковую арену. По окружности расставлены столы и стулья членов Ассамблеи. Их сорок пять: сорок три вождя (а избирать и быть избранными на Самоа могут лишь вожди) и два представителя от европейской части населения. Ассамблея переизбирается каждые три года. Напротив входа установлено обитое коричневой кожей кресло спикера с широкими подлокотниками. На его высокой спинке укреплен герб Западного Самоа — щит в обрамлении колосьев, увенчанный крестом, от которого расходятся лучи. На щите изображены земля, волны океана и небо

с пятью звездами Южного Креста. От земли поднимается вверх и как бы поддерживает своими листьями Крест кокосовая пальма.

Церемония открытия заседания занимает не менее получаса. Члены Ассамблеи имеют право запаздывать, так как машины есть не у каждого и добираться приходится пешком. По дороге происходят встречи с родственниками, знакомыми, неизбежно завязывается разговор, высказываются напутствия, даются советы.

Зато премьер-министр обычно приезжает пораньше, располагается на открытой галерее для гостей и не торопясь беседует с вождями. В тени дерева стоит атлетического телосложения полицейский. Пот градом льется из-под его каски, лицо выражает страдание.

Но вот прозвучал звонок, и из-за обелиска Независимости появляется главный распорядитель Ассамблеи в сопровождении спикера и второго полицейского. Распорядитель шествует босиком, в национальном костюме, состоящем из тонкой кожаной лавалава. На его шее ожерелье из каких-то сильно пахнущих желто-белых цветов. На правом плече распорядитель несет тяжелый медный жезл, начищенный до блеска. Спикер занимает свое место. Распорядитель, уложив жезл на специальную подставку перед спикером, поворачивается лицом к членам Ассамблеи и подает знак, приглашая всех встать. Гремит артиллерийский салют. Спикер произносит молитву.

При мне Ассамблея принимала в свою семью нового члена, который был избран на место умершего вождя. Церемония состояла из подписания «Акта верности», который лежал на развернутом государственном флаге перед креслом спикера, и чтения молитвы. Одобрительное покашливание под сводами фале-фоно означало, что члены Ассамблеи удовлетворены и согласны считать нового вождя равноправным представителем власти.

Законодательная ассамблея

рассматривает самые разные вопросы, связанные с жизнью Западного Самоа. Каждый из них обсуждается до мельчайших деталей. Вожди могут дебатировать день, два, неделю, месяц, но в конце концов решение принимается методом убеждения друг друга. Соображения приводят самые различные. На заседании Ассамблеи, например, было принято решение не вступать в члены ООН и не устанавливать дипломатические отношения с другими государствами, кроме Новой Зеландии. Объясняется это исключительно недостатком средств в государственной казне.

Западное Самоа лежит в стороне от «протоптанных» туристских маршрутов. Самый близкий международный аэропорт — Нанди на островах Фиджи. «Близкий» — понятие тоже относительное: самолет от Нанди до западно-самоанской столицы добирается около пяти часов.

Самоанцы не стремились до сих пор к развитию туризма. Они побаивались неизвестного, нару-

шения традиционного уклада жизни и вообще всяческих неудобств, связанных с обилием иностранцев. Вожди прослышали, что после того, как крупнейшие туристские фирмы Запады обосновались на Таити, Гаваях, Бермудах, Маркизах, эти места превратились в центры проституции.

Самоанцы не спешили строить отели и разрабатывать маршруты для путешествующих иностранцев. Как были в Апия две небольшие гостиницы «Агги-Грей» да «Казино», так и остались до наших дней.

Однако трудное экономическое положение, в котором оказались островитяне после недавнего урагана, вынудило правительство пересмотреть отношение к туризму. При мне началось строительство новой гостиницы поблизости от «Агги-Грей». Планируется построить еще один отель. В некоторых тихоокеанских изданиях все чаще встречаются рекламы, зазывающие туристов в Западное Самоа.

«ОХОТНИК ВЕРНУЛСЯ С ХОЛМОВ»

Самоанские власти обеспокоены проблемой: что показывать туристам? Чем их привлечь?

Не вызывает сомнений один объект — двухэтажный особняк Вайлима в пригороде Апия. На юго-западном склоне горы Веа, на просторной поляне, окруженной тропическим лесом, стоит дом, в котором провел свои последние годы автор «Острова сокровищ» Роберт Льюис Стивенсон — Тузитала, как звали его самоанцы.

Стивенсон попал на Самоа отнюдь не в поисках приключений. Болезнь легких заставила писателя выбрать здешний мягкий климат. Вот и веранда, увитая плющом, где, расположившись прямо на полу, он писал книгу «Примечание к истории». В этом произведении Стивенсон рассказал о тяжелой судьбе самоанцев, угнетаемых немецкими колонизаторами. Он гневно обращается к германскому императору, требует прекратить бесчинства чиновников и оградить права самоанцев.

Книга Стивенсона была запрещена в Германии. На ее издателя власти наложили громадный штраф.

Мы ходим из комнаты в комнату. Последний ураган в январе 1966 года сильно разрушил верхнюю часть дома. Самоанцы старательно реставрируют комнаты, восстанавливают поваленные

ветром балки, перекрытия — Тузиталу любили на Самоа.

Стивенсон умер от чахотки 3 декабря 1894 года. Последние минуты своей жизни он провел в кресле-качалке перед камином, который сделан по образцу старого камина в его родном доме в Шотландии. Качалки давно уже нет, а камин, выложенный коричневыми изразцами, сохранился по сей день. Последний раз оглядываем эту комнату и выходим в яркий солнечный день. Медленно поднимаемся по скользкой тропинке на вершину горы Веа. Наш попутчик — самоанец, сторожащий виллу, рассказывает, что, когда Стивенсон умер, в горах Веа была запрещена охота на птиц, чье пение так любил писатель. А дорогу к могиле, которую проложили жители острова, назвали «Ала Лото Алофа» — «Дорога любящих сердец».

Вот надгробный камень. На нем полустертая надпись — заключительные строки из «Реквиема» Стивенсона:

Здесь он лежит, где он хотел лежать;

Домой вернулся моряк, домой вернулся он с моря.

И охотник вернулся с холмов.

Что же еще показать туристам? Может быть, Фатумеа?

В полчасе езды от столицы находится подземное озеро Фатумеа, которое сообщается узким протоком с океаном. Вход в подземелье чернеет метрах в десяти от берега. Местные жители убеждены, что человек, который проберется в пещеру и, в полной темноте пронырнув через подземное озеро, выберется в океан, будет наделен божеством Тангалоа необычайной силой.

ЖИВИ С МОРЕМ

Как-то добираясь на катере с острова Уполу на Савайи, мы заметили на горизонте темный предмет. Развернулись и минут через десять приблизились к перевернутой лодке, беспомощно качавшейся на крутой волне. Наш рулевой забавил челнок. «Человека два было», — сказал он, оглядев лодку.

Мы молча смотрели на почерневшее от воды дерево, на почти оторванный балнисир, и каждый думал: кто же были эти двое? Что с ними случилось? Рулевой пояснил: «Таким узлом балнисир вяжут только на Тонга. Должно быть, оттуда лодка».

Вечером того же дня меня познакомили с полинезийцем Теманаги — уроженцем острова Маупиги. Он рассказал, как однажды вместе с приятелем Натууа они отправились порыбачить в район соседнего островка на моторной лодке за барьерный риф. Погода стояла тихая, горизонт чист, на небе ни облачка. Заметив птиц, круживших метрах в трехстах, они направили туда лодку: птицы выются обычно над косяками тунца. Натууа приготовил было спиннинг. Внезапно заглух мотор. Как они ни бились, завести старенький мотор не удалось. С юга потянул «свежак». Лодку стало захлестывать волной. Через четверть часа океан разыгрался не на шутку. Полил дождь. Вали перемахивали через лодку. Рыбаки чувствовали, что их относит все дальше в океан. Уже потерялся из виду их остров. Очередная волна сорвала мотор. Теперь они остались и без руля. Приятели не захватили с собой никакого провианта, даже кокосовых орехов. Теманаги не помнит, сколько времени продолжался шторм. Видимо, оба от усталости потеряли на какое-то время сознание. Когда же они очнулись, океан присмирел. Лодка плавно переваливалась на отлогих волнах. Спиннинга уже не было: его, видимо, унесло во время шторма. На дне лодки валялся старый нож и кусок толстой лески. Их мучали жажда и голод. Смастерив из ножа с леской гарпун, они с трудом выловили какую-то рыбу.

На пятый день далеко в тумане прошло судно.

И больше за все время странствий они не встретили ни одной живой души. Питались рыбой, собирали и пили дождевую воду. Через сто двадцать дней Натууа умер. А еще через месяц лодку с ослабевшим Теманаги прибило к архипелагу Самоа, который находился за две тысячи километров от его родного острова Маупиги.

Слушая рассказ Теманаги, я вспомнил недавний случай с подростками с архипелага Тонга. Шестеро мальчишек отправились на лодке рыбачить. Потерпев крушение, они добрались до необитаемого островка Ата в полутора километрах от их острова Еуа. Ребята провели на Ата четыреста пятьдесят дней. Пищей им служили кокосовые орехи, птицы, яйца черепах. Подростки

даже вели свой «судовой журнал» на банановых листьях.

На архипелаге мне удалось разыскать вожда по имени Тауа, который встречал известного путешественника Уиллиса и даже побывал у него на плоту. Семидесятилетний Уиллис совершил в одиночестве два путешествия: от Перу до Самоа, а затем от Самоа до берегов Австралии.

Тауа рассказывал:

— Уиллис выбрал для своего перехода район Тихого океана, где нет регулярных пароходных линий, где властвуют сильные и малоизученные течения. Незадолго до выхода Уиллиса в океан погибла японская рыболовецкая шхуна. Ее отнесло с курса на четыреста миль и выбросило на рифы. Когда я встретил Уилли-

са, он был бодр и говорил, что сможет совершить еще такой переход. Он очень правильный человек. Он верит, что человек должен искать, все время искать. Счастлив тот, кто не находит покоя. Мы сроднились с морскими просторами. Мы рождаемся, вырастаем и умираем на берегу океана. Здесь мы делаем свой первый и свой последний шаг.

И. ВЕЙСС

ПОКУПАЙТЕ НА БЛОШИНОМ РЫНКЕ

Дешевые ботинки, «Ундервуд» выпуска 1890 года, транзистор «Сони» последней марки, настоящий старинный бронзовый подсвечник, сделанный на прошлой неделе на улице Семи Капуцинов, зулусский ассегай и другие ценные вещи можно недорого и приятно без лишних разговоров купить и продать на римском Блошином рынке. По воскресеньям полиция не вмешивается в коммерцию — в этот день не нужно лицензий на торговлю, — и карабинеры присутствуют на Блошином рынке только для порядка.

Фургон для мебели, приткнувшийся у тротуара, возможно, привез на продажу кровать папы Александра Борджиа, а может быть, и подержанный гарнитур из спальни кинозвезды. Во всяком случае, грузчики не торопились его разгружать.

Молодой человек, появившийся на рынке в сопровождении элегантно одетой красивой африканки, поначалу не привлек особого внимания — мало ли иностранцев приходит на Блошинный рынок в поисках раритетов?

Громко разговаривая по-английски, они обошли рынок, поприценившись к товарам, постояли у мебельного фургона, отошли чуть в сторону. Тут молодой человек вынул из кармана какую-то табличку и повесил ее на шею своей спутнице. Зеваки, стоявшие поближе, ахнули: на шее девушки красовалось объявление: «Продается». Немедленно собралась толпа, посыпались вопросы.

Молодой человек (его звали Нанни) бойко рассказывал историю своего «товара». Девушку он купил в Африке, в... (тут он произнес какое-то трудно запоминаемое название), «там это в порядке вещей», а теперь, к сожалению, уезжает в Канаду, так что вынужден продать свою рабыню, причем очень недорого.

— Что поделаешь, синьора, приходится продавать, видит бог, не хотелось бы, да что поделаешь... Нет, нет, синьор, она будет полной вашей собственностью, можете с ней делать что угодно, никакой зарплат, можете даже не кормить. Впрочем, я надеюсь, вы не будете столь жестоки.

Интеллигентного вида юноша возмущался:

— Простите, но это же работоторговля!

— Совершенно верно, — отвечал Нанни, — работоторговля. Ну и что?

— Но это противоречит...

— Чему?

— Ну, всему... Это возмутительно!

— Покажите мне параграф в законах, где бы это запрещалось! — отрезал Нанни. — Кто и каким образом может мне помешать продать мою собственность?

— Нечего с ним разговаривать, — вмешался высокий небритый мужчина. — Что так дорого?

— Продается с одеждой. Если хотите, можете ее одеть в любые лохмотья, а одежду продадите.

Небритый мужчина начал энергично торговаться.

Тем временем трое сицилийцев, молниеносно обследовав положение, проверили содержимое своих бумажников, и один из них побежал искать землячков — подзаянать.

— Скажите, — полюбопытствовала немолодая синьора, — а может она выполнять работу прислуги?

— Конечно, конечно, сударыня, — заверил ее Нанни. — Кроме того, она может учить ваших детей языкам. Она ведь знает английский и французский. Надеюсь, вы будете доброй рабовладельцей. Кстати, вас не смущает это слово?

— Ах, ерунда! — отмахнулась покупательница. — Ведь прислугу теперь днем с огнем не найти...

— Тогда берите.

— Дороговато все-таки, — вздохнула дама.

...Полицейского, стоявшего неподалеку, терзали сомнения. С одной стороны, вроде ни в какой инструкции ни слова не сказано о том, что торговля рабами в воскресное утро на римском Блошином рынке запрещена. С другой — страж порядка ощущал смутное беспокойство.

Выждав минут двадцать, он все-таки подошел к Нанни и потребовал от него документы на «товар». Нанни показал медицинскую справку. Полицейский отошел. Тут, на его счастье, звали мелькнул белый китель коллеги, и полицейский кинулся к нему посоветоваться.

За полчаса торговли Нанни успел заключить четыре контракта на общую сумму 680 тысяч лир — по крайней мере на скромный «фиат» уже хватало.

Успеху коммерции помешали карабинеры. Они арестовали продавца вместе с его «товаром»... за нарушение общественного порядка.

Тут-то продавец предъявил служебное удостоверение на имя кинорежиссера Нанни Лоя, африканка — студенческий билет римского киноинститута Центро Спериментале Чинематографико.

Из рукава Нанни Лой вытащил микрофон и крикнул, уже не скрываясь, грузчикам из мебельного фургона:

— Поехали, ребята!

В фургоне, само собой, размещалась телеаппаратура.

...Таков был первый телевизионный репортаж из задуманной Нанни Лоем серии «Наше общество, каким мы его видим».

Сокращенный перевод с чешского В. МОГИЛЕВА

ГАРОЛЬД ГРИФФИН,
канадский журналист
(Специально для «Вокруг света»)

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ХАЙДА, СТАВШИЙ ПЕРВЫМ

Вильяма Рида, скромного работника канадского радио, коллеги считали чудаком. Вместо того чтобы, как все нормальные люди, ходить в кино или за бутылкой невинно сплетничать с сослуживцами, Рид все свободное время занимался тем, что вырезал из мягкого серо-голубого сланца замысловатые фигурки. Сланец он получал от соплеменников — индейцев племени хайда. Ведь только там, где живут хайда — на острове Грейам в архипелаге Королевы Шарлотты, — и добывают его.

...Двести лет назад, когда первые корабли европейцев появились у тихоокеанского побережья северной Канады, гордый и воинственный народ хайда насчитывал десять тысяч человек. Пятьдесят миль, отделяющие острова Королевы Шарлотты от материка, надежно охраняли племя от врагов.

Зато сами воинственные хайда частенько совершали набеги далеко на юг, до пролива Пьюджет-

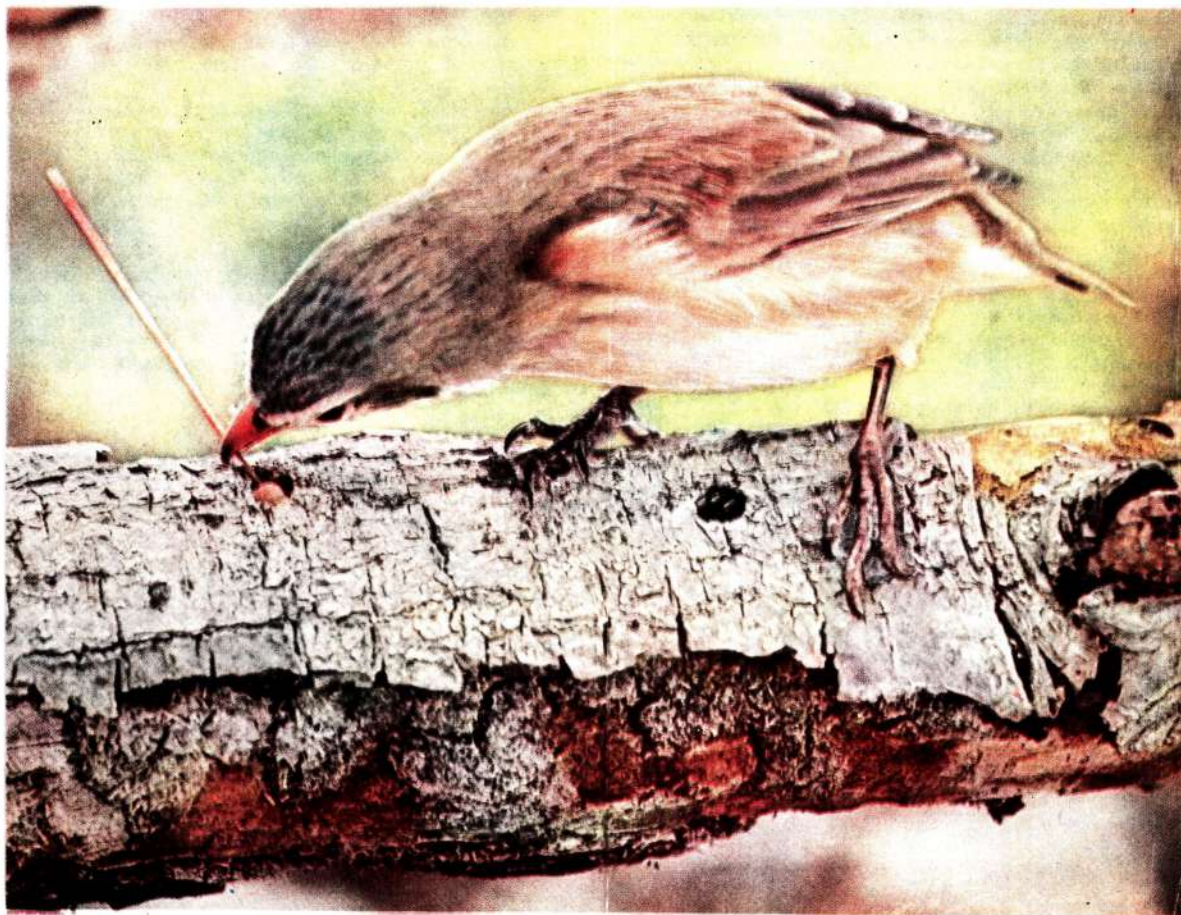
Саунд. В каждой искусно сделанной лодке сидело по пятьдесят воинов. Стоило жителям прибрежных селений услышать боевой клич хайда, как они немедля убегали в глубь страны.

Море давало племени пищу. «Когда кончается прилив, накрывается стол», — говорили старики. Косяки лосося шли мимо островов, и все племя выходило в море: нежная лососина не переводилась в домах хайда. Из шкур морского зверя делали одежду. Из стройного кедра сооружали лодки. Из коры деревьев плели циновки, канаты, корзины.

Долгими зимними вечерами люди хайда собирались в общинных домах на праздники — потлачи. Жители разных селений приходили друг к другу в гости, хозяева угощали гостей лучшими яствами — печенью оленя, медвежатиной, лососиной, выдержанной в яме. И могучие их вожди состязались в щедрости, даря друг другу шкуры, раковины и покрытые резьбой штатулки. Затеяливо украшенные столбы — тотемы высились у домов. Резчики хайда — по дереву, кости, раковинам — не имели равных.

Корабли белых переселенцев сначала редко, а потом все чаще и чаще посещали страну хайда. Они охотно приобретали у индейцев ритуальные маски, миниатюрные тотемы, ложки из раковины; слух об искусстве хайда распространился повсюду, куда забрасывала судьба купцов и мореходов.

До прихода европейцев хайда не знали металла и пользовались только каменными орудиями. Теперь они получили стальные ножи. Это позволило

им работать с новым материалом — серо-голубоватым сланцем. Из сланца хайда стали делать для продажи свои знаменитые трубки и фигурки животных.

Место, где находится карьер, — тайна племени, и хайда ревниво хранят ее.

Пришельцы принесли на острова различные болезни, и болезни эти, безобидные для европейцев, производили страшные опустошения среди индейцев. После нескольких эпидемий в племени осталось всего пятьсот человек, которые поселились в двух деревнях на острове Грейам.

...Коллекционеры из Нью-Йорка, Лондона, Оттавы спешили на острова Королевы Шарлотты и скупали у индейцев фигурки китов, палтусов, волков, бобров, медведей. В больших городах работы хайда стоили бешеные деньги. А фигурок становилось все меньше и меньше.

Сланец очень капризный материал. На воздухе он быстро твердеет и становится хрупким, поэтому работа с ним требует тщательности неимоверной. Недели, а то и месяцы корпит резчик над каждой статуэткой, а плата за труд столь мизерна, что ни один из индейцев не может прожить на нее.

Даже прославленным мастерам — Эденсоу, Гроссу, Джексону, Брауну, чьи работы выставлены в лучших музеях мира, приходилось подрабатывать на лесопилке или на консервном заводе.

Старые резчики умирали, и некому было продолжать их дело. Рвение миссионеров привело к тому, что молодое поколение хайда стало презирать собственную — «языческую» — культуру.

Традиционная символика забывалась, мало кто помнил старые легенды.

К тому же во многих магазинах можно было за умеренную цену приобрести пластмассовые «настоящие тотемы племени хайда» — эlegantная упаковка, ярлык: «Работа индейцев хайда», а внизу крошечными буквами: «Сделано в Японии».

Неожиданно Вильям Рид узнал, что его работы разыскивают музеи Америки и Европы, так же как и работы старых мастеров. Все чаще скульптор стал задумываться: почему же искусство его племени так мало интересует младшее поколение? Наверное, смысл старых символов становился им уже чуждым. Наверное, эти абстрактные символы древних мифов должны были принять новые формы и наполниться новым содержанием.

Чтобы всерьез изучить и понять принципы искусства хайда, Рид решил вернуться к своему народу. На радио он подал заявление об уходе. Служивцы пожимали плечами: «Чудак этот индеец, да и только! Твердый оклад, пенсия...» «Потянуло на тропу войны», — шутили другие.

Тропа войны? Что ж, пожалуй, это и впрямь была война — война с тем сознанием собственной неполноценности, которое убивало дух жизнелюбия у его соплеменников, ушедших от традиций своего народа и не воспринявших культуры белых. Да, это была война, война за их достоинство. И интерес к искусству хайда, появившийся вскоре у молодых, был, несомненно, победой в этой войне.

Первой победой.

Перевел с английского Л. МИНЦ

Б. СИЛКИН

ПЕРНАТЫЙ

МАСТЕР

Сто тридцать три года назад в тихоокеанских водах, омывающих Галапагосские острова, — клочки суши, нанизанные на экватор в сотнях километров от Южноамериканского континента, появился английский корабль «Бигль». Среди пассажиров корабля был 26-летний натуралист Чарльз Дарвин. Его целью было изучение богатой фауны островов.

Именно здесь, в этом затерянном среди океана мирке, родилась у молодого ученого идея эволюции видов. Идею эту подсказал ему (как утверждал сам Дарвин) выюрок галапагосский. Дело в том, что выюрки, обитающие на каждом из островов, заметно отличались друг от друга. Имя названной птички с тех пор неразрывно связано с важнейшей из биологических теорий.

Выюрок дарвинский не посрамил своего «крестного отца». Сравнительно недавно было установлено, что эта птичка обладает редким в животном мире талантом. Один из представителей этого семейства — камаринхус паллидус, а в просторечии — выюрок дятловый — умеет... изготавливать орудия труда.

Эта желтоклювая птичка питается древесными личинками и насекомыми. Но попробуй-ка достань добычу, спрятавшуюся глубоко в стволе, если твой клюв совсем не похож на то долото, которым вооружен настоящий дятел!

Заметив в коре дерева подозрительное отщербление и внимательно осмотрев его, выюрок улетает в ближайшие заросли кактусов или кустарника. Здесь он выбирает веточку, прутик или колючку, отламывает ее и, убедившись, что она хороша (предварительно отбросив несколько штук «в брак»), летит обратно. Примерившись, чтобы орудие было по руке, а лучше сказать, «по клюву», пернатый работник начинает ковырять им в норке, выгоняя оттуда личинку.

Во время обеда выюрок придерживает лапкой свой инструмент и, если палочка или колючка была удобная, потом опять использует ее — зачем добру пропадать.

Так выюрок дарвинский вошел в «избранное общество», члены которого пользуются орудиями труда. К этому обществу принадлежат: горная горилла, сшибающая палкой плоды с высоких деревьев, стервятник египетский, который, чтобы разбить крепкие страусиные яйца, поднимается над гнездом и с высоты бросает в него камни, калифорнийская морская выдра, которая раскалывает ракушки, прижимая их к камню, положенному на грудь.

ИСТОРИЯ РОТЫ

М

ДЖОН СЭК

Неделю, две, самое большее три недели — и они пришлют назначения в роту М. Они — это далекие олимпийские божеества, которые закладывают карты в электронную машину или просто в шапку, чтобы определить, куда направить каждого из солдат М. Кому остаться в Штатах, кому спокойно жить в Европе, а кому сражаться и умирать во Вьетнаме.

К черту! В этот вечер М занимало не то, что выпадет ей на картах, а более близкое будущее — смотр! Самый первый в истории М смотр, который проведет их молодой энергичный капитан. В этот вечер М в белом солдатском белье на-

драивала полы в своей казарме. Начищала черные походные ботинки и выворачивала наизнанку стволы винтовок, снимала пинцетами пылинки и мыла уши — все как полагается.

За несколько минут до этого аврала М внимала мольбам щуплого сержанта Милитта. «Приведите себя в порядок, ради меня, — говорил Милитт. — У меня жена и трое детей. Я ухожу затемно и возвращаюсь, когда темно. Я уже тридцать шесть часов со своим словом не перемолвился. Не знаю, может быть, они уже умерли», — говорил он, играя на чувствах М.

Теперь, на четвертом месяце своей армейской жизни и последнем месяце строевой под-

готовки в большом и открытом всем ветрам Восточном лагере, рота М знала, чего хотел от нее Милитт. В зеленой солдатской тумбочке все должно быть уложено в определенном порядке. Сам генерал предписал, что «Персодент» или какой другой зубной порошок (по вкусу солдата) должен располагаться в глубине тумбочки, слева, так, чтобы слова «зубной порошок» читались вверх тормашками — надо же до такого додуматься! Сам генерал постановил, что крем для бритья должен быть справа, что бритва, лезвия, зубная щетка и расческа должны покоиться на мыльнице, что все это должно лежать на белоснежном полотенце. Так провозгласил генерал.

К этому боевому приказу по всей армии простой сержант из М осмелился внести дополнение: он разрешил держать в тумбочке библию — между носовым платком и обувной щеткой — корешком вверх. Это было не обязательно — дело совести каждого, но другие отклонения от классической тумбочки будут караться, напоминал Милитт каждому: нарушители в субботу не получат увольнительных.

«Итак... постарайтесь, следуйте уставу», — призвал он и поспешил туда, где все еще, как ни странно, ждали его жена и дети, а М — рота, состоящая из 250 американских парней, самых разнообразных габаритов и характеров, в большинстве своем призывников и немногих добровольцев. — М добросовестно приводела в порядок свое жилье.

Последнее не относилось к рядовому Демиржину. Ему вся эта возня казалась идиотизмом, бессмыслицей. Все в М смирились, один лишь Демиржин замыслил добиться демобилизации. В своем воображении он не раз уже решался на самые отчаянные побеги, в глубине души сознавая, что из всего этого ничего не выйдет. Потом он стал думать о том, что можно упасть с лестницы и заявить докторам: «У меня расшатались мозги. Они так и перекачиваются в голове». Однажды, играя в футбол, он ушибся и испытал такое ощущение. Пока еще ни один из его планов не стал непосредственной угрозой для монолитности М, но сегодня вечером Демиржину пришла в голову новая идея. Вернее, идея пришла одному рядовому с суровым взглядом, когда они оба пили виски в перерыв в 10 часов. Этот рядовой был когда-то помощником шерифа или чем-то в этом роде в Янгстауне, штат Огайо. Он сказал, что можно запросто сломать челюсть, ударив точно в известное только ему место.

— Я согласен, — сказал Демиржин.

— Двадцать долларов! — кричал бывший полицейский, выхватывая бумажник из своего вместительного армейского кармана. — Ставлю двадцать долларов, что смогу это сделать!

— Ха, один малый вдвое здоровее тебя дал мне вот сюда и то ничего не сломал.

— А я тебе не туда двину, Демиржин! Где твоя двадцатка?

— Я тебе буду должен.

— Двадцать долларов, Демиржин!

Демиржин ему не очень нравился. Этот парень не был высок, как подобает солдату. Он сутулился, голову держал набок, напоминала скрипача. При разговоре его голова подпрыгивала, как баскетбольный мяч над корзиной.

— Я дам тебе расписку.

— Идет, подними подбородок.

— Эй, ты, полегче! Вчера на стрельбище он хотел, чтобы ему прострелили пальцы, — сказал приятель Демиржина Салливан, становясь между ними. — Он только и хочет, что смыться отсюда. Сломанной челюстью от армии все равно не отделаешься.

— Чепуха, — сказал Демиржин, — не смогу жрать и зачакну.

— Дурак, тебе бы ее починили в один день. Если хочешь выбраться из армии, пусть он тебе оторвет ногу.

— Ногу можешь оторвать? — спросил полицейского Демиржин. Бывший полисмен не ответил...

К двум часам ночи ногти роты М были чисты. Койки были заправлены без единой морщинки, ботинки сияли. Боевое снаряжение разложено поверх одеял, как предписывал устав генерала. Сама рота М заснула на полу. И только пылинки бесшумно опускались на плоды ее труда.

Первый урок должен будет вести капеллан. На нем сегодня лежала обязанность не дать М задремать после завтрака. Его предмет «Мужество» был мало интересен. Капеллан знал об этом и держал наготове всякие неожиданности. Например: «Я утверждаю, что только человек мужественный по убеждению может...» В этот момент капеллан сильно ударил ладонью по столу. Вырвав роту из оцепенения, капеллан закончил так: «...покончить с этим!»

Сегодня он собирался сказать: «А знаете, для чего нужно мужество в строевом подразделении? А вот для чего...»

Затем наступит бесконечная пауза. М будет таращить глаза и ждать, когда же их духовный наставник откроет им такую жизненно важную истину. Убедившись, что рота бодрствует, капеллан торжествующе изречет:

«Вас не криком можно пронять, а тишиной».

Потом урок вступит в главную

фазу. В классе потухнет свет, начнется фильм, и капеллан, захлебываясь, будет комментировать храбрость американских парней в джунглях.

М собиралась в своем бетонированном классе в 8 часов утра. Сержант прокричал: «Сесты!» Садясь на холодные металлические стулья, М гаркнула в ответ: «Сирены!» Так по крайней мере слышал непосвященный. На самом же деле они кричали название бригады «Синие стрелы». В М умели орать. Это поддерживало моральный дух, как считал их капитан, и не позволяло М дрыхнуть на уроках.

— Доброе утро, ребята, — сказал капеллан.

— Доброе утро, сэр! «Синие стрелы!» На часах! Могучий Майк! Аахх! — крикнула М в ответ. Что означает «Синие стрелы» — уже известно. «На часах» было девизом бригады, «Майк» — начинался с М. «Могучий» — определение, которым они себя окрестили без ложной скромности. «Аахх» — было необходимо для ритма, как возвращение к основному тону в конце песни.

Водрузив обе руки на кафедру, капеллан начал говорить:

— ...Мужество...

А в этот момент за много миль от Форт-Дикса происходило очень важное событие. И если бы только М знала, в каком хрупком сосуде покоились в то утро все ее надежды, мысли ее перемкнули бы с лекции, через лежащие на пути штаты в Пентагон, где в комнате без окон сидел майор Элмер Пульвер. Он сидел на вращающемся стуле и решал возложенную на него задачу.

В то зимнее утро перед майором лежали две колоды перфокарт. В первой были карты с зеленой каемкой, по одной на каждого солдата М. Во второй — карты без каемки указывали те районы земли, где армия нуждалась в солдатах.

Если по-казенному подходить к делу, следовало взять любую зеленую карту и любую белую и, соединив их скрепкой, перейти к следующей паре. Но майор был хороший человек, он знал, что имеет дело с людьми самых разных характеров. Он хотел направить каждого солдата туда, где ему будет лучше всего.

Некоторые из М хотели акусь «сладкой жизни» в Европе.

„ГЛОБУС“

„ГЛОБУС“

Другие предпочитали солнечные Гавайи или теплые карибские воды. Несколько любителей приключений выбрали Японию. Если верить картам, ни один из двухсот пятидесяти солдат М не хотел попасть во Вьетнам.

Много вечеров прошло с тех пор, когда высокий офицер из отдела личного состава собрал М и раздал всем анкеты.

— Ол райт! — сказал он. — А теперь, кто хочет в Европу, путь напишет «Европа».

Он ничего не обещал.

— Кто хочет на Карибское море... Аляску, Гавайи, Японию, Корею, во Вьетнам...

Перебирая вторую колоду карт, майор Пульвер убедился, что в этом месяце есть вакансии только в Западную Германию и во Вьетнам. Мы забыли еще сказать, что в тот морозный день Пульвер взял с собой в Пентагон восьмилетнего сына. Чтобы удовлетворить любопытство ребенка, он показал ему карты и объяснил, что, кто хочет в Европу, отправится туда, и что во Вьетнам попадут лишь те солдаты, которые этого хотят. «А если он в Японию хочет?» — спросил мальчик. И майор ответил, что, хотя в этом месяце нет вакансий в эту милую страну гейш и цветущих вишен, он делает для этого солдата все, что в его силах. Он пошлет его во Вьетнам, так как тот, очевидно, заинтересуется вообще Востоком, и к тому же сможет остановиться в Японии на пути туда или обратно. «А если он на Гавайи хочет?» И Пульвер ответил: «То же самое».

В полдень М с волнением ждала в своей казарме прибытия капитана. Последний, ничего не подозревая, вел свою машину в противоположном направлении, к Нью-Йорку. Ха-ха! Ловко придумал старый Милитт, хитрюга сержант. Он просто заставил М надраться до блеска, сыграв на авторитете капитана.

Он начал осмотр в два часа. В прекрасном настроении Милитт прошелся рукой по тумбочке первого солдата. Но тут-то он и уловил каким-то шестым чувством наличие той мерзости, истреблению которой он посвящал большую часть своей военной карьеры. С воплем «пыль!» он растопырил пальцы так широко, что мог бы ухватить баскетбольный мяч, и сунул их под нос несчастному владельцу тум-

бочки, которого звали рядовой Скотти. «Пыль! Пыль! Пыль! Все в пыли! — кричал Милитт, перебегая от тумбочки к тумбочке и каждую подвергая испытанию кончиками пальцев. — Это подсудное дело. Вы не готовы к смуте! — вопил он. — Когда я был рядовым и офицер открывал мою тумбочку, ему приходилось надевать темные очки! И он говорил мне: «Ты далеко пойдешь». — Милитт никак не мог примириться с тем, что у М отсутствовала инициатива. Его приговор — никаких увольнительных в эту субботу».

М была на маневрах. Это значило жить в палатках и метаться по четырем квадратным милям мнимого поля битвы утром, днем и вечером в касках, с карабинами наготове, постигая, как вести себя в присутствии противника. М сидела в окопах и ждала «нападения». В винтовках у М запас холостых патронов. Расстреляв обойму, солдат должен был бодро прокричать: «Бац! Бац! Бац!»

Молодой лейтенант, чья молодцеватая манера говорить сделала бы его отличным инструктором бойскаутов, трусил от одного окопа к другому, по-отечески постукивая каждого по каске. «Эй там! — подбадривал он Скотти, хозяина пыльной тумбочки. — Я обнаружил твою позицию — и знаешь почему? Твой котелок. Я еще издали услышал, как он звякает. Наполни его чем-нибудь, — настоятельно говорил лейтенант. — Положи туда листьев, хвои, пару рукавиц, туалетной бумаги, газет, ваты, телеграфную ленту, перья...» А Скотти внимательно слушал, стараясь запомнить все, что перечислял резвый лейтенант.

Лейтенант еще раз хлопнул его по каске и перебежал к другому солдату, Вильямсу, который всякий раз приходил в недоумение, когда армия выставляла перед ним очередное требование. «Ты, орел, держись пониже в окопе. Ничего не высовывай. Одну голову».

«Одну голову? Они это серьезно?» — думал Вильямс. Мыслимо ли, что из всего множества частей его тела армия требовала высовывать ту единственную, которая была наиболее чувствительна к вражескому огню. Неужели здравый смысл и служба настолько несовместимы? Ладонь

или локоть, если потребует долг, он еще может самоотверженно поднять над окопом. Но голову? «Если заметят — крышка», — думал он. Он предпочитал понадежнее укрыться и наблюдать, скажем через перископ, как идут события на ничейной земле.

Пока Вильямс раздумывал, мнимый враг атаковал. Сержант Чектоу крикнул в громкоговоритель: «Американцы, сдавайтесь! Не сдадитесь, поотрезаем вам пальцы к чертовой матери!»

Вечером в палатке был впервые поднят вопрос о Вьетнаме. Солдаты сидели, тесно сгрудившись вокруг пузатой печки. Ветер беспощадно раскачивал голую электрическую лампочку.

— Дверь закрывай! Ты что, в сарае родился? — проворчал солдат из Техаса, когда кто-то вошел.

— Он родился в пещере, поэтому и не закрывает дверь, — сказал другой.

А третий сказал:

— Это теперь так холодно, а целый год мы будем там, где даже ночью 60 градусов.

Тема эта редко поднималась во время маневров: Вьетнам был далеко. Последними словами в том разговоре стали слова Йошиоки, родившегося в Калифорнии в японской семье. Он знал от сержанта, что желтых во Вьетнам не посылают, так как другие солдаты могут принять их за вьетнамцев и выстрелить в них по ошибке. «Я туда не попаду. Я желтый», — объяснил он. И все опять заговорили о холоде. Нечего говорить, что Йошиока в анкете просил послать его в Японию — у него там была бабушка. Вильямс же просил Европу, где нет этих проклятых окопов.

«Нет, нет и нет!» — думал Демиржин. Пусть его пытаются, отдадут под трибунал, расстреливают — все что угодно. Но стричься он не собирается! Нет! Его дружки, как сумасшедшие, вылетали от парикмахера, размахивая руками и зывая к богам: «Как я поеду домой в эту субботу!», или: «Как же я теперь женюсь!». Один только Демиржин сохранил человеческий облик. Он просто сказал: «Нет». Конечно, сержант мог силой засадить его в кресло парикмахера. С электрическим ножницами стрижка займет всего пятнадцать секунд. Но сержантам было предписано вежливо обращаться с военнослужащими, а

тем более не вырывать у них из кармана кошелек, чтобы уплатить положенные профсоюзом парикмахеров 75 центов.

Так, Демиржин отвозил свободу, а парикмахер лишился денег, которые он зарабатывал за четверть минуты.

Демиржин понимал, что завтра он будет выделяться, как дикобраз на тыквенном поле. Он воображал, как майор подойдет к нему и скажет: «Солдат, ты разве не знаешь, что в присутствии офицера положено снимать волосы?» Или что-нибудь в этом роде. Если такое произойдет, думал Демиржин, он не ручается за себя. Он крикнет майору нечто ужасное. Сердце его сжималось, когда он представлял себе, как сдирает с себя форму, бросает на пол оружие, с шумом опрокидывает тумбочку...

А почему бы нет? Если уж после этого его не выгонят из армии, значит ничто другое не поможет.

На следующее утро Демиржин стоял у своей зеленой тумбочки, готовясь встретить роковой вопрос майора, полный решимости дать волю своим природным наклонностям.

По правде говоря, майора не особенно прельщала перспектива осмотра М. Это была обязанность не из приятных. Каждому солдату, к которому он подойдет, полагалось бодро вскинуть винтовку со словами: «Сэр, рядовой такой-то, взвод такой-то!» Майор начал со Скотти. С ним все сошло гладко, Скотти все давалось легко. Но у второй тумбочки солдат независимо прокричал: «Сэр, рядовой Пендер! Третий взвод!» — и обрызгал майора слюной, которую пришлось так и оставить на лице. Майор считал, что не пристало офицеру, производящему осмотр, одетому по всей форме, постоянно утирать лицо платком... Наконец, он подошел к парню, чье искаженное лицо не предвещало приятного общения. Майор смиренно остановился возле него.

Казалось, прошли целые геологические эры, образовались каньоны, вымерли динозавры, прежде чем один из них нарушил тишину:

— Меня зовут майор Смолл.

Застыгнутый врасплох, Демиржин шумно вздохнул и только после этого сказал:

— Сэр, рядовой Демиржин.

— Постарайтесь не забывать этого, — сказал майор и после-

довал дальше, оставив Демиржина в расстроенных чувствах, а заодно и в армии.

Сто пять человек из М отправятся во Вьетнам. Почти половина. Когда пришел список имен, старший сержант Дохерти удалился в свой кабинет. Он пробежал глазами список, перескакивая с одного имени на другое. Потом вложил список в конверт и запечатал. Сунул его в стол, запер, а ключ положил в карман. Тут он сообразил, что не сможет вечно скрывать эту тайну, что настанет день, когда он должен будет сказать об этом своей роте. Он знал об истинных потерях во Вьетнаме. Он говорил про себя: «Если бы... если бы я мог сообщить им вместе с этим какую-нибудь приятную новость...»

Тогда-то и осенила Дохерти необычайная идея. Все же он сможет кое-что сделать для этих юнцов из М. И он поспешил в соседний кабинет, где изложил свою мысль капитану. Тот, в свою очередь, поделился ею с полковником. Полковник из осторожности переправил ее генералу. А внизу этой внушительной пирамиды терпеливо ждал Дохерти.

Тем временем у генерала были и другие дела. Самое неотложное из них — добиться, чтобы занятия по пехотному делу стали более эффективными. Он прочел лекцию полковникам и майорам на тему о том, что он понимает под словом «эффективный». Генерала звали Экман. Он сказал, что в классе не место для сержантов, которые только и умеют что: «Ать, два! Живот втянуть! Грудь вперед!» Сержант на занятиях должен спокойно беседовать, применять тесты, использовать примеры из бейсбола и баскетбола.

— Взгляните на меня, вот я держу руки в карманах, — говорил генерал, подавая улыбку. — Кому-нибудь это мешает понять меня? Если так, я их выну из карманов.

И полковники довольно заулыбались. Возвратившись в свои кабинеты, они перепарафразировали это капитанам, те изложили это попроще лейтенантам, и, когда из этого сосуда мудрости вкусили сержанты, как раз те, что преподавали пехотное дело, в нем осталась лишь жалкая капля: «Будьте более эффективными». В понимании сержантов это означало стоять «смирно» и орать еще громче.

Но был сержант, который имел дерзость оставаться естественным. Это сорокалетний лысый балагур — сержант Фоули. Когда его не видели офицеры, он стоял у доски с руками в отвислых карманах. Говорил он старыми, грубыми словами, как говорят люди от земли. И не сводил при этом глаз с двери, чтобы какой-нибудь полковник или майор не застал его в такой позорной для солдата позе.

В этот снежный день он учил М очень важному делу: как ходить в ночной дозор.

— Если вам нужно проникнуть в интендантскую роту прачек, — начал он, улыбаясь, — можете ограничиться фонариками. Но если вы идете на роту стрелков, нужно предусмотреть каждую паршивую мелочь. Если у вас отказала винтовка, вы что же, так и будете стоять, выставив палец? Сами знаете, в каком виде вы вернетесь тогда в Штаты — в деревянном костюме. Если у вас нечем бить Чарли (а Чарли — это наш враг во Вьетнаме), возмите ему палец прямо в глаз и вдавите его в затылок!

Фоули давал эти указания улыбаясь. Смешно было вцепиться в глаза, не будучи даже друг другу представленными. Так подумали бы Свифт или Брехт. Но ведь Фоули и не собирался вести общие разговоры о целесообразности войны. Он только учил, как себя вести на войне.

Сидя на холодной скамье, один из учеников Фоули жадно впитывал каждое его слово — его звали Руссо. Маленький, круглый, с горящими глазами, он, как современный Дон-Кихот, стал жертвой поздних передач по телевизору. Прибавив себе лет, он вступил в армию в шестнадцать. Слушая Фоули, он то и дело шептал что-то героическое. Рядом с ним два солдата постарше играли в «крестики — нолики».

В пятницу, после завтрака М выстроилась на улице на церемонию поднятия флага. Когда отзвучала музыка, Дохерти опустил руку и, повернувшись к роте, бросил:

— Вольно! — И затем: — Вот список личного состава, получившего назначение во Вьетнам. Те, чьи имена я назвал, могут идти в комнату отдыха.

Так М узнала свою судьбу. Демиржин пошел звонить домой.

— Джиривер, — сказал он своему младшему брату, засовывая

в карман окровавленный носовой платок. У него пошла кровь носом, когда он начал плакать — это была первая реакция на новость, которую он в данный момент сообщал брату. — Я получил назначение во Вьетнам.

Руссо, тот самый, что завербовался в шестнадцать лет, стоял посреди комнаты отдыха и быстро и воинственно наносил удары воображаемым штыком. Он с радостью отправлялся во Вьетнам, хотя еще и не дорос до армии.

Идея Дохерти была одобрена в верхах. Все назначенные во Вьетнам получают трехдневные отпуска. Это и было приятной новостью сержанта. Он сообщил ее экспедиционным силам М, когда они собирались в комнате отдыха. Он сказал, что в 8 часов у них будут занятия по коммунизму, с 9 — два часа повторения военной тренировки, последний урок — по пехотному делу. В 12 они вернутся поесть. А когда уберут в казарме, получат свой отпуск. Они смогут провести с семьями вечера пятницы и субботы перед тем, как отправиться на войну. Хотя это и означает пропустить смотр самого полковника! К полуночи в воскресенье они должны непременно вернуться. С понедельника до среды будут заполнять анкеты, а их одежду тем временем покрасят в защитный цвет. В четверг они получат солдатские книжки, в пятницу отправятся во Вьетнам.

— Помните, что вы можете выразить свою благодарность за эти отпуска, только вернувшись вовремя.

— Так точно, сержант, — ответила М. Рота только и думала, что об этих отпусках.

— Не вернетесь, вас будут судить военным судом.

— Леди и джентльмены! Время полета до Сайгона приблизительно 18 часов. Обращаю ваше внимание на таблички «не курить» и «пристегнуть ремни».

М телела во Вьетнам на пассажирском самолете. Стюардессы роте понравились. Они все время подавали завтрак. Полдень никак не мог угнаться за самолетом М, следующим на запад. За Сиэтлом земля стала темной, над Алеутами было темно, над Токио стояла такая крошечная тьма, что Йошиока увидел от родины своих предков лишь десяток голубых огней. Темно было и в Маниле. Лишь огни на взлетно-поса-

дочной полосе отбрасывали тусклые голубые блики на штабеля алюминиевых армейских гробов, ожидающих посадки в противоположном направлении.

Наконец, самолет сел в Сайгоне. Смятыми задами своих защитных штанов М почувствовала, что она на легендарной почве Вьетнама.

— Джентльмены, — начала стюардесса, — температура на поверхности 50 градусов. Местное время 4.30 утра. Пожалуйста, не вставайте с мест до тех пор, пока...

Неделю назад М могла систематизировать все свои знания о Вьетнаме в трех коротких фразах: «Это около Китая», «Это не особенно преуспевающая страна», «Людам приходится есть рис, так как там много посадок риса». Но в промежутках между заполнением анкет и получением стальных касок М целых два утра поглощала премудрости практической географии. В армии это называлось «ориентацией». Сначала М показали фильм. Мрачный диктор отметил, что вьетнамцы живут в накаленной обстановке, а посему мирные устремления не соответствуют требованиям дня. После фильма лейтенант пояснил это с помощью карты. Коммунистические районы были окрашены в красный цвет, спорные районы — в розовый, а в белый — районы, где вьетнамский народ пользовался свободой. Все это было похоже на запачканную печенку больного кролика.

— Все только и знают, что пугать вас! — воскликнул сержант, которому М, кстати, позже аплодировала. — Послушайте, что я вам скажу. Во Вьетнаме полно красивых девушек. Выйдите из отеля «Капитоль». Поворот налево. Первый бар направо — «Черная кошка». Спросите Джуди, скажите, что я вас прислал.

Самый ценный совет М услышала от старшего сержанта.

— Доверять нельзя никому! Никому! Будь то мужчина, женщина или ребенок! — вопил этот сержант, которого звали Эдмайер. — Представим, что вы в Сайгоне, сидите там в баре. Входит малый в гражданском и кладет сверток под ваш стул. Встаньте и немедленно уходите. Или вы на улице делаете покупки. Какой-то малый бросает вам подарок — швырните его назад! Или у вашего отеля малый поставил тележку с мусором и улизнул. Не зевайте!

«Я живу, потому что ненавижу. Я ненавижу Вьетнам. Ненавижу, потому что я здесь. Ненавижу каждый дом, каждое дерево, каждую кучу соломы. Когда я вижу это, я хочу все сжечь...»

У Эдмайера были еще слова, но не было дельных рекомендаций против неожиданных мин, неистребимых москитов, кобр или скорпионов.

— У них есть там такой маленький по имени «мистер две ноги», — говорил он М. — Если он укусит вас за палец, не ищите в кармане нож или бритву! Если он вас укусит все равно куда — быстро ложитесь. Потому, что вы уже мертвец!

— Я во Вьетнам не гоюсь, — объявил Вильямс по окончании лекции Эдмайера. — Я трус.

— Все мы трусы, — сказал другой солдат.

— Допустим, так, — сказал олять Вильямс, — но вот представьте. Нужно, чтобы нас не было слышно. А если я увижу удава, стоящего на пузе, да я сразу же заору...

В 4.30 утра, когда Вильямс сошел с самолета, удавов не было. Демиржин был даже разочарован, что трава была зеленой, а пространство эвклидово.

Кто-то сказал:

— А вон Большая Медведица! Демиржину хотелось чего-то другого: Южного Креста или кометы Галлея, например, ради чего стоило бы пересекать половины меридианов.

Кровообращение во Вьетнаме не прекратилось. Сила притяжения действовала. Если вещи роняли, то они падали. И называйте это здравым смыслом или слабым воображением, ваше дело, но ничто не беспокоило М, когда она шла по аэропорту к низкому коричневому зданию. Американцы были повсюду, американцы в серой форме, в грузовиках и в «джипах».

В коричневом здании М заполнила анкеты.

Через несколько часов М отправится в глубь страны.

Серьезный сержант предупредил:

— Будьте начеку! Если мы проедем мимо вьетнамца и у него что-нибудь будет в руках, неважно, парень он или девушка, — разглядите, что у него в руках. Если не знаете, сообщите мне, да поскорее, — сказал он, смотря М прямо в глаза.

Возможно, М и прислушалась бы к этому призыву, если бы видела за кустами мужчин в маскировочных халатах или слышала бы какие-либо подозрительные звуки. Но на этом самом обычном военном аэродроме предупреждение звучало как совет параноика. И в самом деле, пока М тряслась по улицам Сайгона в своем грузовике, справа и слева она видела около пятидесяти тысяч лиц восточного типа. Из них сорок тысяч несли в руках деревянные ящики, плетеные корзинки и глиняные сосуды. Двадцать тысяч спешили мимо подпрыгивающей походкой — это уже подозрительно. Другие двадцать тысяч стояли неподвижно — еще хуже. Тысячи личностей оставляли свои дребезжащие тележки и уходили. На одной из заваленных мусором улиц ребенок без штанов, который играл с пустыми банками из-под пива, закатил одну из них под грузовик М. М не придавала этому значения. Видеть заговор в каждой сумочке и в каждом руле велосипеда — типичное сумасшествие. Так можно докатиться и до общества Бэрча.

Из всей роты только шестнадцатилетний Руссо внял совету сержанта.

— Не зевайте! — кричал он то и дело. — Вот еще один воз

с сеном. Я не свожу глаз вон с того малого! — вопил он, имея в виду молодого пешехода, который вынул из кармана своего черного одеяния цилиндр размером не больше сигареты, зажег его и закурил. Так они выехали из города, в котором все им казалось размером в две трети от привычных вещей, а краски не менее яркими, чем в парках развлечений.

Грузовик весело вкатил в дивизионный лагерь, разместившийся за высокой оградой из колючей проволоки. Старому пылененавистнику, свирепому Милитту, здесь было бы где разгуляться. Красная пыль была на каждой палатке, лежала на мешках с песком, покрывала каждого солдата, стоило ему побыть здесь хотя бы минуту. Оставив вещевые мешки в палатках, М стала ждать дальнейшего развития событий.

— Я буду писать письмо, — сидя на земле, говорил Руссо. — «Дорогой сержант, ры были правы. Здесь жарко...»

Йошиока от этой жары цветом лица напоминал уже кусок мокрого хозяйственного мыла. Повернувшись к сержанту «будь на чеку!», он спросил:

— Как здесь насчет военных действий?

— Какие там могут быть действия, — ответил ему Демир-

жин. — Здесь наверняка очень спокойно.

— Ш-шит, — произнес Йошиока свое любимое словцо, шипящее, как развязанный воздушный шар. — Ты-то откуда знаешь? Ты только что сюда приехал.

Получить ответ на этот вопрос им предстояло довольно быстро.

У-у-ух! — пронеслось над ними. Б-у-у-ум! — это взрывы. Та-та-та-та! — это пулеметы и автоматы. Гудели небеса, падали звезды. А М не боялась. Звуки эти стали привычными за зиму военных учений. М полагала, что весь этот гам — американского производства и не угрожает ее палаткам, что все это предназначено для какого-то предполагаемого врага, где-то там, далеко.

— Не пора ли им кончить? Я хочу спать, — сказал Вильямс.

Трах! Палатку тряхнуло. Дивизия начала прочесывать ничейную землю в поисках коммунистов в нескольких метрах от лагеря.

— Мама, — сказал Салливан жизнерадостно, — облеghi мне эти минуты.

— Некоторые любят играть в ковбоев и индейцев. Мне тоже это нравится, — сказал Демиржин. Но прозвучало это несколько громче обычного. По правде говоря, все это начинало его пугать. Нужно было быть человеком с большим воображением,

чтобы привычное повернуть другой стороной, чтобы понять, что банка с ТНТ может летать и в том и в этом направлении. И что по эту сторону колючей проволоки могут в один прекрасный день тоже прокатиться «бу-мы» и «трахи».

Он отхлебнул виски из бутылки, включил свой транзистор. Музыка заглушала чуждые ему звуки Вьетнама, а одеколон «Джей Ист» — пыльные запахи этой страны. Так прошла первая ночь М на войне. Перезвон личных знаков, когда М ворочалась во сне, храп солдат и грохот в ночи. Вот и все...

Но М не останется в этом грешном лагере. Вскоре она заполнит желтые анкеты и будет переброшена на вертолетах в глубь джунглей. В этот критический момент Бигелоу и пошел на попятный. Ему велели явиться в палатку службы информации. Бигелоу — этот везучий солдат, которому в Азии нужно было только одно — разбогатеть, — смекнул, что сейчас он стоит на развилке жизненного пути. Отслужив год в пахотной роте, он мог бы стать сержантом. Капрал получает 163,50 долларов в месяц, а сержант 194,10. Полтора года такого жалования, и он станет обладателем кругленькой суммы. С другой стороны, быть там, где убивают, имело и свои минусы. Бигелоу обучали управлять с минометом, из которого полагалось метать взрывчаткой в коммунистических солдат, находящихся в одной-двух милях от него. Но если Чарли подойдет поближе, скажем, упадет в его окоп, Бигелоу должен будет обороняться маленьким пистолетом, из которого ему еще ни разу не удалось как следует выстрелить. Сложная дилемма. Бигелоу разыскал сержанта «Будь начеку!», чтобы спросить у него совета.

— Не понимаю, какой дурак хочет служить в пехоте, — сказал сержант с удивлением (сам он пробыл там несколько месяцев). — Ты там никогда не просяхал. Одежда твоя гниет. Приходишь под крышу, стягиваешь нижнюю рубашку и выбрасываешь ее вон. В тебя стреляют и ранят. Когда вылечат, я имею в виду наполовину, снова посылают на фронт.

— Да, но продвижение по службе? — спросил Бигелоу.

— Слушай, парень, лучше быть

живым капралом, чем мертвым сержантом. Подумай об этом, подумай. Я тебе советую.

Бигелоу продолжал думать. Явившись в палатку информации, он вручил свою желтую анкету капитану, сидевшему за пыльной машинкой.

— Вы учились в Аризоне! А я в Неваде! — воскликнул капитан, и Бигелоу стал армейским публицистом.

Через несколько минут счастливый бывший минометчик появился в палатке, где М распахивала пожитки по вещевым мешкам.

— Эй, вы слышали, — сказал Бигелоу, бездумно улыбаясь, — я буду газетным репортером.

— Трус, — с завистью отреагировал один из минометчиков.

— Спорим, что мы больше получим медалей, чем ты?

Потом М погрузилась в вертолеты, с шумом поднялась и полетела на север, а Бигелоу остался в своем относительно спокойном убежище.

Местность, где расположился их батальон, была так поэтична, что хотелось читать стихи. Далеко тянулись ряды высоких деревьев, посаженных в далекие, безмятежные годы. Куковали кукушки. М уселась полукругом на землю, чтобы выслушать приветствие своего батальонного командира по случаю их прибытия на место, которое станет их домом на 1966 год.

— Я знаю, что вы много уже слышали о нашем батальоне. Что вы слышали? — спросил подполковник, наклонясь в ожидании ответа. Одной рукой он напряженно держался за кобуру револьвера, другой — за флягу.

Поза не располагала к искренности. Ответ не то, и, казалось, он выстрелит сразу с обеих рук — пиф-паф! И ответивший ему идиот упадет замертво.

— Я знаю, вы о нас слышали, не прикидывайтесь!

Проведя с толком уик-энд во Вьетнаме, М узнала: этому батальону, куда бы он ни сунулся, суждено было встречать Чарли. Число потерь в нем было дикое. Это был роковой батальон Вьетнама — так утверждала молва. Более того, в этот поучительный уик-энд чуткое ухо М услышало и о самой «Операции», помеченной грифом «секретно».

В следующий понедельник весь злосчастный батальон сядет в серо-зеленые вертолеты и отправится в логово Чарли. В течение семи дней М будет идти по кау-

чуковой плантации Мишелин, по тому самому аду, где однажды утром был уничтожен целый полк союзников-вьетнамцев.

— Ты! — подполковник ткнул пальцем в одного из минометчиков.

— Я слышал, сэр, на вас приходилось большинство военных действий.

— Ты слышал, что нас ранят и убивают, не так ли? Но ты слышал и то, что мы перебили кучу вьетконговцев. Что во Вьетнаме нет батальона, который перебил бы их столько, сколько мы. Это наша главная задача во Вьетнаме.

М слушала молча, ни по одному лицу нельзя было узнать, убедили ли ее слова подполковника.

А подполковник уже рассказывал, как им всем будет здесь удобно, их батальон — часть железного кольца радиусом в целых полторы мили с неприступной оградой из колючей проволоки. Салливану предстояло стоять в надежном, обложенном мешками с песком бункере и всматриваться в ничейную землю через едва заметную щелочку. К его услугам был весь арсенал американского гения: винтовки, пулеметы, ружья без отдачи — длинные, как пушки, их называют «лучи смерти», — все это будет у Салливана, даже ядерные бомбы...

«А где же девушки?» — гадал Салливан. Подполковник подходил к этому вопросу. В самом центре этого бастиона лежала вьетнамская деревушка с населением в 3200 душ, многие из которых, большинство, все — кто знает? — коммунисты. Некоторые настолько красивые, что крадутся по темному лесу и стреляют в спину американским солдатам. Месяц назад они убили одного подполковника.

— Я сказал, что вы здесь для того, — продолжал подполковник, — чтобы убивать вьетконговцев. Но есть и другая задача — завоевать умы и сердца вьетнамцев, сделать их лояльными своему правительству. У вас это не получится, если вы будете гоняться за девками. У вас это не получится, если вы выглядите неряшливо, если у вас рубашка торчит наружу.

Подполковник подходил к своей любимой теме. За эту манию его прозвали «Дым».

— Если у вас расстегнута пуговица, если вы не бреетесь, не стрижетесь, вьетнамцы сразу поймут, кто вы есть — лодыри. А к лодырям повсюду в мире

одинаково относятся и особенно на Востоке...

Еще пять минут этой душеспасительной беседы, и подполковник удалился.

М стала в очередь у палатки адъютанта, чтобы заполнить завещания. Говорили мало. М была подавлена не фейерверком речи Дыма, а тем неземным молчанием, которое он после себя оставил.

В этом батальоне, как и в любом американском батальоне, было три роты. М прибыла, чтобы их укрепить. Завещав свои посмертные 10 тысяч отцу, Мортон получил направление в одну роту; Демиржин — в другую, а Вильямс (тот самый, который опасался удавов и помышлял о перископе) — в третью. Один за другим расходились притихшие рядовые М по темным бункерам, чужаки на чужой земле. Ветераны читали имена новеньких на ярлыках и корчились от смеха.

— Эй, Салливан, ты что, ирландец?

— Да.

— С таким имечком только и быть ирландцем. Ха-ха-ха!

Над ними пролетел серо-зеленый вертолет с красным крестом.

— Эй! Гляди, еще трупы едут, ха-ха!

Они искали спасения в смехе. Ветераны не задавались целью быть жестокими. Целых полгода пробыли они во Вьетнаме, много исходили они за это время по джунглям, по минам. Вот убило рядового из Оклахомы, которому они давали галеты из своего пайка, а они ушли дальше... Сегодня ветераны отдыхали, а парни из М пришли на место тех, чьи койки были пусты.

В понедельник утром их батальон и три других батальона летели на каучуковую плантацию Мишелли. Коммунисты, эти светлые бобры, целыми днями строгали там бамбуковые палки, клали их в ямы-ловушки, прятали мины, гранаты. Каким-то непостижимым образом коммунисты узнали об «Операции» за неделю вперед, несмотря на ее особую секретность.

В вертолетах тоже были шорпы. Главным из них была черная, грозного вида винтовка. Она стреляла какими-то особыми пулями. Накануне отделенный сержант Демиржина держал одну такую пулю в руке, рассматривая ее долго и философски — ни дать ни взять Гамлет, созер-

цающий свой обнаженный клинок, — и говорил.

— Эта вот штукавина, — начал он монолог, — два или три круга в тебе сделает прежде, чем выйдет наружу. Войдет в живот, а выйдет из макушки.

...Деревья стали больше, рыжая земля ближе — вертолеты медленно спускались. Багажа у М было хоть отбавляй: у каждого патронташ, две фляги, лопата, противогаз, ранец, ручные гранаты.

— Выгружайся! — крикнул сержант Гор.

Вертолеты снова поднялись, а Демиржин остался лежать в засохшей грязи, на плоском поле. Он думал: «Это, должно быть, посадки риса». Раньше он, правда, никогда их не видел — во всяком случае, это не каучуковая плантация. Ха-ха! Вся история с приказом о секретной операции была для отвода глаз. И сам Дым до вчерашнего вечера ничего не знал. М была вовсе не на плантации Мишелли, а на целых 12 миль южнее в соответствии с настоящим секретным приказом. «Ура» мудрости американской армии!

— Проклятье! Потерял взвод! Черт подери! — бурчал обычно спокойный капитан Демиржина.

Ну да, он просто не туда направил взвод, ничего ужасного. Сказать по правде, коммунисты были так удивлены, что операция вдруг началась в необъявленном месте, настолько захвачены врасплох, что их там даже не было. Демиржину и всем остальным стрелять было не в кого. Стрелой пронеслись безмятежные ласточки, хоть пикник устраивай. Демиржин сидел на земле и думал: «Когда же мы будем что-нибудь делать?» Дитя, забытое судьбой, он оказался там, где пересекались абсцисса и ордината, где $X=0$ и $Y=0$ и все силы и молнии войны сводились на нег.

В полумиле над Демиржином Дым кружил по часовой стрелке в своем вертолете, ища потерянный взвод. В полумиле от Демиржина, на ящике из-под пайков, сидел офицер и крутил ручку своей рации. Он хотел узнать причину ужасного шума, доносившегося до него через посадки риса. Наконец офицер связался с Дымом.

— Это все огонь виноват. — Дым хотел этим сказать, что остряки из мотопехоты ворвались в ошеломленную деревню на своих 3500-фунтовых бронированных вездеходах и открыли огонь

из пулеметов 50-го калибра пулями величиной с сосиску. Таким оглушительным способом они хотели установить, живут ли в деревне коммунисты. Предполагалось, что остальные вьетнамцы заранее благоразумно убрались. В полумиле влево от Демиржина рота Мортон жгла вьетнамские дома, о чем ее и попросили.

— Перестаньте жечь эти дома! — кричал из вертолета Дым своим капитанам. — В этих домах нет вьетконговцев.

Капитаны сказали лейтенантам: не жгите эти дома, если в них нет вьетконговцев. Лейтенанты сказали сержантам: если уж жжете дома, то жгите те, где есть вьетконговцы. Сержанты сказали своим людям: жгите эти дома, потому как в них вьетконговцы. И Мортон продолжал чиркать спичками из своего пайка. Так или иначе, от деревни остались кучи дымящегося черного пепла.

А Демиржин все томился в ожидании приказаний и чистил ногти. Потом он вытащил из-за пазухи субботний номер «Старз энд Страйпс»¹ и, усевшись поудобнее, стал читать. «Я полагаю, что теперь слишком поздно спорить о том, необходимо ли наше пребывание во Вьетнаме, — сказал Стенникс, выступая в сенате... — Ки становится лучшим премьером, чем ожидали США и военные политики».

Урок текущих событий был прерван сержантом Гором.

— Двинулись, — сказал он.

Все это было в понедельник.

В среду Демиржин попал в засаду. Нет! В этом батальоне никто никогда в засаду не попадает. Дым доказал это силлогизмом. Первое: засада — это неожиданность. Второе: в этом батальоне ожидают всего. Третье: следовательно, никто в этом батальоне не попадает в засаду. Но когда какая-то шальная рота коммунистов набросилась на Демиржина с ружьями, карабинами, пулеметами и гранатами из-за каких-то вечнозеленых деревьев и люди вокруг стали исходить кровью и умирать, Демиржин был, мягко говоря, удивлен.

Демиржин начал этот день с того, что побрился, почистил зубы и забрался в бронетранспортер. В то утро взвод Демиржина, в котором было шестеро из М, прикрепили к мотопехоте и

¹ «Звезды и полосы» — название американского флага.

повезли на восток в джунгли. Шутники-мотопехотинцы окрестили эти джунгли Шервудским лесом. По глупому совпадению рота Чарли лежала в засаде именно в этом лесу. Когда бронетранспортерам случилось проезжать мимо нескольких желтых вьетнамских домов, где вполне могла притаиться пара снайперов, осторожные мотопехотинцы предали деревушку огню. Акт этот все американцы, чьи сердца на стороне бездомных, осудят с пылом пропорциональным их удаленности от данных домов. А вот Демиржин присоединился с удовольствием, бросив свою ручную гранату в соломенную крышу. Демиржин вовсе не видел в этом бессмысленности. Как и всякий солдат, он думал: наконец-то, наконец-то он делает что-то, имеющее явную связь с американскими военными устремлениями. Исполнив свой патристический долг, Демиржин стал читать «Старз энд Страйпс», а транспортер катил дальше. У этой колесницы была стальная шкура и черные резиновые лапы, крепкие, как у старого слона.

Когда подъехали к Шервудскому лесу, сержант велел взводу Демиржина идти впереди с винтовками. Демиржин шел со своим взводом к темному лесу, а транспортеры копошились позади, как клопы на ковре. Напуганный этой шумной колонной, из-за скирды сена выбежал щенок. Сержант закричал:

— Эй, посмотрите на эту чертову собаку!

И весь взвод Демиржина открыл огонь. Бац! Попали в ногу, пес запрыгал на трех лапах, споткнулся, упал и умер под градом пуль.

Коммунисты, сидевшие в зарослях, вообразили, что весь этот огневой шквал предназначался для них, и открыли ответный огонь. Когда вокруг посыпались пули, Демиржин был удивлен. С ним ничего подобного раньше не случалось. Он никогда раньше не видел настоящих коммунистов. Правда, он и сейчас их не видел, хотя тарачил глаза в сторону густых зарослей — источника всей этой неразберихи. «Уложите этого осла!» — вопил сержант. Салливан настойчиво тянул Демиржина за противогаз, стараясь склонить его к земле, но тот упрямо стоял посреди свиста, как Вашингтон при переходе через Делавер, сгорая от любопытства и желая увидеть хоть что-нибудь живое в этих джунглях. Нужно же было во что-то стрелять из этой черной винтовки. Демиржин знал, что несколько солдат уже были мертвы. Батальонный медик был убит, другой малый смертельно ранен. Ни тот, ни другой не были из М. Какой-то невидимый коммунист пробил каску сержанта. Каска расползлась на части, как мокрый бумажный пакет, странно, что голова уцелела.

Хлоп! Хлоп! Хлоп! Это было похоже на беспорядочные аплодисменты. М, за исключением Демиржина, лежала в канавах.

А Демиржин, не обращая вни-

«...Во Вьетнаме полно красивых девушек. Выйдите из отеля «Капитоль». Поворот налево. Первый бар направо — «Черная кошка». Спросите Джуди, скажите, что я вас прислал».

мания на одинокие зывания сержанта: «Уложите этого осла!», и повинясь лишь велению своей упрямой любознательности, обратился теперь направо, к непонятным синим клубам, исходящим от взводного сержанта. Пуля, попавшая в плечо, случайно задела синюю сигнальную ракету. Пока взводный снимал свои светящиеся помочи — хлоп! — еще одна пуля прошла сквозь сердце, и он умер. К нему подполз солдат и крикнул: «Эй, док!» — и этого солдата тоже убило. К тому времени Демиржин сообразил, что благоразумие не противоречит доблести, и припал к своей канаве. Он так и не увидел коммунистов. Время от времени он поднимался, чтобы осмотреться. Он все надеялся стрельнуть из винтовки по лесу.

Когда серебристые самолеты стали бомбить деревья, Демиржину только и оставалось, что лежать в своей канаве и наблюдать за колонией черных термитов, поедающих серого жука. Показалась любопытная серо-зеленая гусеница, и Демиржин раздал ее. Обращаясь к этой недоразвитой бабочке, он сказал: «Выживает сильнейший, а ты не из сильных». Бум! Бум! Бум! Из-за скирды выскочил пожилой вьетнамец. Он в панике бежал, воздев руки к небу и давая этим понять, что он сдается. Старика взяли в плен. Он оказался местным крестьянином.

К этому времени призрачная стрелковая рота Чарли испарилась. Сержант поднялся на ноги и сказал, глядя вслед удаляющимся бомбардировщикам: «Пошли обратно на транспортеры».

В эту ночь в своих окопах закаленные ветераны роты М, довольные тем, что выжили, слушали по радио о своей «Операции»; потери американцев отмечались как незначительные. Потом играл джаз. Так прошла среда.

В четверг Вильямс из Флориды, сторонник перископа, добился права на своего рода бессмертия: он действительно увидел

коммуниста. Такого не удостоился никакой другой вояка из бдительного батальона М за всю «Операцию». Коммунист уставился на Вильямса из кустов. Расстояние не превышало длину стола для пинг-понга. «Хо!» — воскликнул Вильямс в ужасе.

Но начнем по порядку.

В четверг утомленный взвод Демиржина предавался заслуженному отдыху, а рота Вильямса и рота Мортонa шли по темным джунглям Шервудского леса. Шли медленно — мешали всякие растения и маленькие красные муравьи. Задача была определена четко: подорвать источник силы Чарли — коммунистические запасы риса. На двух-трех тоннах этой рыжевато-сыпучей дряни батальон Чарли мог продержаться в походе неделю. Маленький веселый вьетнамский солдат был приставлен к ним, чтобы санкционировать поджоги и взрывы. Он должен был убедиться сначала сам, что рис в тайнике действительно коммунистический. Он имел опыт в этом мистическом искусстве.

Идти по джунглям было все равно, что рыскать по чердаку в жаркий день. Старые сырые банные полотенца бьют по лицу, ржавые крюки для одежды хватают за волосы. Более того, в этих диких зарослях были снайперы, зашелестят листья и — хлоп! Но ничто так не досаждало ротам Вильямса и Мортонa, как муравьи. Маленькие красные насекомые не видали

таких сочных пришельцев с запада вот уже четверть столетия — французы не решались показываться в этих предательских местах. Сердобольному Вильямсу и в голову не приходило убивать этих муравьев. Он смахивал их с себя, не прибегая к страшному возмездию. В таком невоинственном расположении духа находился Вильямс, когда произошла его неожиданная стычка с коммунистом — вьетнамцем в белой рубашке с черными волосами. Никогда не забудет Вильямс его густые волосы. Отдыхая в овражке, Вильямс услышал хруст сучка и, обернувшись, увидел этого черноволосого незванного гостя. Тут-то он и крикнул «хо!» и инстинктивно нырнул в свой овражек. Пуля прожгла ему лопатку, и Вильямс крикнул «ох!». Он зарылся испуганным лицом в грязь, высоко подняв свою черную винтовку, как африканское копье, и непрерывно крича:

— Сержант! Сержант! Сюда! (Королевство за перископ!)

— Что случилось? — спросил сержант Вильямса, подбегая к месту происшествия.

— Стреляйте! — кричал Вильямс, все еще роя грязь лицом. — Я видел одного!

— Где?

— Вон там! Он ранил меня! — Вильямс поднял голову, всматриваясь в вечнозеленые деревья, но черноволосого коммуниста и след простыл.

— Куда?

— Вот, в плечо!

— Чушь, просто рикошетом задело.

— Сержант, это был не рикошет! Я ранен, я знаю, что ранен!

— Держись! — сказал сержант. — Ты не ранен, все о'кэй! Вильямс в изумлении поднялся на ноги и огляделся:

— О'кэй, я попробую.

— Пройдешь через джунгли?

— Я попробую.

Когда Вильямс возобновил свой марш через путающиеся лианы, прутья били его по плечам, тянули за ноги. Черными волосами казались ему лианы, черные волосы вырастали из темного воздуха.

— Только бы выйти отсюда — никогда больше не вернусь, никогда! — бормотал он.

В пятницу случилось то, чего так долго ждали, — батальон М убил, наконец, кого-то.

— В чем дух штыка? — кричали на учениях в Америке сержанты с выпученными глазами.

— Убивать! — так М научилась кричать в ответ.

— Враг упорен, он не удерет от испуга, — говсриги сержанты, — надо убивать его.

И утром в пятницу М убила. В этот критический момент М испытывала смешанные чувства, сами понимаете. Одни солдаты расчувствовались при виде восковой смерти, на других это никак не действовало. Еще в учебном лагере М раздумывала об этом. Ньюмен представлял

себе коммуниста, неотвратимо бегущего на него, и спрашивал себя: «Могу ли я его, в самом деле, убить?» Но его приятель просто рассмеялся и сказал: «Ерунда! Я это я, а он это он», — желая этим сказать: «Если я убью этого парня, это его забота, а не моя».

В тот день Ньюмен вылез из транспортера, чтобы предать огню очередной желтый домик. Минуту раньше он видел, как из него выбегали женщины и дети. Ньюмен смутился. Он сказал сержанту:

— И зачем это делать? Завтра они просто построят себе другую хижину.

Но в душе он подумал: «Сожгу я их дом, и они станут после этого коммунистами, разве не так?» Все же Ньюмен выполнил приказ. Перед тем как чиркнуть спичкой, он ладонью закрыл коробок — на крышке было начертано: «Где свобода, там мой дом. Бенджамин Франклин».

Потом произошел этот случай. Один мотопехотинец увидел что-то похожее на бункер — хижина сверху, а внизу нора. Услышав оттуда какие-то голоса, он приказал Демиржину бросить гранату. Тот заколебался, и другой солдат, спрыгнув с транспортера, сам пулянул туда гранату. Она покатила к двери, задев за земляной порог, перед тем как взорваться. Солдат разинул рот при виде десятка женщин и детейшек, с воплями выскочивших наверх. Солдат вскочил на свой транспортер и поехал дальше. Следующая в колонне машина с Йошиокой на борту подъехала к этой хибаре, и один солдат, не выпуская винтовки, осторожно просунул туда голову. Две, три секунды он вглядывался во тьму, потом вскрикнул:

— О боже!

— В чем дело? — спросил его парень, у которого Йошиока был вторым номером на пулемете.

— Они попали в девочку. — И вынес семилетнего ребенка с длинными черными волосами и широко открытыми неподвижными глазами. Глаза эти навсегда останутся в памяти М. В них, казалось, не было белков, одни только черные эллипсы, как черные рыбки. Из носа у нее шла кровь, в затылке была дыра.

— Сэр, — сказал сержант мотопехоты. Большим пальцем он нажимал рычаг своей рации. На проводе был капитан. — Сэр, здесь ранило девочку, гражданскую...

Сержант надеялся, что при-

шлют вертолет и девочку доставят в одну из битком набитых больниц для гражданских, где пациенты лежат по трое на койках.

— Роджер¹, — сказал капитан. Но тут ребенок вздрогнул и умер.

— Сэр, — сказал сержант, — девочка умерла.

— Роджер, — сказал капитан, и машины двинулись дальше, задержавшись на минуту, пока пулеметчик Йошиока раздавал детям жевательную резинку и утешал мать девочки: «Нам очень жаль». А мать начала головой, наверное, она хотела сказать: ну что вы, это с каждым могло случиться. У нее самой из плеча торчал осколок, и медик сделал ей перевязку.

Йошиока видел, как умирала девочка, — он стоял тогда у бункера. Он не испытывал никаких особых чувств по поводу несчастий Азии, хотя сам был желтый и мать его жила когда-то в Хироксиме. Но, будучи американцем, он любил детей. Йошиока отвернулся, его лицо покрылось восковой бледностью и стало неподвижным. Он не обладал умением удачно выражать свои мысли, поэтому Йошиока просто сказал про себя свое любимое слово и обещал себе забыть об этом. Но он не смог этого осуществить, так как тремя пятницами позже, спрыгнув с пыльного грузовика, увидел блестящую проволоку между кустами и довольно флегматично объявил: «Вот мина!» Их сержант вытянул руку, чтобы задержать солдат, он вытягивал ее, вытягивал... словом, тремя пятницами позже Йошиока по странному капризу судьбы был ранен точно так же, как тот ребенок с неподвижным взглядом. Сержант дотронулся до проволоки и был убит. Тот солдат, который обнаружил девочку, был убит. Ньюмена пробило осколками, и он был эвакуирован. А солдаты говорили в тот вечер: «убило Йокасоку», так и не научившись правильно произносить его фамилию и не зная, что Йошиока лежит в сайгонском госпитале и находится где-то между жизнью и смертью. На бритую его голову наложжили огромные швы, и она моталась налево-направо, как бы говоря: нет, нет, нет.

В субботу, последний по плану день «Операции» и пятнадцатый с тех пор, как Милитт сказал М:

¹ Сигнал принят.

«У меня дома жена и трое детей», в субботу М нечего было делать, разве что проталкивать кусочки ваты сквозь стволы своих винтовок. Демиржин сказал: «Я свою уже вчера почистил», — и уселся у окопа со специалистом-4 разгадывать кроссворд из «Старз энд Страйпс». Стулную спину свою он обратил в сторону коммунистов, если таковые здесь имелись.

— Название города. Афины. Вот хорошее слово, — бормотал Демиржин.

— Комната в гареме, — тихо парировал специалист.

— Десять по вертикали, — сказал Демиржин.

— Девять по вертикали, — сказал специалист-4.

Салливан читал «Оставшиеся без ответа вопросы об убийстве Кеннеди». Руссо (куда девался его боевой дух) был сломен: его отряду — охотничий нож поглотили джунгли, кроме того, у него было недомогание на почве жары. Сидя под кокосовой пальмой, он шепотом сообщал друзьям свой истинный возраст, втайне надеясь, что они донесут командованию.

Мортон сидел в своем окопе и доедал паек. Он то и дело обращался к своим друзьям с вопросом: почему они жгут вьетнамские деревни — до него это не доходило. В пятницу утром он спросил у своего сержанта: «Сержант, сжечь этот дом?» — «Вот возьми это», — ответил ему сержант, снимая с кухонной полки банку с керосином. Ладно, приказ есть приказ, с этим Мортон был согласен. Но потом сержант сказал: «Хватит», а его вольные друзья Мортон все жгли, пока не превратили деревню в Лидице в миниатюру. И теперь Мортон всех спрашивал: зачем? Его друзья, ветераны, заверили его, что он станет менее чувствительным к вьетнамцам, после того как они несколько раз попытаются убить его. Один из его друзей сказал: «Ты так на это посмотри. Ты сжиг их дом — если они еще не вьетконговцы, они потом ими станут». Этим он хотел сказать: «Не раздумывай и сожги этот дом». Неопровержимость логики смутила даже Мортон. Другой сказал: «Я жгу, потому что ненавижу. Я ненавижу Вьетнам. Ненавижу, потому что я здесь. Ненавижу каждый дом, каждое дерево, каждую кучу солом. Когда я вижу это, я хочу все сжечь». — «Что ж, — сказал, смеясь, Мортон, — может быть,

через несколько месяцев я тоже буду жечь дома». Но этому не суждено было случиться. Потому что спустя две недели, когда Мортон шел по пыльной дороге, раздался взрыв, и он погиб, подорвавшись на mine. Он лежал в грязи, и всем казалось, что у него три или четыре ноги.

«В его честь мы устроили службу», — писал капеллан родителям Мортон в Техас. — Для вас, — писал далее капеллан в своем стандартном письме, — также может служить утешением тот факт, что Билли служил благородному делу, помогая хорошим людям жить в условиях свободы здесь и во всем мире. Вы остаетесь в моих молитвах. Родители выполнили давнюю просьбу Мортон и похоронили его в гробу с обивкой горохового цвета, в его любимом костюме с одной пуговицей.

— Где находится Тадж-Махал? — спрашивал специалист-4. — В Индии, в Индии! — кричал Демиржин.

— Слишком много букв. Покончив с кроссвордом, они перешли к новостям и обнаружили репортаж об «Операции».

— Гы, гы, — сказал Демиржин. — Вот уж не думал, что они так это расписуют.

— «Дивизия», — читал специалист, — провела самую большую

кампанию за всю вьетнамскую войну» (Да? Не знал я этого!), даивув тысячи солдат в непроходимую лесистую местность...»

— Лесистую! — закатывая глаза, кричал Салливан.

— «Закаленная в боях дивизия...»

— Закаленная в боях! Ха-ха!!!

— «Чтобы захватить громадные силы Вьетконга, которые, как предполагалось, занимали этот район, дивизия выступила со скоростью молнии на рассвете в понедельник. Пехота и танки, а также транспортеры устремились в назначенную местность, чтобы полностью ее окружить. Другая часть войск продвигалась через джунгли к востоку...»

— Застигнутые перекрестным огнем! — кричал Салливан, и веселье в М продолжалось, пока к этой линии обороны не подошел сержант с двумя полосками и не велел взводу Демиржина прекратить валять дурака и прибрать местность вокруг окопов.

...Через несколько месяцев Салливан был откомандирован в Сайгон охранять американский бордель. Вильямс готовил подливку на кухне, удивляясь, почему Кэтрин не пишет. Ньюмен все еще был в полевом госпитале. Вставший на путь искренности и почтено уволенный, Руссо был в Йонкерсе. На параде в День

памяти павших он был церемониймейстером. Бигелоу ждал отправки в Алабаму, чтобы там учиться водить вертолеты, — 298 долларов в месяц. Прохаска, служивший в Европе, был в трехнедельном отпуске на Ривьере. Чудом выживший Йошиока был в Калифорнии, Мортон на кладбище в Техасе, а Демиржин все еще был в своем боевом отделении, которое генерал назвал «лучшим в батальоне».

Демиржин ожидал звания специалиста-4. Коммунистов он так и не видел, равно как и не встретил вьетнамца, который бы знал хоть что-нибудь о коммунистах или хотел воевать с ними. Во время операций Демиржин качался в джунглях на тарзаных лианах, глазел на высокие желтые пожарища. Армия ему нравилась. Он говорил себе без всяких вывертов: «Я хотел бы сжечь дотла всю эту страну и устроить все заново по-американски».

Одна четверть миссии Демиржина во Вьетнаме была благополучно выполнена и осталась позади.

Сокращенный перевод
А. РЕЗНИКОВОЙ
и Д. ВЛАДИМИРОВА
из американского журнала
«Эсквайр».

▼ со стр. 49

Спешу заявить, что мне знакомы все стандартные доводы в пользу малой вероятности этой гипотезы. В солнечной системе, по-видимому, нет хороших мест для развития разумной жизни. Главным же научным возражением на предположение, что нас когда-то посещали (или могут когда-нибудь посетить) существа из других звездных систем, являются проблемы, связанные с энергетикой движения. Эдуард Парселл из Гарварда опубликовал сокрушительный анализ трудностей межзвездных перелетов. Но все его (и многих других) доводы против вероятности межзвездных перелетов сформулированы на языке сегодняшних научных познаний и сегодняшней технологии. Конечно, Парселл и его единомышленники заглядывают далеко в предвидимое будущее. Но в этом термине — «предвидимое» — может скрываться ловушка. Может быть, существуют уровни технологии, настолько превосходящие все, что мы можем себе представить, что для них возможны вещи, которые мы сейчас считаем совершенно невозможными. Разумеется, это довод легковесный. Я, конечно, в своей ежедневной работе не прибегаю к таким доводам и могу прибавить, что вообще не интересуюсь научной фантастикой.

Но после года внимательной работы с сообщениями о самых необычайных явлениях, поступающими из всех частей нашей страны и (как я полагаю)

почти со всего мира, я оказался вынужденным рассмотреть возможности, о которых люди вроде меня вообще никогда не задумываются ни на минуту.

Я не могу принять психологических объяснений явлений НЛО. Мои заключения таковы. Объекты, расклевывающие самолет, будоражащие поверхность при резком опускании на воду, едва ли могут быть простыми мысленными проекциями. А реакции животных резко противостоят всякому объяснению таких явлений иллюзией или галлюцинациями.

Другие гипотезы — мистификация, обман, подделка — годятся для объяснения некоторых, ничтожных в процентном отношении, случаев НЛО. Многие из сообщений о НЛО можно объяснить неправильно истолкованными метеорологическими или астрономическими наблюдениями, но опытный исследователь отличит их почти с первого взгляда. Наиболее ценны подробные наблюдения близких объектов, сделанные достойными доверия лицами. Количество таких наблюдений, по-видимому, увеличивается. В конце 40-х годов подобных наблюдений почти не было; за последние 10—12 лет они насчитываются десятками. В доказательство этой гипотезы можно привести много других сообщений. Как я считаю в настоящее время, у нас нет другого разумного выхода, как лишь принять чрезвычайно неприятную для нас гипотезу о том, что НЛО являются инопланетными зондами, явившимися откуда-то издалека.

Перевела с английского З. БОВЫРЬ

ЛАССО НА ТОРНАДО

Американский ученый доктор Вернон Россоу предложил метод укрощения торнадо. Эти «сухопутные» смерчи, часто возникающие на юге США, передвигаются со скоростью до 300 километров в час и наносят значительные разрушения. При этом в год погибает около тысячи человек. В 1965 году в один день 37 торнадо унесла с собой 271 человеческую жизнь. Ученый предлагает заземлять возникающие в грозовых облаках электрические поля трехкилометровым кабелем, который следует запускать при помощи ракеты. Вниз кабель должен спускаться на парашюте и сворачиваться спиралью на земле.

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ В ОДНОЙ УПРЯЖКЕ

Как путешествовать, располагая минимальным количеством денег и достаточным запасом энергии? Только на велосипеде. По крайней мере к такому выводу пришли двадцать восемь молодых учителей из Цюриха: они построили один велосипед и все усердно крутят педали. Теперь путешественники выбирают маршрут попрямее — один крутой поворот, и друзьям придется разбирать всю конструкцию.

ЖАЛЬ, НЕТ ШЕРЛОКА ХОЛМСА...

Коллеги Шерлока Холмса из лондонской полиции до сих пор не смогли отплатить знаменитому литературному герою за многие его услуги, оказанные в прошлом Скотланд-Ярду. Большие года назад в дом-музей Шерлока Холмса забрались воры. Справедливости ради надо сказать, что они не разграбили экспозиции, не тронули ни кепки детектива, ни его знаменитых трубок. Зато они очистили кассу музея. Газеты полагают, что, существовать Холмс на самом деле, ворам не пришлось бы так долго гулять на свободе.

ДЛЯ ТЕХ, КТО РОСТОМ НЕ ВЫШЕЛ

Трудно человеку маленького роста — в кино не видно экрана, в театре сцены. Тем более трудно в Норвегии, где средний рост населения превышает европейский стандарт. Защитой интересов тех, «кто ростом не вышел», занялся созданный в Осло Клуб низкорослых. Этот клуб резервирует своим членам места в театре в двух первых рядах. Попасть в члены клуба, однако, не так-то просто: принимают в него только людей ростом ниже метра пятидесяти.

ДЕВИЗ — ВОДА

На гербе молодого африканского государства Ботсвана, истинный бич которого засуха, начертан девиз: «Да будет дождь!»

ГДЕ БЫ МЕСТО НАЙТИ ПОМРАЧНЕЕ?

Слишком живописный вид открывается из окон тюрьмы в княжестве Монако. К такому выводу пришла авторитетная комиссия, порешившая перевести тюрьму в другое, «более мрачное место». Сейчас проводится тщательное обследование территории княжества в поисках такового.

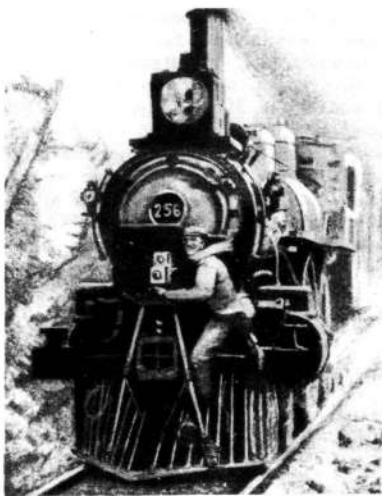
СТРАШНЕЕ ТИГРА

Даже тигр, сбежавший из зоопарка, вряд ли доставил бы больше неприятностей жителям испанского города Гренады, чем принес их выпорхнувший из клетки попугай. Беда вся в том, что попугай мастерски подражал полицейскому свистку. Четыре дня раздавались на улицах свистки, движение было серьезно нарушено. Только на пятый день удалось поймать пернатого мистификатора.

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

„Вокруг света“ 1912 г.

КАК ПОЛУЧАЮТСЯ КАРТИНЫ ДЛЯ КИНЕМАТОГРАФА

Много тысяч людей заняты новым родом промышленности или искусства — приготовлением фильма для кинематографа. Еще недавно публика с удовольствием смотрела на воспроизведение случаев из повседневной жизни или сенсационных происшествий в форме движущихся картин. Но теперь это уже не удовлетворяет ее. Все шире и шире раздвигаются рамки кинематографа, и вместе с тем все сложнее становится работа кинематографа. Часто она бывает даже сопряжена с серьезными опасностями. Например, кинематограф, примостившийся со своим аппаратом на быстро мчащемся локомотиве и на всем ходу снимающий виды бегущих мимо скал. Одно неловкое движение — и смелый замысел может закончиться

смертью. Если же он удачи, то зрители будут восхищаться сменой ландшафтов как бы из окна поезда на всем ходу.

ВОЙНА С КОШКАМИ

В Нью-Йорке появились фурманчики, ловящие на улицах бездомных кошек по приказанию муниципалитета, испугавшегося чрезмерного распространения животного.

Однако в американскую печать прошли слухи, что три фургона-автомобили, наводящих ужас и вызывающих негодование у всех любителей этого домашнего зверька от 10 часов вечера до рассвета, отвозят своих прекрасных пленниц на фабрику консервов, которые в большом почете у французов под именем «Pâté de lièvre» («Паштет из зайца»).

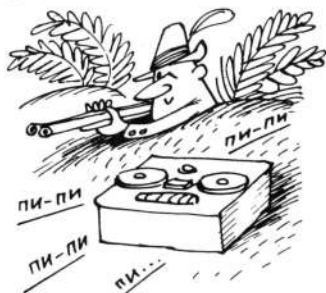
СОБАКА-ПРОРИЦАТЕЛЬ

Сентаро Накаджима из Токио открыл у своего пса Сачика удивительную способность предсказывать судьбу. Стоит задать псу вопрос, как он начинает лаять. Накаджима толкует этот лай. Неизвестно, сбываются ли предсказания четвероногого оракула, зато известно, что давние мечты самого Сентаро о процветании, похоже, становятся явью.

МАГНИТОФОН-ОХОТНИК

Куницы, необычайно размножившиеся в западных районах Венгрии, стали бичом для домашней птицы. Охота на куницу крайне сложна — у хищника очень тонкий слух. После длительных экспериментов венгерские охотники нашли особый подход к кунице. На нее стали охотиться с магнитофоном, где записан писк полевой мыши. Против техники куница не устояла.

Встревоженные американцы заявили протест, но общественное мнение было скоро успокоено «отцами города», объявившими, что вышеозначенные пищевые продукты идут исключительно за границу.

БУЙВОЛ, УБИВШИЙ АВИАТОРА ЛАТАМА

Мы сообщали о смерти отважного авиатора 7 июня на охоте в Экваториальной Африке. Латам охотился в области Убанги-Шари на черных буйволов, охота на которых считается не менее опасной, чем охота на носорога и слона. Буйвол чуток, осторожен и, увидев врага, свирепо бросается на него рогами вперед. Туземцы выгнали буйвола прямо на Латама, он выстрелил, ранил животное, но не успел дать второго выстрела, как буйвол бросился на него. Когда подоспели туземцы, все уже было кончено.

В ГНЕЗДЕ ПИРАТОВ

...Пушечный выстрел потряс крепостную старинной кладки стену, заволокло дымом округу. С криком посыпались вниз пираты — как и подобает, в красных платках, с саблями и пистолетами. Затем туристов ведут дальше.

Таковую программу развлечений собираются подготовить туристское агентство на Ямайке, где решено полностью восстановить знаменитый Порт-Ройал — гнездо карибских пиратов. Город был разрушен в 1692 году землетрясением, а остатки крепости смыты нахлынувшей волной.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОЛ

Коллекция наград легендарного футболиста Пеле пополнилась еще одним трофеем — золотой медалью бразильского министерства просвещения, присуждаемой за успехи в борьбе с неграмотностью. Знаменитый мастер гола удостоился ее за свою книгу «Я — Пеле». Она пользуется таким колоссальным успехом, что многие неграмотные специально осваивают алфавит, чтобы лично ознакомиться с мемуарами своего любимца.

ВОДОПРОВОД НА БУМАГЕ

Бродя по Милану, итальянский журналист увидел контору, над входом в которую красовалась вывеска: «Строительство и эксплуатация водопровода в итальянской Восточной Африке». Заглянув в контору, любопытный репортер выяснил, что в этом государственном учреждении трудятся 22 служащих во главе с директором. Тут стоит напомнить, что Италия вот уже двадцать лет, как рассталась с означенной Восточной Африкой, да и мифический водопровод в итальянских колониях не выдал ни капли воды... Зато капают денюжки.

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

ПРО БЕГЕМОТА, КОТОРЫЙ ДУМАЛ...

...что он слон. Был такой странный бегемот, по имени Герман, подружившийся со слонихой Луизой. Вроде был и не слон, но уже и не совсем бегемот. В общем он вполне заслужил славу и известность. Потому-то мы о нем и написали в августе позапрошлого года.

Прошло время. Бегемот рос и, надо полагать, думал.

«Ну хорошо, — подумали мы. — Он не бегемот и не любит теплую стоячую воду и не лежит часами, слушая бесхитростную болтовню лягушек. Теперь он слон и любит приволье и листья, с которых перед едой сгоняет птиц».

Но это же какое-то раздвоение личности получается. С одной стороны, бегемоты возможности, с другой — слоновьи потребности. Трудно даже представить себе самочувствие Германа. А вот один человек представил.

Странного человека звали Джин Холтер. Раньше Джин объезжал мустангов. Потом ему кто-то сказал, что дело это самое рядовое, вот зебр объезжать — дело стоящее. Холтер скопил 1700 долларов, купил зебру и заставил ходить ее под седлом. «Ого, Холтер объездил зебру!» — удивились понимающие люди из его родного штата Южная Дакота. Нужно сказать, что объездить зебру — это и в Южной Дакоте значит объездить зебру. Ни больше, ни и меньше. К Холтеру посыпались предложения: «Снимаем фильм — нужна объезженная антилопа», «Делаем новую серию про Тарзана — нужна ручная горилла».

Так дело дошло до бегемотов. Джин Холтер устроил собственный цирк. Главный небывалый аттракцион — дрессированные гиппопотамы. Солист — Герман.

№ 1 ЯНВАРЬ 1968 СОДЕРЖАНИЕ

Е. ФЕДОРОВСКИЙ — Только что была тишина...	2
ОЛЕГ КУВАЕВ — Очень большой медведь	4
А. МАЛАХОВ — Мумии — 300 миллионов лет	8
В. ПИСЬМЕННЫЙ — Мое метро	10
КИШИШТОФ ШТЕЛЕЦКИЙ — Сандомеж не погибнет	14
Ю. КОВАЛЬ — Белая лошадь	14
Г. ЕРЕМИН — Сильбо Гомера и другие	16
ИВАР ЛИССНЕР — В тот день в Помпеях	20
В. АЛЕКСАНДРОВ — Четыре минуты, миллион вольт...	26
В. САКК — Енисейские дали	28
Агастья, посрамивший демона, или семь мудрецов из Тирумулайвайяла	32
ЖОРЖ СИМЕНОН — Погоня	33
О якорях, фонарях Ленинграда и поясе Тимура	42
В. ДОБРОНРАВОВ — Искать истину	46
Д. МЕНЗЕЛ — Явление природы	47
Д. МАК-ДОНАЛД — Интерпланетные зонды	49
В Эверглейдсе, на «болотной олимпиаде»	50
Па-де-де на волне	51
Змей над Гуанабарой	51
Вниз, к Голубому озеру	53
ВЛ. ДМИТРЕВСКИЙ — «Эра Великого Кольца» — ее создатель и герои	54
Загадки, проекты, открытия	57
Л. ФИЛИМОНОВ — На «Южной» — выюга...	58
ВАДИМ КАССИС — Самоа — страна в океане	60
И. ВЕЙСС — Покупайте на Блошином рынке	63
ГАРОЛЬД ГРИФФИН — Последний из хайда, ставший первым	64
Б. СИЛКИН — Пернатый мастер	64
ДЖОН СЭК — История роты М	66
Пестрый мир	78
Листая старые страницы	78
Про бегемота, который думал...	79

На первой странице обложки:
БРАЗИЛИЯ. В «зеленом аду» Амазонии племена индейцев селятся только по берегам рек. Река — самый удобный путь сообщения, река — кормилица, река — это жизнь. На своих легких пирогах, выдолбленных из цельных стволов, рыбаки отправляются за добычей.

Главный редактор **В. С. САПАРИН**

Члены редакционной коллегии: **В. И. АККУРАТОВ**, **И. М. ЗАБЕЛИН**, **М. М. КОНДРАТЬЕВА**, **В. Л. КУДРЯВЦЕВ**, **А. А. НОДИЯ** (заместитель главного редактора), **К. Г. ПАУСТОВСКИЙ**, **П. Н. РЕШЕТОВ**, **Ю. Б. САВЕНКОВ** (ответственный секретарь), **А. И. СОЛОВЬЕВ**, **В. С. ЧЕРНЕЦОВ**, **Л. А. ЧЕШКОВА**, **В. М. ЧИЧКОВ**.

Оформление **В. Чернецова** и **Т. Гороховской**

Рукописи не возвращаются. Технический редактор **А. БУГРОВА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Суцеская, 21. Телефон для справок Д 1-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 4-09; иностранный — 2-85; литературы — 3-58, 3-93; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

Сдано в набор 5/XI 1967 г. Подп. к печ. 21/XII 1967 г. А14494. Формат 84x108/16. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12. Тираж 2 600 000 экз. Заказ 2426. Цена 60 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Суцеская, 21.

Ну и, конечно, Луиза. Без подруги-слонихи Герман и шага делать не хотел. В конце концов он ведь тоже немного слон. Об этом знает Луиза, об этом узнал, надо думать, и тот слон-чужак, которого как-то завели в их загон. Герман бросился на него, но чужак отхлестал его хоботом. Шершавое ухо Германа на два дня стало пушистым — даже вода шипела в бассейне.

Это был суровый урок. В большой душе Германа ворочались два чувства. Первым было чувство разочарования: всю жизнь мечтал быть слоном, да так, видно, и не получилось. А вторым было чувство стыда — перед собой, перед Луизой.

В общем Герман, подгоняемый этими чувствами, сбегал на следующее же утро после незаслуженной трепки.

Когда Холтер увидел, что фургон, в котором должен был быть Герман, пуст, он принялся размышлять. Куда мог отправиться Герман? Холтер, если ему поднажужить, мог думать, как бегемот или тигр, як или зебра. Ему это было все равно. Дело, однако, осложнялось тем, что Герман думал, что он слон. Разные мысли накладывались одна на другую, запутывая выбор возможного маршрута. В конце концов Холтер отправился к пляжу.

Вообще Оранжевый Берег — а все приключения Германа происходили именно в этом месте Южной Калифорнии — будто нарочно создан для бегемотов, твердо решивших добиться свободы. Песчаный берег изрезан оврагами, устьями рек и речушек, каналами, заливами. Прибавьте сюда еще роскошные заросли, в которых могло бы укрыться целое стадо слонов, и теперь попробуйте найти Германа.

«М-да, на пляже его не видно, — тяжело дыша, размышлял Холтер. — Этот чертов бегемот, похоже, опять вообразил, что он слон. Потопаю-ка я к зарослям...»

Из зарослей Холтер выбрался на поляну к тому времени, когда уже светила луна. Хотелось дико есть — хоть листья жуй, но Холтер, как и Герман, не был настоящим слоном. «Пойду домой, искать все равно бесполезно. Наверное, он давно лежит себе в каком-нибудь болоте...»

Герман лежал в бассейне. Это выяснилось лишь на следующее утро. Бассейн был огромный, в нем обычно тренировали скаковых лошадей. Герману в нем было покойно, даже блаженно — к скаковым лошадям он никаких чувств не питал. Когда вокруг бассейна собралась толпа, Герман, чтобы люди не отвлекали его своим гомоном от важных мыслей, погрузился в воду. Люди долго бегали по кромке бассейна, но ни криками, ни приказаниями не могли вытянуть бегемота из воды. Тогда пришел Холтер и привел с собой Луизу. Она легонько постучала хоботом о черный корпус бегемота; тот выставил из воды свои глаза-перископы, смиренно вздохнул и полез на сушу...

Ладно, он не слон, но хорошее отношение со стороны слонихи Луизы ему обеспечено. А это самое главное: Герман был вполне удовлетворен и смирился с жизнью, в которой ему выпало столько разочарований.

БЮРО
МЕЖДУНАРОДНОГО
МОЛОДЕЖНОГО ТУРИЗМА
СССР

Цена 60 коп.
Индекс 70142

В 1968 ГОДУ К ТРАДИЦИОННЫМ
МАРШРУТАМ «СПУТНИКА» ПРИБА-
ВИТСЯ МНОГО НОВЫХ.

Долины

